

XXIV $\frac{25}{11}$

200 1

1 omg. 2 1843

W. L. H.

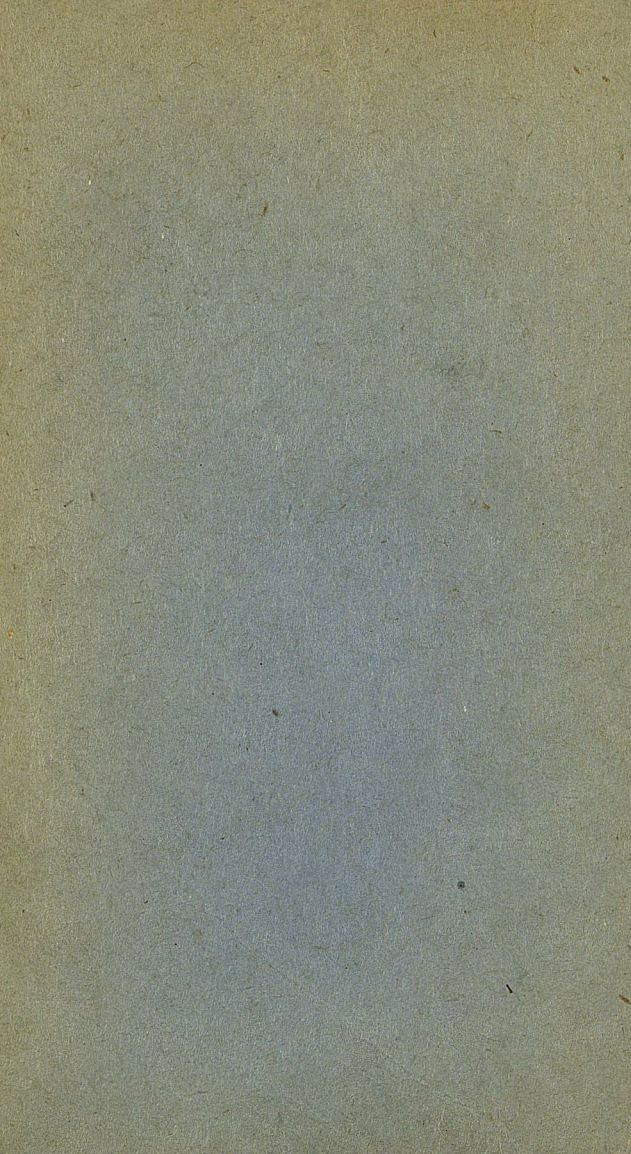
W.

1982

0 22

сф 2-41
10662

БИБЛІОТЕКА

для

~~N 54~~
~~131~~ XXIV 75
ВОСПИТАНІЯ.

Изданіе Августа Семена.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Часть I.

СКАЗКА ВЪ ВИДѢ АЛЬМАНАХА,
Г-жи Зонтагъ.

ИСТОРІЯ ГРЕЧЕСКИХЪ ГЕРОЕВЪ,
НАПИСАННАЯ НИБУРОМЪ ДЛЯ СВОЕГО СЫНА.

МОСКВА.

Въ Типографіи А. Семена.

1843.

ф 2-61
10662

5*

БИБЛИОТЕКА

для

ВОСПИТАНИЯ.

ОТДѢЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ЧАСТЬ I.

Издание А. Семена.

ф. 31-11585

МОСКВА.

ВЪ РЕКОГРАФИИ А. СЕМЕНА.

1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Цензурный Комитетъ узаконенное число эк-
земпляровъ Москва, Ноября 5-го дня 1842 года.

Цензоръ Н. Крыловъ.

МОСКВА

1842

СКАЗКА
ВЪ ВИДѢ АЛЬМАНАХА

А. П. ЗОНТАГЪ.

СКАЗКА

ВЪ ВИДѢ АЛЬМАНАХА.

Преданіе гласить, что въ нѣкоторой отдаленной странѣ, гдѣ незаходимое солнце освѣщаетъ вѣчно зеленые сады, царствовала и теперь еще царствуетъ царица Фантазія. Щедрою рукою сыпала она дары свои на счастливыхъ подданныхъ. Всѣ любили ее, всѣ чтили и всѣ знали ее. Но сердце царицы было слишкомъ благотворительно, чтобы довольствоваться только тѣмъ добромъ, которое она оказывала своимъ избраннымъ. Она сама, въ убранствѣ вѣчной юности и неувядаемой красоты, сошла

на землю, къ людямъ живущимъ печально, угрюмо, озабоченнымъ трудами и гнетомымъ нуждою. Она принесла имъ изъ царства своего лучшіе дары, и съ тѣхъ поръ, какъ прекрасная царица начала пробѣгать землю, люди стали веселы и при самыхъ трудахъ; даже во время печали вкрадываются иногда веселые часы.

Фантазія имѣетъ дѣтей столь-же милыхъ и прекрасныхъ, какъ сама. Благотѣльная царица и ихъ послала на землю благотворить людямъ. Однажды, старшая дочь царицы Фантазіи, по имени Сказка, оставя землю, возвратилась къ ней. Царственная мать замѣтила печаль на лицѣ своей дочери; ей казалось даже, что глаза ея были заплаканы.

«Что съ тобою сдѣлалось, милая Сказка?» спросила царица; «отъ чего ты такъ уныла, такъ печальна? Повѣрь горе свое матери!»

«Ахъ, матушка!» отвѣчала Сказка: «давно-бы я открыла тебѣ мое сердце, если-бы не думала, что мое горе огорчить также и тебя!»

«Говори, дочь моя!» сказала прекрасная царица: «горестъ подобна тяжело-му камню, который подавляетъ одинокаго; но вдвоемъ его легче поднять и сбросить съ дороги.»

«Ну, если ты приказываешь, я все тебѣ открою!» говорила Сказка. «Ты знаешь, какъ мнѣ весело было жить между людьми; я охотно посѣщала убогія хижины, и тамъ, послѣ работъ дневныхъ, забавляла бѣдныхъ тружениковъ моими разсказами. Они встрѣчали меня съ ласкою, угощали съ радушіемъ, провожали съ дружбою! — Теперь все перемѣнилось!»

«Бѣдная моя Сказочка!» сказала царица, лаская ея щечки, орошенные слезами. «Но можетъ статься это тебѣ только показалось!»

«Ахъ, нѣтъ, матушка,» отвѣчала Сказка, «я это вижу ясно! Люди перестали любить меня! Куда я ни приду, меня принимаютъ вездѣ холодно; никто ужъ не ласкаетъ меня. Даже и дѣти, которые бывало такъ меня любили, теперь надо мною насмѣхаются и отворачиваются отъ меня!»

Царица склонила голову на руку и въ молчаніи размышляла.

«Скажи мнѣ, милая Сказка,» спросила она наконецъ, «не знаешь-ли ты причины такой переменъ!»

«Знаю,» отвѣчала Сказка. «Люди учредили мудрыхъ надзирателей, которые строго осматриваютъ, испытуютъ все, что ни выходитъ изъ твоего царства, о царица Фантазія! Когда является кто не по мысли ихъ, то они или убиваютъ его до смерти, или оклеветываютъ его передъ людьми, такъ, что онъ не осмѣлится и показаться имъ. Ахъ! братья мои, сны, гораздо счастливѣе меня! Они

спархиваютъ на землю, не замѣченные этими мудрыми надзирателями; они посѣщаютъ дремлющихъ людей и рисуютъ имъ картины, услаждающія сердце и зрѣніе!»

«Братья твои шалуны, рѣзвые мальчишки,» сказала царица; «но ты, моя любимица, не имѣешь причины имъ завидовать! Я знаю тѣхъ надзирателей, о которыхъ ты говоришь; они охраняютъ предѣлы земли. Люди хорошо сдѣлали, назначивъ имъ эту должность. Часто приходятъ легкомысленные шарлатаны, обманщики, бродяги, увѣряющіе, что они выходцы изъ моего царства, между тѣмъ какъ они не иначе могли заглянуть въ него, какъ изъ величайшаго отдаленія, взобравшись на вершину горы и поднявъ голову къверху.»

«Но я дочь твоя!» говорила Сказка, проливая слезы; «почему-же я должна терпѣть за этихъ обманщиковъ! Ахъ!

если-бъ ты знала только, какъ ужасно они обходились со мною! Они называли меня старою дѣвкой и грозились прогнать со стыдомъ, если я осмѣлюсь придти опять!»

«Какъ!» вскричала Фантазія: «прогнать дочь мою!» — Гнѣвъ пылалъ во взорахъ ея. — «Я знаю,» продолжала она, «всему этому причиною наша злая родственница!»

«Ты хочешь сказать Мода!» воскликнула Сказка: «нѣтъ, матушка! это невозможно! Она меня любить! Она всегда ласкала меня!»

«О! я знаю эту лукавую, непостоянную женщину!» отвѣчала царица. «Но, дочь моя, на зло ей, постарайся прокрасться на землю! Кто хочетъ дѣлать добро, тотъ долженъ преодолевать всѣ препятствія!»

«Ахъ, матушка! Но если меня изгонять, если меня оклеветаютъ такъ, что люди не захотятъ и смотрѣть на меня;

я должна буду жить на землѣ въ презрѣніи и уединенно ! »

« Если взрослые такъ ослеплены Молодою, что не умѣютъ цѣнить тебя, то обратись къ дѣтямъ ! Они всегда были моими любимцами, и я приказала братьямъ твоимъ снамъ относить имъ лучшія мои картины. Я и сама очень часто являюсь имъ ! Сколько разъ я ласкала ихъ и научала прекраснымъ играмъ. Они знаютъ меня, хотя имъ еще и неизвѣстно мое имя. Какъ часто, ночью порою, они улыбаются звѣздѣ моей, или поутру, когда мои блестящіе облака бѣгутъ по небу, они рукоплескаютъ мнѣ ! И вырастая они любятъ меня. Я научаю милыхъ дѣвушекъ сплетать вѣнки, а рѣзвыхъ юношей смиряю, когда, сидя вмѣстѣ съ ними на вершинѣ скалы, показываю имъ, въ туманномъ отдаленіи, синѣющія горы, высокія башни, великолѣпныя палаты, быстро-летающія колесницы, красивыхъ,

храбрыхъ рыцарей и разныя, чудно измѣняющіяся, картины въ румяномъ блескѣ вечерняго солнца!»

«О, добрые дѣти!» воскликнула растроганная Сказка; «я пойду къ нимъ! съ ними еще разъ попробую своего счастья!»

«Такъ, добрая дочь моя,» сказала царица, «поди къ нимъ! Но, отпуская, мнѣ надобно хорошенько нарядить тебя, чтобы одежда твоя могла нравиться и взрослымъ, и чтобы они не выгнали тебя отъ дѣтей! Надѣнь мантию Альманаха, которую я сей часъ дамъ тебѣ.»

«О, матушка! мантию Альманаха!—но въ такомъ мнѣ будетъ стыдно показаться въ люди!»

Царица подала знакъ своимъ прислужницамъ, и онѣ принесли нарядную мантию Альманаха. Она была блестящаго, яркаго цвѣта, испещренная разными прекрасными изображеніями. Прислужницы убрали длинныя кудри пре-

красной дѣвы; онѣ обули ноги ея въ золотыя сандали, а на плеча накинули принесенную мантию.

Скромная, стыдливая Сказка не смѣла поднять глазъ. Но мать, посмотрѣвъ на нее съ неизъяснимымъ удовольствіемъ, нѣжно обняла ее. «Поди къ дѣтямъ, моя Сказочка!» сказала она: «я благословляю тебя! Но если и они станутъ презирать тебя, если и они изгонять тебя, то воротись ко мнѣ! Можетъ статься, грядущее поколѣніе будетъ вѣрнѣ природѣ и отверзетъ тебѣ свое сердце!»

Такъ сказала царица Фантазія, и Сказка сошла на землю. Съ трепещущимъ сердцемъ приблизилась она къ тому мѣсту, гдѣ сторожили мудрые надзиратели; она склонила головку, закуталась въ свою прекрасную мантию и робко подошла къ воротамъ.

«Стой!» закричалъ грозный голосъ..

«Сюда, стража! Вотъ идетъ новый Альманахъ!»

Сказка затрепетала, услыша эти слова. Нѣсколько стариковъ строгой наружности бросились къ ней. Они держали въ рукахъ острые перья и обратили ихъ противъ Сказки. Одинъ, изъ грозной толпы, подошедъ къ ней, грубой рукою взялъ ее за подбородокъ и вскричалъ: «Господинъ Альманахъ! голову вверхъ! Мы хотимъ посмотрѣть тебѣ въ глаза; хотимъ видѣть, годишься ли ты на что-нибудь!»

Закраснѣвши, Сказка приподняла головку, но потупила свои блестящія глазки.

«Да это Сказка!» воскликнули надзиратели съ громкимъ смѣхомъ. «Мы ждали какого-нибудь чуда, а нашли Сказку! За чѣмъ пришла ты въ такомъ нарядѣ?»

«Такъ нарядила меня матушка!» сказала Сказка.

«Вотъ что! Она думала, что тебѣ удастся заболтать насъ и прокрасться мимо! Нѣтъ! ты не обманешь насъ! Убирайся отсюда, пока говорятъ тебѣ добромъ!» кричали надзиратели, поднявъ на Сказку свои острые перья.

«Но я шла только къ однимъ дѣтямъ!» говорила Сказка умоляющимъ голосомъ и со слезами на глазахъ! «позвольте мнѣ пройти, къ нимъ только!»

«По свѣту бродить и такъ уже слишкомъ много пустомель!» вскричалъ одинъ изъ надзирателей. «Они только вздору научаютъ дѣтей нашихъ!»

«Однако,» возразилъ другой, «посмотримъ, чѣму она горазда!»

«Хорошо!» вскричали прочіе: «пускай она покажетъ намъ что знаетъ; но только скорѣй: намъ нѣкогда терять съ нею времени!»

Сказка протянула свою ручку и сдѣлала нѣсколько знаковъ указательнымъ пальцемъ по воздуху. Вдругъ, явилось

множество разнообразныхъ предметовъ : тянулись караваны ; скакали борзые кони, на нихъ сидѣли витязи въ блестящихъ доспѣхахъ ; среди пустынныхъ песковъ виднѣлось множество палатокъ ; на бурномъ морѣ плавали птицы и рыбы ; видны были уединенные лѣса, многолюдныя площади и улицы ; кровопролитныя сраженія и мирныя кочевья, — все это тѣснилось одно за другимъ, смѣняло одно другое.

Сказка показывала свои картины съ величайшимъ усердіемъ и совсѣмъ не замѣчала, что надзиратели, одинъ по одному, засыпали. Она хотѣла изобразить еще новыя картины на воздухѣ ; но одинъ доброжелательный человекъ, еще не усыпленный чудесами Сказки, подошелъ къ ней и, взявъ ее за руку, указалъ на спящихъ. « Добрая Сказка ! » сказалъ онъ : « для нихъ твои картины не имѣютъ никакой цѣны. Пробѣги скорѣе сквозь ворота, пока они еще не

опомнились отъ своего усыпленія ! Они и не провѣдаютъ, что ты на землѣ, ты можешь жить на ней спокойно ! Я провожу тебя къ моимъ дѣтямъ ; дамъ тебѣ мирной пріютъ въ моемъ домѣ, и тамъ ты будешь жить въ тишинѣ ! Когда сыновья мои и дочери станутъ прилежно учиться, то, по окончаніи уроковъ, имъ позволено будетъ забавляться съ тобою ; они придутъ къ тебѣ ; разговаривай съ ними и показывай имъ твои очаровательныя картины ! Согласна-ли ты на это ?»

« О ! я съ радостью пойду къ твоимъ дѣтямъ и всячески буду стараться забавлять ихъ ! » отвѣчала Сказка.

Добрый человекъ пособилъ ей перескочить черезъ ноги спящихъ надзирателей и, улыбаясь, смотрѣлъ ей въ слѣдъ, когда она поспѣшно пробѣжала сквозь завѣтныя ворота.

КАРАВАНЪ.

Однажды тянулся через пустыню большой караванъ. На равнинѣ необозримой, гдѣ не видно было ничего, кромѣ сыпучаго песка и неба, слышался вдали звонъ колокольчиковъ, прицѣпленныхъ къ верблюдамъ, и серебряныхъ звонковъ, украшающихъ коней; густое облако пыли означало шествіе каравана, и когда вѣяніе вѣтерка на минуту разносило пыль, то можно было различить и блескъ оружія, и пестряющіяся одежды путешественниковъ. Такъ видѣлъ караванъ одинокій путникъ, ѣхавшій по пустынѣ. Подъ нимъ былъ прекрасный Арабскій конь, покрытый тигровою кожею; красная сафьянная сбруя была вся обвѣшана серебряными звонками, а голова коня была украшена пукомъ строусовыхъ перь-

евъ. Убранство красиваго всадника соответствовало великолѣпному убранству коня. Бѣлая, богато вышитая золотомъ, чалма покрывала его голову; его кафтанъ и широкіе шаровары были ярко-краснаго цвѣта; при бедрѣ его висѣла выгнутая сабля съ богатою рукояткою. Черные глаза, сверкающіе изъ подъ густыхъ бровей, длинная, густая, окладистая борода, орлиный носъ, и низко надвинутая чалма, придавали ему видъ дикій, смѣлый. Будучи шаговъ на пятьдесятъ отъ Каравана, онъ стегнулъ свою лошадь и въ нѣсколько мгновеній подскакалъ. Встрѣтить одинокаго путешественника въ пустынь такъ необыкновенно, что стражи, сопровождавшіе караванъ, страшась внезапнаго нападенія, обратили копья свои противъ незнакомца. Всадникъ, увидя такой непріязненный пріемъ, воскликнулъ: «неужели вы боитесь, что я, одинокій путникъ, нападу на многочисленный кара-

ванъ?»— Пристыженные стражи опустили свои копья и начальник ихъ, подѣхавъ къ незнакомцу, спросилъ: чего онъ желаетъ. «Кто хозяинъ этого каравана?» спросилъ всадникъ. Начальникъ стражи отвѣчалъ: «караванъ принадлежитъ не одному хозяину, а нѣсколькимъ купцамъ, которые возвращаются въ свое отечество изъ Мекки, и которыхъ мы провожаемъ для того, чтобы охранять отъ разбойниковъ, часто стерегущихъ въ пустынь путешественниковъ.» — «Проводи меня къ этимъ купцамъ!» сказалъ незнакомецъ.— «Теперь я не могу исполнить вашего требованія,» отвѣчалъ начальникъ стражи; «мы должны ѣхать впереди, безъ остановки; купцы ѣдутъ сзади, и до нихъ не менѣе четверти часа ѣзды. Но если вамъ угодно ѣхать вмѣстѣ со мною, до мѣста, гдѣ мы расположимся отдыхать, то я представлю васъ хозяевамъ каравана.» — Незнакомецъ не отвѣчалъ ни

слова; онъ вынулъ свою длинную трубку, привязанную къ сѣдлу и началъ курить, вѣдучи рядомъ съ начальникомъ стражи. Этотъ послѣдній не зналъ что дѣлать съ незнакомцемъ; онъ не смѣлъ прямо спросить о его имени, и никакъ не умѣлъ завести съ нимъ разговора. Напримѣръ: когда онъ дѣлалъ замѣчаніе: «вы курите очень хорошій табакъ!» или: «конь вашъ идетъ прекраснымъ шагомъ!» — то незнакомецъ отвѣчалъ на все одно только: «да!» и тѣмъ прекращался разговоръ. Наконецъ доѣхали до мѣста, назначеннаго для отдохновенія. Начальникъ стражи разставилъ людей своихъ для караула, а самъ остановился вмѣстѣ съ незнакомцемъ, чтобы ввести караванъ въ средину разставленной стражи. Тридцать, тяжело навьюченныхъ, верблюдовъ, окруженныхъ вооруженными людьми, прошли мимо ихъ, за ними слѣдовали пять купцовъ, которымъ принадлежалъ караванъ; они ѣха-

ли на прекраснѣйшихъ коняхъ ; всѣ они были люди степенные, пожилые, кромѣ одного, который былъ гораздо моложе всѣхъ и казался живѣе прочихъ. Множество другихъ верблюдовъ и выючныхъ лошадей заключили шествіе.

Разбили палатки; лошадей и верблюдовъ поставили вокругъ стана.

Палатка, поставленная посреди, была больше прочихъ , изъ голубой шелковой ткани. Туда-то начальникъ стражи ввелъ незнакомца. Тамъ сидѣли пятеро купцовъ , на подушкахъ изъ золотой парчи ; черные невольники подносили имъ кушанье и напитки. « Кого вы привели къ намъ? » спросилъ младшій изъ купцовъ у начальника стражи; но прежде нежели тотъ успѣлъ отвѣчать, незнакомецъ сказалъ : « Имя мое: Селимъ Барухъ; я житель Багдада. На меня напала шайка розбойниковъ, въ то время, какъ я ѣхалъ въ Мекку. Они взяли меня въ плѣнъ, и содержали подъ стро-

гимъ надзоромъ. Не болѣе какъ три дни тому назадъ, мнѣ удалось убѣжать отъ нихъ. Я скитался одинъ въ пустынь, когда великій пророкъ довелъ, изъ отдаленія, до слуха моего звонъ колокольчиковъ вашего каравана. Я пріѣхалъ къ вамъ, прошу позволенія остаться въ вашемъ обществѣ, и вмѣстѣ съ вами совершить мой путь. Вы примите подъ ваше покровительство человека не недостойнаго, и, возвратясь въ Багдадъ, получите щедрую награду, ибо я племянникъ визиря.» — Старшій изъ купцовъ отвѣчалъ: «Селимъ Барухъ! привѣтствую тебя, прибывшаго подъ нашу защиту! Мы съ радостью готовы помочь тебѣ; но прежде всего садись, пей и ѣшь съ нами!»

Селимъ Барухъ сѣлъ съ купцами, ѣлъ и пилъ съ ними. По окончаніи обѣда невольники собрали посуду и принесли длинные чубуки и шербетъ. Купцы долго сидѣли въ молчаніи, и, выпу-

ская изо рта голубоватые облака дыма, смотрѣли, какъ они рисовались кольцами, разширялись и, наконецъ, исчезали въ воздухъ. Напоследокъ, молодой человекъ прервалъ молчаніе. «Вотъ уже три дня,» говорилъ онъ, «какъ мы и на коняхъ и въ палаткахъ сидимъ молча, и не заботимся о томъ, какъ-бы пріятнѣе провести время. Скука меня давитъ! Послѣ обѣда я привыкъ или смотрѣть на плясуновъ и плясавицъ, или слушать пѣніе и музыку! Не можете-ли, любезные друзья и товарищи, придумать какъ-бы намъ пріятнѣе провести время?» — Четыре старшіе купца продолжали, молча, курить и казались погруженными въ задумчивость; но незнакомецъ сказалъ: «позволено-ли мнѣ будетъ сдѣлать предложеніе? — Не согласитесь-ли вы, при каждомъ отдыхѣ, по очереди, рассказывать что-нибудь для увеселенія товарищей? Это было бы пріятнымъ препровожденіемъ вре-

мени!» — « Селимъ Барухъ ! ты правъ!»
сказалъ Ахметъ, старшій изъ купцовъ;
« мы согласны на твое предложеніе!» —
« Я радуюсь, если предложеніе мое вамъ
пріятно, » говорилъ Селимъ Барухъ, « и,
если вамъ угодно , первый начну раз-
скажь. »

Обрадованные купцы посадили незна-
комца въ средину и содвинулись тѣс-
нѣе около него. Невольники наполнили
для господъ своихъ полные кубки шер-
бета, снова набили ихъ трубки и при-
несли горячихъ углей , чтобы зажечь
ихъ. Селимъ-же, освѣжа свой голосъ
большимъ глоткомъ шербета, разгла-
дилъ бороду и сказалъ: « и такъ, слу-
шайте повѣсть о калифѣ аистѣ.»

ПОВѢСТЬ

О

КАЛИФЪ АИСТЪ.

1.

Багдадскій калифъ Хазидъ сидѣлъ однажды, послѣ обѣда, на софѣ; онъ былъ доволенъ. День былъ жаркій. Калифъ плотно покушавъ, нѣсколько уснулъ, и послѣ этого сна былъ веселъ. Онъ курилъ трубку съ длиннымъ чубукомъ изъ розоваго дерева; изрѣдка прихлебывалъ кофе, который подливалъ ему стоявшій тутъ невольникъ, и, находя свой напитокъ вкуснымъ, съ удовольствіемъ поглаживалъ свою бороду. Глядя на калифа было замѣтно, что ему весело. Въ такіе часы съ нимъ можно было говорить обо всемъ, потому что

тогда онъ бывалъ кротокъ и обходитель-
лень; вотъ почему его великій визирь,
Манзоръ, имѣлъ обыкновеніе посѣщать
его всякой день въ это время. Онъ и
теперь пришелъ къ калифу, но, про-
тивъ обыкновеннаго, казался задумчивъ.
Калифъ, вынувъ на одну минуту изъ рта
янтарный мундштукъ, спросилъ: «Ви-
зирь! Нынче ты что-то печалень! Отъ
чего это?»

Великій визирь сложилъ крестообраз-
но руки на груди своей, преклонилъ
голову передъ государемъ и сказалъ:
«не знаю, государь, кажусь-ли я пе-
чальнымъ, но чувствую, что мнѣ очень
досадно! Тамъ внизу, у входа во дво-
рецъ, стоитъ разнощикъ, у него мно-
жество прекрасныхъ товаровъ, и мнѣ
жалъ, что я не имѣю довольно денегъ,
чтобы купить у него многое.»

Калифу давно уже хотѣлось пода-
рить чѣмъ-нибудь великаго визиря.
Онъ послалъ одного изъ черныхъ не-

вольниковъ за разнощикомъ. Скоро невольникъ привелъ его. Разнощикъ былъ очень небольшого роста, толстъ, смугль лицомъ и одежда его была вся изорвана, изношена. Онъ принесъ коробъ, въ которомъ находились всякаго рода товары: жемчуги, перстни, пистолеты въ богатой оправѣ, кубки и гребни. Калифъ и визирь все пересмотрѣли, и калифъ купилъ наконецъ для себя и для Манзора по парѣ прекрасныхъ пистолетовъ, а для жены великаго визиря гребень. Разнощикъ началъ укладывать свой коробъ и хотѣлъ уже совсѣмъ закрыть его, когда калифъ замѣтилъ съ боку выдвижной ящикъ. «Нѣтъ-ли и здѣсь какихъ товаровъ» спросилъ калифъ. — Разнощикъ выдвинулъ ящикъ, и показалъ калифу табакерку, наполненную чернымъ порошкомъ; при ней была бумага, исписанная странными письменами, которыхъ ни калифъ, ни визирь его прочитатъ не умѣли. «Я досталъ эту

табакерку отъ одного купца, который, шедши въ Мекку, поднялъ ее на дорогѣ,» говорилъ разнощикъ. «Я не знаю,» продолжалъ онъ, «ни что это за порошокъ, ни что значить написанное въ бумагѣ; если вамъ угодно имѣть эти вещи, я уступлю ихъ за бездѣлицу, потому что не знаю къ чему онѣ пригодны.» — Калифъ любилъ наполнять свое книгохранилище разными, рѣдкими, иностранными рукописями, хотя и не умѣлъ разбирать ихъ; онъ купилъ и бумагу и табакерку съ чернымъ порошкомъ, и отпустилъ разнощика. Но калифу очень хотѣлось знать, что-бы могли значить слова, написанныя въ купленной имъ бумагѣ; онъ спрашивалъ у визиря не знаетъ-ли онъ кого, кто-бы могъ разобратъ ихъ. «Всемиловѣйшій Государь и Повелитель!» отвѣчалъ визирь: «при главной мечети живетъ одинъ мужъ, котораго всѣ называютъ Селимомъ мудрымъ; онъ знаетъ всѣ возможные язы-

ки. Прикажи, о Государь, призвать его; можетъ статья, онъ разбереть это таинственное писаніе.»

Скоро привели мудраго Селима. — «Селимъ!» сказалъ калифъ: «всѣ говорятъ, что ты очень ученъ; посмотри на эту бумажку, не разберешь-ли ты что тутъ написано! Если ты прочитаешь ее, то я дамъ тебѣ праздничную одежду; а если не прочитаешь, то получишь двѣнадцать палочныхъ ударовъ по спинѣ и двадцать пять по пятамъ, за то, что напрасно слывешь Селимомъ мудрымъ.» — Селимъ повергся ницъ передъ калифомъ, восклицая: «да исполнится воля твоя, о Государь!» — Долго смотрѣлъ онъ на письма, наконецъ воскликнулъ радостно: «это письма Латинскія! Пусть меня повѣсятъ, если это не Латинскія письма!» — «Но что же онъ значать?» спросилъ Калифъ.

Селимъ сталъ переводить написанное такимъ образомъ: «Ты, кому сіе доста-

« нется, воздай хвалу Аллаху за щед-
« роту его! — Кто понюхаетъ одну ще-
« потку порошка, находящагося въ та-
« бакеркѣ , приговаривая : *Мутаборъ* ,
« тотъ приметъ на себя образъ, какого
« пожелаетъ, животного, и получить спо-
« собность понимать языкъ того живот-
« наго, чей приметъ образъ. Когда-же
« онъ захочетъ получить свой прежній
« человѣческій видъ, то пусть трижды
« преклонить главу на востокъ, произ-
« нося опять то-же слово. Надобно , од-
« накожь , остерегаться отъ смѣха, во
« все время своего превращенія ; ибо
« смѣхъ совершенно изгнать изъ па-
« мяти могущественное слово, и ты на-
« всегда останешься скотиною! »

Такъ читалъ мудрый Селимъ; Калифъ
былъ чрезмѣрно доволенъ. Онъ заста-
вилъ мудраго Селима дать клятву въ
томъ , что никому не откроетъ этой
тайны; подарилъ ему богатую одежду
и отпустилъ. Потомъ, оставшись наеди-

нѣ съ великимъ визиремъ, сказалъ ему: «Манзоръ ! Вотъ прекрасная покупка! Какъ мнѣ весело будетъ сдѣлаться скотиною! Приходи ко мнѣ завтра поутру; пойдемъ вмѣстѣ за городъ, понюхаемъ моего порошка и станемъ подслушивать, что говорятъ на воздухѣ, или въ водѣ; въ лѣсу, или на полѣ.»

На другое утро калифъ едва успѣлъ позавтракать и одѣться, какъ предсталъ передъ него великій визирь, чтобъ идти вмѣстѣ прогуливаться. Калифъ положилъ въ карманъ табакерку съ волшебнымъ порошкомъ, и, отпустивъ свою свиту, пошелъ одинъ съ визиремъ. Прежде они пробѣгали обширные сады калифова дворца, но не находили тамъ ни одного живаго существа, надъ которымъ-бы имъ захотѣлось произвести опытъ. Наконецъ визирь предложилъ идти къ одному пруду, около котораго собиралось всегда множество различныхъ животныхъ; особенно онъ видалъ

тамъ аистовъ, всегда привлекавшихъ его вниманіе своею важною поступью и своимъ щебетаньемъ.

Калифъ одобрилъ предложеніе визиря и пошелъ съ нимъ къ пруду. Тамъ нашли они только одного аиста расхаживающаго, съ величайшею важностію, взадъ и впередъ; онъ ловилъ лягушекъ, прыгавшихъ передъ нимъ. Скоро показался и другой аистъ, летящій къ тому же мѣсту.

«Государь!» сказалъ визирь: «я готовъ прозакладывать мою бороду, если эти долгоногіе не ведутъ между собою теперь же, презабавнаго разговора! Не обратятся-ли намъ въ аистовъ.

«Хорошо» отвѣчалъ калифъ: «но прежде повторимъ, что должно дѣлать, чтобы возвратить прежній человѣческій образъ! — Надобно три раза поклониться на востокъ и сказать *Мутаборъ*; тогда я буду опять калифомъ, а ты визи-

ремъ. Только, ради самаго неба, не смѣйся, а то мы погибли!»

Въ это время прилетѣвшій аистъ вился надъ головою калифа, и медленно спустился на землю. Калифъ вынулъ изъ кармана табакерку, понюхалъ изъ нее чернаго порошка, попотчивалъ имъ визиря и оба воскликнули: *Мутаборъ!*

Ноги ихъ вытянулись, покраснѣли и сдѣлались тонкими; ихъ нарядныя желтыя туфли обратились въ безобразныя птичьи лапы, руки въ крылья, изъ плечъ выросла длинная шея, борода исчезла и все тѣло покрылось перьями.

«Визирь!» сказалъ калифъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ величайшаго удивленія: «какой у тебя чудесный, длинный носъ! Клянусь, бородою пророка, я въ жизнь мою не видывалъ ничего прекраснѣе твоего носа!»

«Всенижайше благодарю, вашу свѣтлость!» отвѣчалъ визирь, наклоня свою длинную шею; «но и я осмѣлюсь доло-

жить вамъ, Государь, что въ образѣ аиста вы еще прекраснѣе, нежели въ образѣ калифа. Однако, не угодно-ли вамъ пойти подслушать, что говорятъ наши товарищи аисты?»

Между тѣмъ прилетѣвшій аистъ, спустился на землю, разглаживалъ и охорашивалъ свои перья и носомъ, и лапками. Новые аисты спѣшили подойти къ настоящимъ и слышали слѣдующій разговоръ:

«Здравствуйте, госпожа Долгоножка! Какъ рано вы пожаловали сюда на лугъ?»

«Здравствуйте, любезная Тонконоска! Я пришла сюда позавтракать! Не угодно-ли и вамъ покушать чего-нибудь? — Вотъ кусочекъ ящерицы; вотъ лягушечья ношка!»

«Благодарю покорно! Сего дня мнѣ совсѣмъ ѣсть не хочется! Я за другимъ дѣломъ прилетѣла сюда. Нынче у папеньки будетъ большое собраніе, и я должна буду, передъ гостями, танцовать;

такъ мнѣ хотѣлось-бы здѣсь , на просторѣ, протвердить мой танецъ.»

Сказавъ это, молодая самка принялась дѣлать разныя тѣлодвиженія и прыжки по лугу. Калифъ и Манзоръ , съ удивленіемъ, смотрѣли на нее. Но когда она, остановившись на одной ногѣ и поджавъ другую , принялась хлопать крыльями, то они никакъ не могли удержаться отъ смѣха, и, разинувъ свои длинные носы, громко хохотали. Калифъ, насмѣявшись до сыта, сказалъ : «вотъ забава, которой ни за какія деньги не купишь ! Какъ жаль, что эти глупыя твари, испугавшись нашего смѣха, улетѣли ! А то онѣ, пожалуй-бы, еще и запѣли !»

Но великій визирь вдругъ вспомнилъ, что , во время превращенія, запрещено было смѣяться. Онъ сказалъ объ этомъ калифу, который воскликнулъ : «клянусь Меккою и Мединою ! это ужасно, если мы осуждены будемъ, на весь нашъ вѣкъ, остаться аистами ! Визирь ! Да вспомни

же это глупое слово! Мнѣ оно никакъ не приходитъ на память!»

«Надобно поклониться три раза на востокъ и сказать: му-му-му!» отвѣчалъ визирь.

Они обратились на востокъ, кланялись такъ низко, что длинными своими носами упирались въ землю, но, о ужасъ! о горе! никакъ не могли припомнить волшебнаго слова! Сколько ни кланялся визирь, сколько ни мычалъ, все было напрасно! Роковое слово совершенно изгладилось изъ его памяти, и бѣдный калифъ Хазидъ, съ визиремъ своимъ осуждены были оставаться аистами.

Очарованныя птицы печально расхаживали около пруда, по зеленому лугу, и не знали что дѣлать. Имъ невозможно было вылезть изъ аистой кожи, имъ невозможно было, возвратясь въ городъ, объявить о себѣ! Кто захотѣлъ-бы признать въ двухъ прилетѣвшихъ аистахъ калифа и визиря его? А если-бы кто

и повѣрилъ , что калифъ превращень въ аиста , то никто-бы не захотѣлъ повиноваться калифу-аисту!

Печально бродили они нѣсколько дней, питаясь дикими плодами , которыхъ не могли порядочно разжевать своими длинными носами. Что касается да ящерицъ и лягушекъ , то они никакъ не рѣшались ихъ отвѣдывать, боясь испортить желудки. Единственное ихъ утѣшеніе, въ такомъ бѣдственномъ положеніи, состояло въ возможности летать. Они , всякой день, летали на кровли Багдадскихъ домовъ , чтобы видѣть , что дѣлается въ столицѣ.

Въ первый день замѣтно было въ городѣ величайшее смятеніе и печаль. На четвертые сутки, послѣ ихъ превращенія, они сѣли на кровлю дворца калифа. Оттуда увидѣли они на улицѣ торжественное шествіе. Раздавались громкіе звуки барабановъ и трубъ. Какой-то человекъ, одѣтый въ богряницу,

разшитую золотомъ, ѣхалъ на богато-убранномъ конѣ ; онъ былъ окруженъ блестящею свитою ; половина Багдадскихъ жителей тѣснилась около него, восклицая : « да здравствуетъ Мирза , обладатель Багдада ! » — Аисты, сидя на кровлѣ, поглядѣли другъ на друга, и калифъ Хазидъ сказалъ : « теперь, догадываешься-ли ты , визирь , почему я очарованъ ? Этотъ Мирза , сынъ моего злѣйшаго врага, волшебника Кашнура, который поклялся мнѣ вѣчнымъ мщеніемъ. Однако я не теряю надежды ! Ты , вѣрный мой товарищъ и въ счастіи, и въ бѣдахъ ! полетимъ вмѣстѣ ко гробу пророка ; можетъ статься, святость мѣста уничтожить волхвованія ! — » Они полетѣли въ ту сторону, гдѣ находится Медина.

Но они еще не имѣли привычки летать. Пролетѣвъ около двухъ часовъ, визирь сказалъ жалобно : « Государь ? моихъ силъ недостаетъ слѣдовать за

вами! Вы слишкомъ скоро летаете! Я чрезмѣрно усталъ! Къ тому-же вечеръ на дворъ; не пріискать-ли намъ какого ночлега?»

Хазидъ согласился на просьбу визиря, и, замѣтя подъ собою долину, гдѣ находились развалины, они спустились, чтобы провести тутъ ночь подъ крышею. Казалось, эти развалины были когда-то дворцомъ; тутъ были и башни, и колонны, и множество покоевъ, еще довольно хорошо уцѣлѣвшихъ; по всему можно было судить о прежнемъ великолѣпнѣ дворца. Хазидъ и товарищъ его ходили по развалинамъ, пріискивая для себя удобнаго мѣста; вдругъ аистъ Манзоръ остановился «Государь!» сказалъ онъ шепотомъ: «хотя и глупо визирю, а еще болѣе аисту, бояться привидѣній, но я увѣряю васъ, что здѣсь мнѣ страшно! Я слышалъ очень явственно, что здѣсь кто-то вздыхаетъ и стонетъ!» — Калифъ остановился и ус-

лышалъ тоже; ему слышался тихій плачь, похожій на человѣческій. Любопытство влекло его туда, откуда слышались жалобы, но визирь ухватилъ его носомъ за крыло и умолялъ не вдаваться въ новыя опасности. Тщетны были его увѣщанія! Калифъ и въ видѣ аиста сохранилъ свою неустрашимость; онъ вырвался отъ визиря, съ потерей одного пера, и пошелъ впередъ по темнымъ переходамъ. Скоро достигъ онъ двери, которая казалась только притворена; изъ-за этой двери слышались вздохи и какой-то вой. Онъ отворилъ дверь носомъ и съ удивленіемъ остановился на порогѣ. Въ разрушенномъ покоѣ, слабо освѣщенномъ небольшимъ окномъ, сидѣла на полу огромная сова. Крупныя слезы катились изъ большихъ, круглыхъ глазъ ея; изъ крючковатаго клюва вылетали тяжелые вздохи и стоны. Увидя калифа и визиря, который также осмѣлился войти, сова отъ радо-

сти громко закричала. Она отерла глаза крыломъ своимъ и, къ величайшему удивленію посѣтителей, сказала человеческимъ голосомъ, на арабскомъ языкѣ: «добро пожаловать, о аисты! Ваше посѣщеніе есть для меня благое предзнаменованіе! Мнѣ было предсказано, что аистъ доставитъ мнѣ величайшее счастье!»

Оправясь нѣсколько отъ удивленія, калифъ согнулъ свою длинную шею, установилъ, какъ можно лучше, свои долги ноги и сказалъ: «о сова! изъ словъ твоихъ замѣчаю, что ты ожидаешь отъ насъ помощи; но, къ несчастію, надежда твоя напрасна! Узнавъ наши походы, ты увидишь, что и мы несчастны, что и мы имѣемъ нужду въ помощи!» — Сова просила его рассказать свои приключенія, и калифъ удовлетворилъ ея любопытство, рассказавъ то, что намъ уже извѣстно.

Выслушавъ повѣствованіе калифа,

сова поблагодарила его, и сказала: «знайте-же, что и я не менѣ васъ несчастна! Отецъ мой, Индійской царь; онъ, кромѣ меня, не имѣлъ другихъ дѣтей. Зовутъ меня Лузою. Тотъ-же самый чародѣй, Кашнуръ, причина и моихъ несчастій. Однажды онъ посѣтилъ отца моего и просилъ меня въ замужство за своего сына. Отецъ мой очень вспыльчиваго нрава; онъ приказалъ сбросить съ лѣстницы дерзкаго, осмѣливавшагося сдѣлать ему такое предложеніе; но чародѣй, принявъ на себя другой образъ, вкрался опять къ намъ во дворецъ. Прогуливаясь, однажды, въ саду, я попросила пить, и онъ, въ видѣ невольника, поднесъ мнѣ питье, отъ котораго я мгновенно получила этотъ ненавистный образъ. Отъ ужаса я лишилась чувствъ, а во время моего безпамятства, онъ перенесъ меня сюда и вскричалъ страшнымъ голосомъ:

«Оставайся безобразною, презираемою

даже скотами, до тѣхъ поръ, пока найдется человѣкъ, который добровольно изберетъ тебя женою, не смотря на твою отвратительную наружность! Отецъ твой, и ты, вы оба узнаете, какъ отмщаетъ Кашнуръ за свои обиды!»

«Прошло уже нѣсколько мѣсяцовъ со времени моего превращенія; я живу пустынною въ этихъ развалинахъ, ненавидимая всѣми, ужасающая даже и зѣрей. Красоты природы отъ меня сокрыты, потому что днемъ я ничего не вижу, и только, когда блѣдный свѣтъ луны озаритъ слабымъ своимъ лучемъ эти стѣны, только тогда низпадаетъ завѣсъ съ глазъ моихъ!»

Окончивъ повѣсть свою, сова еще разъ отерла глаза крыломъ; воспоминаніе претерпѣнныхъ ею страданій снова извлекло слезы изъ глазъ ея.

Выслушавъ повѣствованіе принцессы, калифъ впалъ въ глубокую задумчивость. «Если я не ошибаюсь,» сказалъ

онъ , наконецъ : « то наши участи находятся въ какомъ-то тайномъ сношеніи. Но кто объяснить намъ, почему, и какъ? .. Сова отвѣчала: « о Государь ! И я также думаю, особливо когда вообразу, что, еще въ младенчествѣ моемъ, одна мудрая женщина предсказала, что аистъ доставить мнѣ величайшее счастье. Можетъ статься она предвидѣла, что мы назначены спасти другъ друга ! » — Это удивило калифа, и онъ спросилъ : « но какъ-же это можетъ случиться ! » — « Чародѣй, причинившій наши бѣдствія, приходитъ каждый мѣсяцъ въ эти развалины , » говорила принцесса. « Не далеко отсюда есть обширный залъ. Тамъ собираетъ онъ къ себѣ многихъ товарищей. Я уже нѣсколько разъ имѣла случай ихъ тамъ подсмотреть. Они разсказываютъ другъ другу свои постыдныя дѣла, и можетъ случиться, что вовремя ихъ разговора будетъ произнесено то волшебное слово, которое вы позабыли. »

«О, дражайшая принцесса!» воскликнулъ калифъ: «скажите скорѣе, когда придетъ сюда чародѣй, и гдѣ найти тотъ залъ, о которомъ вы говорите?»

Сова, помолчавъ нѣсколько, сказала: «Не сътуйте на меня, если я не иначе соглашусь исполнить ваше желаніе, какъ на нѣкоторомъ условіи!»—«Что такое?» вскричалъ калифъ: «требуйте, повелѣвайте! Я согласенъ на все!»

«Мнѣ самой хотѣлось-бы освободиться вмѣстѣ съ вами; но это не иначе можетъ случиться, какъ если одинъ изъ васъ согласится жениться на мнѣ.»

Аисты были поражены этимъ предложеніемъ; калифъ подалъ знакъ визирю и оба вышли вмѣстѣ.

«Визирь!» сказалъ калифъ: «это было-бы самое глупое супружество для меня! Женись на ней ты!»

«Какъ!» воскликнулъ визирь: «мнѣ жениться? Но жена моя выцарапаетъ мнѣ глаза, когда я приведу къ ней дру-

гую. Къ тому-же я человѣкъ старый ! Но вы , государь , вы и молоды , и не женаты ; вамъ приличнѣе вступить въ бракъ съ молодою , прекрасною принцессою ! »

« Въ томъ-то и дѣло ! » говорилъ калифъ , вздыхая ; « кто знаетъ молодали она и хороша-ли ? Мнѣ хотѣлось-бы товаръ лицомъ купить ! »

Они долго разговаривали такимъ образомъ ; наконецъ , видя , что визирь лучше желаетъ остаться аистомъ навсегда , нежели взять за себя сову , калифъ рѣшился жениться на ней самъ. Сова очень этому обрадовалась. Она объявила , что они не могли избрать лучшей минуты для посѣщенія развалинъ , потому что , вѣроятно , сею-же ночью чародѣй и всѣ его товарищи будутъ здѣсь.

Она повела аистовъ въ залъ. Долго шли они по длиннымъ темнымъ переходамъ ; наконецъ , изъ расщелины одной

развалившейся стѣны, блеснулъ яркій свѣтъ. Достигнувъ до того мѣста, откуда исходилъ свѣтъ, сова совѣтовала аистамъ сидѣть какъ можно смирнѣе, смотрѣть черезъ разсѣлину на все, что будетъ происходить, и слушать все, не бывъ замѣченными никѣмъ. Они увидѣли огромный залъ, со сводомъ, поддерживаемымъ большимъ количествомъ колоннъ, и великолѣпно украшенный. Залъ былъ освѣщенъ множествомъ разноцвѣтныхъ фонарей, разливающихъ свѣтъ, подобный солнечному. Посреди зала стоялъ круглый столъ, весь установленный самыми вкусными, изысканными яствами; къ столу была придвинута софа, на которой сидѣли восемь человѣкъ; между ними аисты узнали того разнощика, который продалъ имъ очарованный порошокъ. Одинъ изъ присутствующихъ просилъ его рассказать свои послѣдніе подвиги, и разнощикъ, между прочимъ, рассказъ исторію калифа и визиря его.

«Какое-же слово забыто ими?» спросилъ одинъ изъ гостей чародѣя. — «Это слово латинское,» отвѣчалъ Кашнуръ, «и вовсе не мудренное! Оно выговаривается такъ: *Мутаборъ*.»

Услышавъ это, аисты были внѣ себя отъ радости; они такъ скоро побѣжали на длинныхъ своихъ ногахъ вонъ изъ развалинъ, что сова едва могла за ними слѣдовать. Выбравшись на просторъ, растроганный калифъ сказалъ совѣ: «Избавительница моя! ты спасла меня и друга моего; изъ благодарности за то, что ты для насъ сдѣлала, я хочу быть твоимъ супругомъ!» — Сказавъ это, онъ обратился на востокъ; оба аиста преклонили три раза головы передъ выходящимъ солнцемъ, которое въ эту минуту величественно показывалось изъ за горъ, и воскликнули: «Мутаборъ!» — Въ то-же мгновѣнiе, къ неописанной ихъ радости, они возвратили свой прежнiй образъ. Они обнимались, смѣялись, пла-

кали и отъ восхищенія не знали что дѣлать. Но какъ описать ихъ удивленіе, когда, обернувшись назадъ, они увидѣли дѣвицу неописанной красоты, въ блестящемъ нарядѣ. Улыбаясь, она подала руку калифу и сказала: «вы не узнаете болѣе вашей совы, Государь?»—Калифъ былъ такъ восхищенъ ея красотою и любезностью, что воскликнулъ: «Какое счастье, что я былъ аистомъ!»

Всѣ трое пошли въ Багдадъ. Калифъ нашелъ въ карманѣ своемъ не только табакерку, съ волшебнымъ порошкомъ, но даже и кошелекъ свой со всѣми деньгами, что доставило ему возможность, пришедъ въ первое селеніе, купить все нужное для путешествія. Такимъ образомъ они скоро прибыли къ воротамъ Багдада. Возвращеніе калифа изумило всѣхъ, и народъ съ восторгомъ принялъ обожаемаго Государя.

Ненависть къ похитителю престола, Мирзѣ, еще увеличилась; его вытащили

изъ дворца и, вмѣстѣ съ чародѣемъ отцемъ его, заключили въ темницу. Калифъ отослалъ стараго волшебника въ развалины, въ ту-же самую горницу, гдѣ сидѣла несчастная принцесса сова; тамъ его и повѣсили. Сыну-жъ, который не зналъ волхвовать, калифъ предложилъ или понюхать табакъ, или быть казнену. Мирза не колебался въ выборѣ, и предпочелъ табакъ. Визирь поднесъ ему табакерку, приказавъ произнести волшебное слово и подумать объ аистахъ. Мирза сказалъ: «*Мутаборъ,*» и сдѣлался аистомъ. Калифъ приказалъ посадить его въ желѣзный птичникъ, находящійся въ саду.

Долго и счастливо жилъ калифъ Хазидъ съ женою своею, прекрасною принцессою. Когда, въ послѣ-обѣденное время, посѣщалъ его великій визирь, то они любили вспоминать свои приключенія; въ веселый часъ калифъ иногда представлялъ, какъ его великій визирь былъ

аистомъ; какъ онъ важно расхаживалъ, поднимая высоко свои ноги; какъ онъ хлопалъ крыльями, и какъ нагибалъ на востокъ свою длинную шею, восклицая безъ пользы: «му! му! му!» — Принцесса его супруга и дѣти ихъ всегда забавлялись этими разсказами. Но если они продолжались слишкомъ долго, то великій визирь, улыбаясь, грозилъ своему Государю разсказать принцессѣ, какъ онъ не хотѣлъ взять за себя совы, и какъ уговаривалъ визиря жениться на ней.

Селимъ Барухъ кончилъ свою повѣсть, и всѣ купцы были ею чрезвычайно довольны. «Время прошло такъ скоро, что мы и не замѣтили, какъ наступилъ вечеръ!» сказалъ одинъ изъ нихъ, приподнимая занавѣсъ палатки; «уже поздно! вечерняя прохлада повѣяла, и мы можемъ пуститься въ путь!» — Товарищи его на то согласились; скоро всѣ палатки были убраны и караванъ,

въ томъ-же порядкѣ какъ и прежде ,
двинулся съ мѣста.

Они ѣхали почти всегда ночью, чтобы
избѣжать невыносимаго дневнаго зноя ;
ночь дышала на нихъ прохладою и освѣ-
щала своими звѣздами ихъ путь. Нако-
нецъ, они достигли до мѣста, гдѣ можно
было спокойно расположиться станомъ.
Палатки были тотчасъ разбиты, и всѣ
легли отдыхать. Купцы оказывали всѣ
возможныя вниманія незнакомцу; они об-
ходились съ нимъ какъ съ другомъ.
Одинъ уступилъ ему подушку , другой
одѣяло, третій далъ ему невольниковъ ;
однимъ словомъ , онъ былъ какъ дома.
Наступило самое знойное время дня ,
когда путешественники проснулись. Рѣ-
шено было ожидать, въ этомъ мѣстѣ,
вечера. Отобѣдавъ вмѣстѣ , они опять
содвинулись тѣснѣе въ кружокъ, и мо-
лодой купецъ, обращаясь къ старшему,
сказалъ: «вчера Селимъ Барухъ доста-
вилъ намъ много удовольствія своею

повѣстью! Какъ было-бы хорошо, если-бы ты, Ахметъ, согласился намъ разсказать что-нибудь изъ походовъ твоихъ. Во время долгой твоей жизни съ тобою случилось много любопытнаго, ты много видѣлъ и, конечно, знаешь много прекрасныхъ сказокъ!» — Ахметъ помолчалъ нѣсколько времени, какъ-бы избирая предметъ для своего повѣствованія, наконецъ сказалъ :

«Любезные друзья! Во все продолженіе нашего пути, вы были мнѣ вѣрными товарищами, также и Селимъ достоинъ моею довѣренности! И такъ, я разскажу вамъ одинъ случай моей жизни, о которомъ не охотно говорю, и не со всякимъ! Я разскажу вамъ о *Мертвецахъ мореплавателей*.

ПОВѢСТЬ

О

МЕРТВЕЦАХЪ МОРЕПЛАВАТЕЛЯХЪ.

II.

Отецъ мой имѣлъ небольшую лавку въ Баморѣ; онъ былъ не богатъ и не бѣденъ, и одинъ изъ тѣхъ осторожныхъ людей, которые не полагаются на удачу, боясь, въ надеждѣ пріобрѣсти излишне, лишиться необходимаго. Онъ воспитывалъ меня съ величайшимъ стараніемъ и употреблялъ по дѣламъ своимъ, такъ, что я былъ ему помощникомъ во всемъ. Когда мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ, отецъ мой, впервые, отважился на важное торговое предпріятіе и ввѣрилъ морю тысячу золотыхъ монетъ. Но, скоро послѣ того, онъ умеръ, вѣ-

роятно, отъ безпокойства и горя. Смерть его была для него счастіемъ, потому что, спустя нѣсколько недѣль, пришло извѣстіе, что корабль, на которомъ находилось все отцовское богатство, потонулъ. Это ни сколько не поколебало моей юношеской твердости. Я обратилъ въ деньги все, что у меня оставалось, и отправился въ чужія земли искать своего счастья, не взявъ съ собою никого, кромѣ одного стараго слуги, который, изъ любви ко мнѣ, не хотѣлъ разстаться со мною и согласился дѣлать мою участь, какова-бы она ни была.

Мы сѣли на корабль въ Баморской гавань и отплыли съ попутнымъ вѣтромъ. Корабль, на которомъ я взялъ мѣсто, долженъ былъ идти въ Индію. Мы были уже пятнадцать дней въ морѣ, какъ, однажды, капитанъ корабля объявилъ намъ, что по всѣмъ примѣтамъ должно ожидать бури. Онъ казался очень безпокоенъ, тѣмъ болѣе, что еще мало

плавалъ этимъ путемъ, и не зналъ какія мѣры предпринять противу бури. Онъ приказалъ убрать всѣ паруса, и мыплыли очень медленно. Ночь наступила свѣтлая, но холодная, и капитанъ началъ уже думать, что ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Вдругъ, очень близко отъ насъ, пронесся корабль, котораго прежде мы ни гдѣ не замѣчали. Дикія восклицанія, ужасныя ругательства и крикъ, раздавались съ палубы. Это показалось мнѣ очень странно, особливо въ такое время, когда страшились бури. Нашъ капитанъ, стоявшій возлѣ меня, поблѣднѣлъ какъ мертвый. «Корабль мой непременно погибнетъ!» воскликнулъ онъ: «это плыветъ смерть!» Прежде нежели я успѣлъ попросить объясненія этихъ страшныхъ словъ, всѣ матрозы съ крикомъ и воплемъ сбѣжались къ капитану. «Видѣлъ-ли ты?» кричали они, въ ужасѣ. «Теперь мы пропали!»

Капитанъ старался успокоить ихъ, читая имъ утѣшительныя изреченія изъ Корана, но все было напрасно! Вдругъ поднялась буря, и не прошло еще часа, какъ нашъ корабль затрещалъ и оказалась ужасная течь; воду не успѣвали вычерпывать. Спѣшили спустить гребные суда, и едва успѣли мы на нихъ перебраться, какъ, въ глазахъ нашихъ, корабль нашъ потонулъ, и я остался нищимъ. Но еще ужаснѣйшія бѣдствія меня ожидали! Буря страшно бушевала, море кипѣло, невозможно было управлять нашимъ судномъ. Я крѣпко обнялъ моего стараго слугу, и мы дали другъ другу слово не разставаться, что-бы ни случилось. Наконецъ стало разсвѣтать; съ появленіемъ дневнаго свѣта, вѣтеръ еще усилился, и судно наше было опрокинуто. Я не видалъ болѣе никого изъ нашихъ корабельныхъ товарищей, и лишился чувствъ! Опомнясь, я увидѣлъ себя въ объятіяхъ моего стараго слуги,

которому какъ-то удалось опять переверотить опрокинутую лодку и втащить меня туда. Буря утихла. Отъ нашего корабля не осталось ни щепки; но, вдали, видѣнь былъ другой корабль, къ которому несли насъ волны. Подплывъ къ нему, мы узнали, что это былъ тотъ самый корабль, который такъ быстро пронесся мимо насъ прошедшею ночью, и который навелъ такой ужасъ на нашего капитана и всю команду. Видъ этого корабля, невольно, заставилъ меня содрогнуться. Предчувствіе нашего капитана, такъ скоро исполнившееся, и страшная наружность корабля пугали меня: онъ казался совершенно пустымъ, и хотя мы подплыли очень близко, но не могли замѣтить ни одного человѣка. Мы громко кричали, прося помощи; никто намъ не откликался. Однако этотъ корабль былъ единственнымъ средствомъ къ нашему спасенію, и мы благодарили за него пророка.

Съ кормы былъ спущенъ длинный канатъ; мы гребли изъ всѣхъ силъ, чтобы скорѣе приблизиться къ нему. Наконецъ мы до него доплыли, и я закричалъ громко; но мнѣ не было никакого отзвѣва; на корабль царствовало глубокое молчаніе. Съ помощію каната мы взобрались на корабль. Будучи моложе, я первый взлезъ; но какое ужасное зрѣлище поразило глаза мои! Вся палуба была обагрена кровью, и двадцать, или тридцать труповъ лежали на полу. У средней мачты стоялъ человѣкъ богато одѣтый, съ обнаженною саблею въ рукѣ; лице его было блѣдно, изкажено. Лобъ его былъ пробитъ огромнымъ гвоздемъ, которымъ онъ былъ пригвожденъ къ мачтѣ, и онъ былъ мертвъ. Страхъ оковалъ меня; я не въ силахъ былъ сойти съ мѣста и едва могъ переводить дыханіе. Наконецъ и спутникъ мой взошелъ на корабль и подобно мнѣ изумился. Не было ни одного живаго существа, вездѣ

лежали страшные трупы. Изливъ , въ молитвѣ , скорбь душъ нашихъ и призвавъ имя пророка, мы дерзнули, наконецъ, идти далѣе, осматривать корабль; озираясь на каждомъ шагу, не увидимъ-ли какого новаго ужаса, но все оставалось въ прежнемъ видѣ; не было ничего живаго, кромѣ насъ двухъ и необозримаго волнующагося подъ нами моря. Мы не смѣли громко говорить, страшась, чтобы пригвожденный къ мачтѣ , капитанъ корабля, не обратилъ на насъ своихъ тусклыхъ, оцѣпенѣвшихъ глазъ, или, чтобъ одинъ изъ мертвецовъ не поднималъ головы. Мы подошли къ люку, гдѣ находилась лѣстница, ведущая въ каюты, и пошли внизъ, но остановились на лѣстницѣ, не смѣя выговорить ни слова, хотя намъ и хотѣлось размынять-ся мыслями.

«Хозяинъ!» сказалъ наконецъ вѣрный мой слуга: «здѣсь совершились страшныя злодѣянiя! Но если убійцы и внизу,

то все-таки намъ лучше отдаться имъ въ руки, нежели оставаться на палубѣ, между мертвыми.» — Я былъ того-же мнѣнія, и мы пошли внизъ. Вездѣ царствовала глубочайшая тишина; не слышно было ничего, кромѣ стука собственныхъ нашихъ шаговъ и плеска волнъ. Подошедъ къ двери каюты, я приложилъ ухо; но и тутъ не слыхалъ ничего! Я отворилъ дверь; въ каютѣ все было въ величайшемъ безпорядкѣ: платья, оружія и всякая посуда была разбросана вездѣ. Видно было, что капитанъ, или его команда здѣсь не давно пировали, потому что остатки пира стояли еще на столѣ. Мы ходили изъ одной каюты въ другую, осмотрѣли весь низъ корабля, нашли тамъ богатый грузъ, множество шелковыхъ тканей, жемчуга, сахара и тому подобнаго. Я былъ внѣ себя отъ восхищенія. Мнѣ казалось, что я могу все это присвоить себѣ, потому что на кораблѣ не было хозяина. Слуга

мой, Ибрагимъ, замѣтилъ, что, вѣроятно, мы находимся еще очень далеко отъ берега, и что безъ помощи людей намъ невозможно будетъ доплыть до земли.

Мы подкрѣпили себя пищею и питьемъ ; на корабль было великое множество всякаго рода запасовъ; потомъ вошли опять на палубу. Смотря на всѣ эти мертвые тѣла, мы трепетали! Намъ хотѣлось побросать ихъ въ море; но какъ описать нашъ ужасъ, когда мы нашли, что ни одного изъ мертвецовъ невозможно было содвинуть съ мѣста. Они были какъ приклѣены къ доскамъ палубы, и чтобы выбросить за бортъ трупы, надлежало разобрать всю палубу ; на это не было у насъ никакихъ инструментовъ. Также и капитана невозможно было отдѣлить отъ мачты, ниже вынуть саблю изъ его окостенѣлой руки. Мы провели весь день въ печальныхъ размышленіяхъ о бѣдственномъ нашемъ положеніи; при наступленіи ночи я от-

пустилъ Ибрагима внизъ, чтобы онъ могъ тамъ хорошенько выспаться, а самъ остался на палубѣ караулить, не покажется-ли какое судно и не представится-ли намъ какая возможность спастись. Взошла луна, и глядя на звѣзды, я заключилъ, что былъ уже часъ одиннадцатый ночи; въ это время почувствовалъ, что меня сонъ клонить, и, не могши преодолѣть этой сонливости, я упалъ за бочку, находившуюся на палубѣ, и заснулъ. Однако сонъ мой походилъ болѣе на какое-то оцѣпенѣніе; я слышалъ, какъ волны плескали съ боковъ корабля; я слышалъ какъ вѣтеръ дулъ и свисталъ между парусами и такелажемъ. Вдругъ—мнѣ стали слышны и голоса и шаги человѣческіе на палубѣ; но я не могъ проснуться, сколько ни желалъ того; не могъ встать, чтобы посмотреть на пришельцевъ; какая-то невидимая сила оковала мои члены!—Голоса становились все громче, все слышнѣе; ка-

залось, веселая толпа овладѣла кораблемъ. Я различалъ также повелительный голосъ начальника; я слышалъ, какъ ставили паруса, расправляли снасти; мало по малу все затмилось въ моемъ умѣ, я впалъ въ такой крѣпкій сонъ, какимъ не спалъ даже и въ младенчествѣ, и проснулся не прежде, какъ когда солнце яркими лучами освѣтило мое лице и жгло его. Я смотрѣлъ съ удивленіемъ вокругъ себя: буря, корабль, мертвецы и все, что случилось наканунѣ, все, что мнѣ слышалось ночью, казалось мнѣ сномъ. Однако, я скоро убѣдился, что я на кораблѣ, гдѣ все было по старому. Неподвижно лежали мертвые, распростерты на палубѣ; неподвижно стоялъ капитанъ пригвожденный къ мачтѣ. Я пошелъ отыскивать моего старика Ибрагима.

Онъ сидѣлъ въ каютѣ и былъ погруженъ въ глубокую задумчивость. «О, хозяинъ!» воскликнулъ онъ, увидя меня;

«лучше-бы намъ было погибнуть въ пучинѣ морской, нежели спастись на этотъ заколдованный корабль и провести на немъ еще одну ночь!» — Я сталъ спрашивать о причинѣ его горести, и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: — «я спалъ уже нѣсколько времени,» говорилъ онъ: «какъ вдругъ услышалъ вверху, на палубѣ, бѣганье. Сначала я подумалъ, что это ты расхаживаешь взадъ и впередъ; но скоро мнѣ явственно было слышно, что тамъ бѣгали, по крайней мѣрѣ, человѣкъ двадцать. Я слышалъ, что они кричали и ругались. Наконецъ кто-то сошелъ съ лѣстницы въ каюту, тяжело ступая. Въ это время я, какъ-бы обезпамятѣлъ; однако, иногда память моя возвращалась на одну минуту, и въ эти минуты я видѣлъ того самого человѣка, который стоитъ пригвожденный къ мачтѣ. Онъ сѣлъ за столъ, пѣлъ пѣсни, пилъ вино; вмѣстѣ съ нимъ сидѣлъ и другой человѣкъ,

тотъ, что въ красномъ платѣ лежитъ мертвый недалеко отъ капитана. Они пили вмѣстѣ.»—Такъ рассказывалъ Ибрагимъ.

Вы легко можете себѣ представить, друзья мои, какое безпокойство наполнило мою душу! Весь этотъ ужасъ былъ не призракъ, не мечта! Я самъ слышалъ, какъ неистовствовали мертвецы! Плыть въ такомъ обществѣ было ужасно! Ибрагимъ долго размышлялъ и наконецъ воскликнулъ: «вотъ что мнѣ пришло на мысль: покойный дѣдъ мой научилъ меня одному изрѣченію, которое избавляетъ отъ власти злыхъ духовъ и прикосновенія всякаго чародѣйства.»—Ибрагимъ полагалъ также, что этотъ тяжкій, крѣпкій сонъ, котораго мы никакъ не могли преодолѣть, былъ неестественный, и чтобы не впасть въ него и на слѣдующую ночь, онъ предложилъ читать, со всевозможнымъ благоговѣніемъ, Коранъ, и усердно мо-

литься. Я одобрилъ предложеніе Ибрагима; но, не смотря на упованіе наше на помощь пророка, мы со страхомъ ожидали ночи. Рядомъ съ капитанскою каютою былъ небольшой чуланъ, въ которомъ мы вознамѣрились спрятаться. Въ двери этого чулана мы сдѣлали нѣсколько довольно большихъ продолговатыхъ скважинъ, чтобы намъ удобнѣе было подсматривать сквозь нихъ, что дѣлается въ каютѣ; потомъ, вошедъ въ чуланъ, мы заперли за собою дверь, изнутри, сколько возможно было крѣпче, и Ибрагимъ написалъ имя пророка во всѣхъ четырехъ углахъ чулана. Такимъ образомъ ожидали мы ужасовъ ночи. Около одиннадцати часовъ меня опять началъ клонить сонъ; замѣтя это, мой товарищъ совѣтовалъ мнѣ прочитывать нѣсколько изрѣченій изъ Корана и молиться. Я послушался его совѣта и сонливость моя миновалась. Вдругъ, все ожило на корабль! Начали стучать ка-

натами, ходить по палубѣ, и можно было, очень явственно, различить многіе голоса. Послѣ нѣсколькихъ минутъ мучительнаго ожиданія, услышали мы, что сходятъ по лѣстницѣ въ каюту. Въ это время Ибрагимъ сталъ повторять то изрѣченіе противу чародѣйства, которому научился отъ своего дѣда; вотъ оно

« Откуда-бъ вы ни шли

« Отъ легкихъ облаковъ высокихъ,

« Отъ низкихъ пропастей земли,

« Изъ нѣдръ ея глубокихъ.

« Изъ пламени-ль, изъ водъ,

« Владыка всѣмъ Господь!

« Его васъ властью заклинаю.

« И къ намъ касаться запрещаю! »

Признаюсь, я не очень вѣрилъ могуществу этихъ словъ, и волосы мои стали дыбомъ, когда дверь въ каюту настежъ отворилась. Мы видѣли, какъ вошелъ въ нее человекъ высокаго роста, стройный, красивой наружности, тотъ

самый, который былъ пригвожденъ къ мачтѣ. Гвоздь торчалъ насквозь его головы, проходя черезъ мозгъ. Обнаженная сабля, которую онъ держалъ въ рукѣ, теперь была вложена въ ножны. За нимъ шелъ другой кто-то, не въ столь богатой одеждѣ, и его я также видѣлъ мертваго. Капитанъ, по всему было видно, что таково было его званіе, капитанъ былъ блѣденъ лицомъ, имѣлъ густую черную бороду и дикій взглядъ. Онъ осматривалъ всѣ углы каюты и мнѣ было видно, что, проходя мимо двери, за которою мы сидѣли, онъ даже и не замѣтилъ ее. Оба пришельца сѣли за столъ, стоявшій посреди каюты и говорили громко, почти крича, но неизвѣстнымъ намъ языкомъ. Разговоръ ихъ становился часъ отъ часу шумнѣе, наконецъ капитанъ ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что вся каюта задрожала. Онъ вскочилъ изъ-за стола, выхватилъ саблю изъ ноженъ и оба

бросились вонъ изъ каюты. Мы стали дышать свободнѣе; но тѣмъ еще не прекратился нашъ страхъ. На палубѣ шумъ увеличивался ежеминутно. Слышна была бѣгатня, крики, хохоть, вой! Казалось, что вся палуба и весь рангоутъ на насъ обрушится! Стукъ былъ невообразимый; напоследокъ, слышались звуки оружія и бранныя восклицанія. — Вдругъ, все утихло. Спустя нѣсколько часовъ, мы отважились взойти на верхъ и нашли тамъ все какъ было! Всѣ мертвые лежали въ такомъ-же положеніи, неподвижные, окостенѣлые.

Такимъ образомъ мы провели на этомъ кораблѣ нѣсколько дней. Мы все плыли на востокъ, гдѣ, по всѣмъ примѣтамъ, долженъ былъ находиться не въ дальнемъ разстояніи берегъ, но, прошедь нѣсколько миль въ теченіе дня, казалось, что ночью мы возвращались назадъ, потому что восходящее солнце всегда находило насъ на томъ-же мѣстѣ.

Мы не иначе могли объяснить себѣ эту странность, какъ только тѣмъ, что ночью всегда поднимался сильный противный вѣтеръ; мертвецы оборачивали корабль по вѣтру и онъ, на всѣхъ парусахъ, отплывалъ назадъ. Чтобы воспрепятствовать этому, мы убрали всѣ паруса до наступленія ночи, и, написавъ на кусочкахъ пергамента имя пророка и то изрѣченіе, которому научился Ибрагимъ отъ своего дѣда, мы прикрѣпили эти куски пергамента къ каждому убранному парусу; потомъ, запершись, по обыкновенію, въ нашемъ чуланѣ, ожидали со страхомъ, что будетъ. Намъ казалось, что въ эту ночь шумъ былъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо; но на другое утро мы нашли паруса не тронутыми, точно въ такомъ положеніи, какъ мы ихъ оставили. Днемъ мы отдавали столько парусовъ, сколько было нужно, чтобы доставить кораблю нашему тихое плаваніе, а къ ночи опять ихъ убирали;

такимъ образомъ мы по немногу подвигались впередъ, и въ пять дней проплыли значительное пространство.

Наконецъ, на шестой день поутру, мы увидѣли вдали берегъ и благодарили Бога и пророка за наше чудесное спасеніе. Въ этотъ день и слѣдующую ночь, мы приблизились къ землѣ, а на утро седьмага дня могли уже различить не въ дальнемъ разстояніи городъ. Съ великимъ трудомъ бросили мы якорь.—Якорь упалъ на дно. Мы спустили небольшое гребное судно, находившееся на палубѣ, и гребли изъ всѣхъ силъ, чтобы скорѣе доплыть до города. Черезъ полчаса вошли мы въ устье рѣки, впадающей въ море, и вышли на берегъ. У городскихъ воротъ мы освѣдомились гдѣ мы?—И узнали, что пристали къ одному Индійскому городу, находящемуся недалеко отъ того мѣста, куда я имѣлъ намѣреніе плыть. Мы пошли въ каравансарай, и тамъ нѣсколь-

ко отдохнули отъ нашего труднаго, несчастнаго путешествія. Я сталъ спрашивать: нѣтъ-ли въ городѣ какого ученаго мужа, знающаго разрушать силу чародѣйствъ, съ которымъ-бы мнѣ можно было посоветоваться? — Меня проводили въ отдаленную улицу, гдѣ находился домъ бѣдной наружности. Я постучался въ дверь и былъ тотчасъ впущенъ. Проводникъ мой велѣлъ мнѣ спрашивать мудраго Мулея.

Въ домъ былъ я встрѣченъ старикомъ съ сѣдою бородою и длиннымъ носомъ; онъ спросилъ: чего я желаю? — Я объявилъ ему, что желаю видѣть мудраго Мулея. — «Я тотъ Мулей, котораго ты ищешь!» отвѣчалъ онъ. Тогда я рассказалъ ему о моихъ приключеніяхъ и просилъ научить меня, какимъ-бы образомъ мнѣ очистить корабль отъ мертвецовъ. — Онъ сказалъ, что вся эта корабельная команда очарована, вѣроятно, въ наказаніе за какое-либо злодѣя-

ніе, учиненное на морѣ. Онъ думалъ, что сила чародѣйства уничтожится, если всѣ люди будутъ перенесены на берегъ; но ихъ не иначе возможно было поднять, какъ вмѣстѣ съ досками, на которыхъ они лежали, слѣдственно, надобно было разобрать всю палубу. Казалось самъ Богъ далъ мнѣ право надъ этимъ кораблемъ и надъ всѣмъ, что на немъ находилось; но мнѣ нужно было таить, сколько возможно, это обстоятельство. Мулей просилъ себѣ небольшого подарка, и за то обѣщалъ придти ко мнѣ на помощь съ своими невольниками, чтобы переносить мертвецовъ съ корабля. Я увѣрилъ его, что онъ будетъ щедро награжденъ за такую услугу, и мы отправились на корабль, взявъ съ собою пятерыхъ невольниковъ, съ топорами, пилами, клещами и всѣми нужными орудіями. Дорогою мудрый Мулей не переставалъ выхвалять нашу счастливую выдумку: убрать всѣ пару-

са и прикрѣпить къ нимъ вышки изъ Корана. Онъ говорилъ, что это былъ единственный способъ спастись.

Было еще довольно рано, когда мы прибыли на корабль; мы принялись за работу немедленно, и черезъ часъ четыре мертвеца уже были спущены въ лодку. Два невольника поплыли съ ними къ берегу, чтобы тамъ зарыть ихъ. Они скоро возвратились и рассказали намъ, что мертвецы избавили ихъ отъ труда рыть могилу, что они, едва коснувшись земли, обратились въ прахъ. Мы продолжали вырубать и выпиливать всѣ доски, на которыхъ лежали мертвецы, и къ вечеру всѣ они были перевезены на берегъ и обращены въ прахъ, подобно первымъ. На корабль оставался только одинъ пригвожденный къ мачтѣ. Мы никакъ не могли вытащить гвоздя, которымъ онъ былъ приколотень. Я не зналъ что дѣлать! Мнѣ не хотѣлось рубить мачты, чтобы, вмѣстѣ съ нею,

отвезть мертваго на берегъ. Мулей придумалъ наконецъ средство вывести меня изъ этого затруднительнаго положенія. Онъ послалъ одного изъ невольниковъ на берегъ, и приказалъ ему привезть коробъ наполненный землею. Когда земля была привезена, Мулей сталъ посыпать ею голову мертвеца, произнося какія-то таинственные слова. Мертвый открылъ глаза, тяжело вздохнулъ и кровь полилась изъ раны гвоздиной, бывшей на его лбѣ. Мы легко могли выдернуть гвоздь, и раненый упалъ на руки къ одному изъ невольниковъ.

Пришедъ въ себя онъ спрашивалъ: «кто привелъ къ берегу меня и корабль мой?»—Мулей указалъ на меня, и я подошелъ къ нему. «Благодарю тебя, незнакомецъ!» сказалъ онъ. «Ты избавилъ меня отъ продолжительнаго мученія. Уже пятьдесятъ лѣтъ какъ трупъ мой плаваетъ по этимъ волнамъ, а духъ мой осужденъ былъ всякую ночь возвращаться

въ тѣло. Теперь, голова моя коснулась земли и прощенная душа можетъ, въ миръ, отойти къ отцамъ своимъ.» — Я просилъ его рассказать намъ, какимъ образомъ впалъ онъ въ то ужасное состояніе, изъ котораго намъ удалось извлечь его, и онъ рассказывалъ такимъ образомъ: «Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, я былъ богатъ, знатенъ и жилъ въ Алжиръ; но корыстолюбіе заставило меня желать еще большаго богатства. Я вооружилъ корабль и сдѣлался морскимъ разбойникомъ. Уже нѣсколько лѣтъ отправлялъ я такое ремесло, какъ однажды принялъ я на корабль, безъ платы, одного дервиша, который былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы заплатить намъ за переѣздъ. Я и матрозы мои, всѣ мы были люди грубые, не только не уважавшіе святости этого благочестиваго человѣка, но еще и насмѣхавшіеся надъ нимъ при всякомъ случаѣ. Однажды онъ укорялъ меня за всѣ мои преступ-

ленія и порочную жизнь. Я сидѣлъ тогда въ каютѣ съ моимъ штурманомъ, мы много пили, и разгоряченный виномъ, тѣмъ сильнѣе воспылалъ гнѣвъ мой. Я не могъ вынести того, чтобы бѣдный, ничтожный дервишъ осмѣливался дѣлать мнѣ укоризны, какихъ я не стерпѣлъ-бы и отъ самого Султана; я вскочилъ, вставилъ дервиша на палубу и поразилъ его въ грудь моимъ кинжаломъ. Умирая, дервишъ проклялъ меня и всю мою команду; онъ осудилъ насъ не жить, и не умирать до тѣхъ поръ, пока наши головы не коснутся земли. Дервишъ умеръ, мы бросили его въ море и смѣялись надъ его угрозами; но проклятіе его въ ту-же ночь поразило насъ. Часть моей команды взбунтовалась противъ меня, схватились за оружіе и всѣ мы сражались съ бѣшенствомъ другъ противъ друга, до тѣхъ поръ, пока всѣ мои защитники были перебиты, а я пригвожденъ къ мачтѣ. Но и

побѣдители всѣ померли отъ нанесенныхъ имъ ранъ, и корабль мой сдѣлался обширнымъ гробомъ. Всѣхъ насъ оковала смерть и оцѣпенѣніе; но въ тотъ часъ ночи, когда мы бросили дервиша въ море, мы всѣ оживали опять. Мы оживали, но только для того, чтобы дѣлать и говорить только то, что дѣлали и говорили въ ту несчастную ночь, когда постигло насъ проклятіе дервиша. Такимъ образомъ плавали мы пятьдесятъ лѣтъ, все на одномъ мѣстѣ, не могли ни жить, ни умереть. Мы не могли приблизиться къ землѣ! Во время бури мы, съ безумною радостью, поспились на всѣхъ парусахъ по морю, надѣясь, что корабль разобьется о какую-либо скалу и наши усталыя головы, хотя на днѣ морскомъ, коснутся земли, но мы надѣялись напрасно! Нашъ корабль оставался цѣль со всѣмъ, что на немъ находилось! Теперь я умру! Благодарю тебя, еще разъ, мой изба-

витель! Если сокровища могутъ заплатить за оказанное мнѣ благодѣяніе, то возьми корабль мой; онъ наполненъ драгоценностями, я дарю его тебѣ, какъ знакъ моей благодарности.»

Сказавъ это, капитанъ склонилъ голову и испустилъ послѣднее дыханіе. Въ одну минуту онъ разсыпался въ прахъ такъ-же, какъ и товарищи его. Мы собрали этотъ прахъ въ коробку и зарыли на берегу. Въ городъ нанялъ я работниковъ, чтобы исправить мой корабль, а пока онъ чинился, мнѣ удалось промѣнять находившіеся на немъ товары на другіе. Я нанялъ матрозовъ, щедро наградилъ друга моего Мулея и наконецъ поплылъ въ отечество. Я заходилъ въ разные порты, гдѣ продавалъ мои товары и покупалъ другіе. Великій пророкъ благословилъ всѣ мои предпріятія. Черезъ девять мѣсяцевъ я пріобрѣлъ вдвое столько богатства, сколько оставилъ мнѣ умирающій ка-

питанъ, и возвратился въ Балсору. Сочотечественники мои дивились моему богатству и счастію, и всѣ думали, что я нашелъ ту алмазную долину, которая была открыта славнымъ путешественникомъ Синдбадомъ. Я никого не выводилъ изъ заблужденія, и съ тѣхъ поръ всѣ Балсорскіе молодые люди, достигши восемнадцати лѣтъ, отправляются путешествовать, чтобы найти счастіе, подобно мнѣ. Я-же, съ того времени, живу спокойно и всякія пять лѣтъ ѣзжу въ Мекку, поклоняться Господу на святомъ мѣстѣ, благодарить Его за ниспосланное мнѣ благословеніе и молить, да введетъ Онъ въ свой свѣтлый рай капитана и его товарищей.»

На другой день караванъ продолжалъ свое путешествіе безпрепятственно, и прибывъ на мѣсто отдохновенія, Селимъ Барухъ, чужестранецъ, говорилъ Мулею, младшему изъ купцовъ: «ты молодежь всѣхъ, ты всегда весель и вѣрно

можешь рассказать намъ что — нибудь забавное! Повесели насъ во время дневнаго жара!» — Я охотно разскажалъ-бы вамъ что-нибудь забавное, » отвѣчалъ Мулей, «но скромность приличнѣе всего молодости. Пусть старшіе говорятъ прежде. Цалевко съ всегда такъ мраченъ, молчаливъ; для чего онъ не разскажетъ намъ, что помрачило его жизнь? Можетъ статься, мы найдемъ средство облегчить его горестъ; мы всѣ охотно помогаемъ друзьямъ, хотя-бы они были и не одной съ нами вѣры!»

Тотъ, къ кому относилась эта рѣчь, былъ Грекъ, среднихъ лѣтъ, прекрасенъ собою и мужественъ, но былъ всегда печаленъ. Хотя онъ и не былъ мусульманинъ, но товарищи его любили, ибо всѣ его поступки внушали къ нему довѣренность и уваженіе. У него не было одной руки, и всѣ полагали, что потеря этой руки была причиною всегдашней его задумчивости.

Цалевко съ отвѣчалъ на дружескій вызовъ Мулея: «сердечно благодарю васъ за дружбу! Но горестъ мою облегчить невозможно! Если вы желаете знать о причинѣ всегдашней моей задумчивости, я готовъ рассказать вамъ мои похождения, и вы увидите сами, имѣю-ль я причину быть мрачнымъ. Вы знаете, что я не имѣю лѣвой руки, хотя и родился съ обѣими руками. Лишеніе одной изъ нихъ было самымъ ужаснымъ временемъ моей жизни. Несчастіе, ниспосланное на меня, есть-ли наказаніе за какую вину, содѣланную мною; или испытаніе, посланное мнѣ Провидѣніемъ, этого я не знаю! Но вы увидите, простительно-ли мнѣ быть печальнымъ, выслушавъ повѣсть объ отрубленной рукѣ.

ПОВѢСТЬ

ОБЪ

ОТРУБЛЕННОЙ РУКЪ.

III.

Я родился въ Константинополѣ; отецъ мой былъ драгоманъ при Высокой Портѣ, и сверхъ того велъ значительный торгъ благовонными эссенціями и шелковыми тканями. Онъ далъ мнѣ хорошее воспитаніе. Ученьемъ моимъ, отчасти, онъ занимался самъ, и также посылалъ меня къ одному изъ нашихъ священниковъ. Сперва онъ хотѣлъ, чтобы я заступилъ мѣсто его въ лавкѣ, но, найдя во мнѣ большія способности къ наукамъ, по совѣту одного изъ своихъ пріятелей, онъ рѣшилъ, что я буду

медикомъ; ибо въ Константинополѣ искусный врачъ, знающій болѣе нежели тѣ, которые, обыкновенно, на базарахъ и площадяхъ выкликаютъ сами о своемъ искусствѣ, истинно знающій медикъ, можетъ быть увѣренъ, что пріобрѣтетъ себѣ богатство. Нашъ домъ бывалъ посѣщаемъ многими Франками, и одинъ изъ нихъ уговорилъ батюшку отправить меня въ его отечество—городъ Парижъ, говоря, что тамъ обучаютъ медицину безденежно, и лучше нежели гдѣ-либо. Онъ предложилъ довести меня на свой счетъ до Парижа. Батюшка, и самъ много путешествовавшій въ своей молодости, согласился на это предложеніе, и Франкъ приказалъ мнѣ быть готову къ отъѣзду черезъ три мѣсяца. Я былъ внѣ себя отъ радости, что ѣду въ чужія земли, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты нашего отплытія. Франкъ, окончивъ дѣла свои, сталъ приготовляться къ отъѣзду. Вечеромъ, накану-

нѣ нашего отплытія, батюшка повелѣ
меня въ свою спальню. Тамъ увидѣлъ
я, на столѣ, прекрасную новую одежду
и оружіе; но болѣе всего обратила мое
вниманіе куча золота, я никогда еще
не видывалъ, вдругъ, такого большаго
количества денегъ. Батюшка обнялъ
меня, говоря: «вотъ, сынъ мой, что я
приготовилъ для тебя на дорогу: это
платье, это оружіе, которое я также
получилъ отъ моего отца, при отъѣздѣ
въ чужіе края. Я знаю, ты умѣешь упо-
треблять его, но не иначе употребляй
оружіе, какъ для защиты себя! Будь
храбръ! Пусть враги твои трепещутъ
отъ руки твоей! Но, сынъ мой, къ со-
жалѣнію, я не богатъ! Весь капиталъ
мой раздѣленъ на трое: одна доля твоя,
другая доля принадлежитъ мнѣ, а третья
для меня священна, я не прикоснусь къ
ней и она должна достаться тебѣ въ
часъ нужды!» Такъ говорилъ отецъ мой,
и слезы лились изъ глазъ его! Можетъ

статься, это было предчувствіе вѣчной разлуки! Я не видалъ его болѣе!

Переездъ нашъ былъ благополученъ, мы скоро приплыли въ землю Франковъ, и черезъ шесть дней послѣ того какъ мы вышли на берегъ, мы пріѣхали въ ихъ столицу—Парижъ, городъ обширный. Тутъ, подъ покровительствомъ моего друга, того самаго Франка, съ которымъ я пріѣхалъ, нанялъ я для себя горницу. Онъ совѣтовалъ мнѣ беречь мои деньги, которыхъ всего-на все было не болѣе двухъ тысячъ талеровъ. Въ этомъ городѣ я прожилъ три года и научился всему, что долженъ знать хорошій врачъ. Но я солгалъ-бы, сказавъ, что мнѣ тамъ было весело! Нравы и обычаи этой страны мнѣ совсѣмъ не нравились, и у меня было мало пріятелей, но всѣ они были молодые люди благородныхъ свойствъ.

Наконецъ, тоска по отчизнѣ совсѣмъ овладѣла мной; во все время пребыва-

нія моего въ Парижъ, я не имѣлъ никакого извѣстія объ отцѣ, почему и воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы возвратиться домой.

Я отправился при посольствѣ Франкскомъ къ Отоманской Портѣ, втерся въ званіи хирурга въ свиту посланника и благополучно возвратился въ Стамбуль. Я нашелъ домъ отца моего закрытымъ и мнѣ сказали, что онъ умеръ за два мѣсяца до моего возвращенія. Священникъ, который былъ моимъ учителемъ, принесъ мнѣ ключъ отъ дома; я нашелъ его совершенно пустымъ; все было точно въ такомъ положеніи, какъ находилось при кончинѣ отца; недоставало только оставленнаго имъ золота. Я спросилъ объ немъ у священника, и тотъ отвѣчалъ мнѣ: «отецъ твой умеръ въ самыхъ благочестивыхъ чувствахъ; ибо онъ отказалъ все свое золото церкви!»— Я этому не вѣрилъ, но дѣлать было нѣчего! Не было другихъ свидѣтелей

батюшкиной кончины, и я не только не могъ жаловаться на священника, но былъ еще очень ему благодаренъ, что онъ не завладѣлъ всѣми товарами, оставшимися послѣ отца. Это было первое несчастіе, поразившее меня, и послѣ этого одинъ ударъ не переставалъ слѣдовать за другимъ. Слава моя никакъ не распространялась, потому что я стыдился выкликать ее самъ на улицахъ и базарахъ. Я не имѣлъ никого, подѣ чьимъ покровительствомъ могъ-бы войти въ дома вельможъ и богачей; никто не заботился о бѣдномъ Цалев-косѣ. Товары отцовскіе также не шли у меня съ рукъ: знакомые, послѣ смерти его, потеряли привычку приходить въ его лавку; новыя-жъ знакомства и извѣстность пріобрѣтаются только временемъ. Однажды, размышляя о моемъ безпомощномъ положеніи, мнѣ пришло въ голову, что въ земляхъ Франкскихъ, мнѣ случалось часто видѣть купцовъ,

переносящихъ свои товары изъ города въ городъ и продающихъ на площадяхъ; я вспомнилъ, что у нихъ покупали охотнѣе, потому что они были чужестранцы. Такимъ торгомъ можно было получить сто на сто. Я тотчасъ рѣшился: продалъ отцовскій домъ; часть полученныхъ за него денегъ отдалъ одному испытанному другу на сохраненіе, а на остальные купилъ такихъ товаровъ, которые больше нравятся въ земляхъ Франкскихъ, какъ-то: шали, шелковыя ткани, разныя мази и душистыя масла. Потомъ, нанявъ мѣсто на корабль, вторично отплылъ въ землю Франковъ. Казалось, счастье снова начало мнѣ благопріятствовать, какъ скоро вышелъ я изъ Дарданельскаго пролива. Плаванье наше было и не продолжительно, и благополучно. Я ходилъ по большимъ и малымъ Франкскимъ городамъ и вездѣ торговалъ съ большею выгодною. Другъ мой присылалъ мнѣ

изъ Стамбула новыя товары и я день отъ дня становился богаче. Наконецъ, я пріобрѣлъ столько, что мнѣ казалось уже возможнымъ отважиться на какое нибудь значительное предпріятіе. Я отправился, съ моими товарами, въ Италію. Надобно сказать также, что искусство мое въ медицину не мало приносило мнѣ пользы. Пріѣхавъ въ какой либо городъ, я тотчасъ рассылалъ печатныя объявленія о прибытіи искуснаго Греческаго врача, излечившаго уже многія болѣзни; и мои бальзамы и прочія лекарства доставили мнѣ много цехиновъ ! Путешествуя такимъ образомъ, прибылъ я, наконецъ, въ городъ Флоренцію, въ Италіи. Тутъ вознамѣрился я пробыть долѣе, какъ потому, что этотъ городъ мнѣ полюбился, такъ и потому, что мнѣ хотѣлось отдохнуть отъ всѣхъ безпокойствъ моей страннической жизни. Я нанялъ лавку для моихъ товаровъ, въ одной части города,

называемой Санта-Кроче, и неподалеку оттуда двѣ хорошенькія горницы для себя; изъ нихъ былъ ходъ на галерею одного трактира. Тотчасъ разослалъ я объявленія, извѣщающія о прибытіи греческаго врача и купца. Едва успѣлъ я открыть мою лавку, какъ она наполнилась множествомъ покупателей. Хотя цѣны моимъ товарамъ были и высоки, но я продавалъ больше другихъ, потому что былъ услужливъ и учтивъ. Время мое шло очень весело во Флоренціи. Ввечеру четвертаго дня, послѣ моего прибытія, я заперъ уже мою лавку, оставя только незапертыми мои стеклянки и баночки съ мазями, бальзамами и прочими медикаментами, которыя имѣлъ обыкновеніе перетирать и перечищивать всякой вечеръ. Между моихъ медикаментовъ нашелъ я записочку, написанную на мое имя, въ которой меня приглашали сею-же ночью, ровно въ полночь, придти на одинъ мостъ, называе-

мый *Понте-Веккіо*. Я старался угадать кто-бы могъ звать меня, и за чѣмъ? — Я не зналъ во Флоренціи ни одной души! «Можетъ статься,» думалъ я: «это тайное приглашеніе къ какому-либо больному!» Это случилось со мною не разъ уже. Я рѣшился идти, но изъ предосторожности вооружился саблею, данною мнѣ покойнымъ отцомъ.

Въ исходѣ двѣнадцатаго часа я пошелъ въ назначенное мѣсто и скоро пришелъ къ *Понте-Веккіо*. На мосту не было никого, я остался ждать того, кто позоветъ меня. Ночь была холодная; мѣсяцъ свѣтилъ ясно и глядѣлся въ струи Арно, которыя блистали, отражая, въ трепетныхъ волнахъ своихъ, сіяніе луны. На церковной башнѣ пробило двѣнадцать; я обернулся и увидѣлъ передъ собою мужчину высокаго роста, закутаннаго въ красную мантию, концемъ которой онъ закрывалъ лице.

Увидя его такъ внезапно, я смутил-

ся; но скоро, пришедъ въ себя, сказалъ ему : « если вы звали меня сюда, то скажите, что могу я для васъ сдѣлать? » Незнакомецъ воскликнулъ повелительнымъ голосомъ : « иди за мной. » Мнѣ стало какъ-то неловко ; очень было не-пріятно видѣть себя одного съ этимъ незнакомцемъ, и я, не трогаясь съ мѣста, отвѣчалъ ему : « нѣтъ , государь мой, я не пойду, пока вы не скажете куда ! Я также хочу видѣть лице ваше чтобы, судя по немъ , могъ заключить о вашихъ намѣреніяхъ! » — Красный человекъ, казалось, очень мало обо мнѣ заботился и отвѣчалъ : « ну, Цалевкосъ, если ты не хочешь идти со мною, то, пожалуйста, оставайся ! » — Сказавъ это онъ пошелъ прочь. Гнѣвъ закипѣлъ во мнѣ. « Ты думаешь, » вскричалъ, я, « что человекъ, подобный мнѣ, позволить всякому безумцу безнаказанно надъ собою насмѣхаться ? Ты думаешь , что я даромъ ждалъ тебя здѣсь въ такую холод-

ную ночь?» Въ три прыжка я догналъ его, ухватилъ за красную мантию и, громко закричавъ, выхватилъ изъ ноженъ мою саблю. — Но мантия осталась въ моихъ рукахъ, а незнакомецъ исчезъ въ ближайшемъ переулкѣ. Мало по малу гнѣвъ мой успокоился; мантия оставалась въ моей власти, и посредствомъ нее возможно было объяснить мое страшное приключеніе. Я надѣлъ ее на себя и пошелъ домой. Пройдя не болѣе ста шаговъ, меня догналъ какой-то человѣкъ, и, подошедъ ко мнѣ очень близко, сказалъ мимоходомъ на Франкскомъ языкѣ: «остерегитесь, графъ, нынѣшнею ночью ничего невозможно сдѣлать!» — И прежде нежели я успѣлъ опомниться, это новое лице исчезло; я видѣлъ только тѣнь его, рисующуюся на домахъ. Эти слова, очевидно, относились къ мантии, которая была на моихъ плечахъ, а не ко мнѣ, и ничего не объясняли. На другое утро я размышлялъ о томъ, что

дѣлать. Сначала я хотѣлъ объявить, что нашелъ мантию ; но незнакомецъ могъ бы прислать за нею кого-нибудь, и загадка моя осталась-бы не разгаданною. Я разсматривалъ мантию: она была изъ толстаго Генуезскаго бархата, ярко пурпуроваго цвѣта, подбита гарнастемъ и съ богатымъ золотымъ шитьемъ. Глядя на такое великолѣпіе, въ умъ моемъ блеснула новая мысль, которую я непременно вознамѣрился привести въ дѣйствіе. — Я отнесъ мантию въ свою лавку и выложилъ ее на продажу, но оцѣнилъ ее такъ дорого, что, конечно, не нашлось-бы покупателей. Я намѣренъ былъ хорошенько вглядываться въ лице всякаго, кто сталъ-бы торговать ее: ибо въ ту минуту, когда незнакомецъ открылъ лице, чтобы сбросить мантию, я успѣлъ на него взглянуть, и образъ его запечатлѣлся въ моей памяти, какъ ни мгновененъ былъ этотъ взглядъ ; я узналъ-бы его изъ тысячи.

Необыкновенная красота мантии привлекала многих охотниковъ; но ни въ одномъ изъ нихъ не было ни малѣйшаго сходства съ моимъ незнакомцемъ, и ни одинъ не хотѣлъ платить за нее назначенныхъ мною двухъ сотъ цехиновъ. Я освѣдомлялся отъ всѣхъ, нѣтъ-ли у кого во Флоренціи мантии, подобной этой; но всѣ говорили, что такой дорогой и прекрасной работы еще ни гдѣ не видали.

Начинало уже смеркаться, когда вошелъ въ лавку одинъ молодой человекъ, который часто бывалъ у меня, и который и въ этотъ день давалъ мнѣ за мантию дороже другихъ. Онъ бросилъ на столъ кошелекъ, набитый цехинами и вскричалъ: «Цалевкосъ! эта мантия будетъ моею, хотя-бы мнѣ пришлось и раззориться!» — Сказавъ это, онъ началъ считать свое золото. Я не зналъ что дѣлать! Я вывѣсилъ мантию не для продажи, а только въ намѣреніи

отыскать хозяина! Теперь, нашелся молодой безумецъ, который соглашается давать мнѣ за нее неслыханную цѣну!—Мнѣ пріятно было получить такую большую награду за мое ночное приключеніе, и я продалъ мантию! Молодой человѣкъ надѣлъ ее на себя и пошелъ вонъ; но воротился съ порога, откалывая бумажку, прикрепленную къ мантии, и сказалъ: «Цалевкосъ! вотъ какая—то записочка, которая можетъ стать и нужна тебѣ!» Я взялъ записочку и, къ удивленію моему, прочиталъ слѣдующее; «нынѣшнею ночью, въ извѣстный часъ, приноси мантию на Понте-Веккіо; четыреста цехиновъ ожидаютъ тебя.» — Это поразило меня какъ громъ! И такъ я самъ отбросилъ отъ себя собственное свое счастье, и не достигъ моей цѣли! — Однако я не долго думалъ. Собравъ заплаченные мнѣ двѣсти цехиновъ, я побѣжалъ за тѣмъ, кто купилъ мантию, и сказалъ ему:

возьми назадъ свои цехины и возврати мнѣ мантию; я никакъ немогу продать ее.» — Тотъ сначала не хотѣлъ мнѣ вѣрить; но замѣтя, что я не шучу, разсердился, называлъ меня дуракомъ, кричалъ, бранился, наконецъ дѣло дошло до драки. Однако мнѣ удалось его одолѣть; я вырвалъ у него мантию и хотѣлъ бѣжать съ нею домой; но молодой человѣкъ кликнулъ къ себѣ на помощь Полицію, и меня потащили въ судъ. Это дѣло показалось очень страннымъ, и судья рѣшилъ, что мантия должна быть отдана моего противнику. Я предлагалъ юношѣ, сверхъ полученныхъ мною денегъ, еще двадцать, пятьдесятъ, восемьдесятъ и наконецъ сто цехиновъ, если только онъ возвратитъ мнѣ мантию. Чего не могли мои просьбы, то сдѣлали деньги. Онъ взялъ мои цехины, а я съ торжествомъ понесъ мантию домой, не заботясь о томъ, что прослылъ сумасшедшимъ во всей Флоренціи; мнѣніе свѣта

ни сколько меня не трогало ; я зналъ , что въ этомъ случаѣ выиграшь , все таки, оставался на моей сторонѣ.

Я ожидалъ ночи съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Въ тотъ - же самый часъ, какъ и вчера, я пошелъ на *Понте-Веккіо*, неся съ собою мантию. Съ послѣднимъ боемъ двѣнадцати, предсталъ передъ меня незнакомецъ, котораго невозможно было не узнать по осанкѣ. « Принесъ-ли ты мантию ? » спросилъ онъ. « Принесъ, » отвѣчалъ я ; « но она стоитъ мнѣ сто цехиновъ чистыми деньгами. » — « Я это знаю ! » возразилъ онъ : « посмотри ! вотъ здѣсь четыреста цехиновъ ! » Онъ отвелъ меня въ сторону и отсчиталъ мнѣ обѣщанныя деньги. Золото сіяло при свѣтъ луны, и блескъ его веселилъ мое сердце ; но это веселье было для меня послѣднее ! Я спряталъ деньги въ карманъ, и мнѣ хотѣлось хорошенько рассмотреть щедраго незнакомца ; но лице его было покрыто ма-

скою, изъ-за которой ужасно сверкали на меня черные его глаза. «Благодарю васъ за такую щедрость, государь мой!» говорилъ я; «но теперь, скажите, чего вы отъ меня требуете? Предупреждаю васъ, однакожь, что я не соглашусь ни на какой безчестный поступокъ!» — «Это увѣдомленіе бесполезно!» отвѣчалъ онъ, надѣвая мантию; «мнѣ нужна отъ васъ помощь, какъ врача, и я призываю васъ не къ больному, а къ трупу!»

«Что-же я могу сдѣлать!» воскликнулъ я съ удивленіемъ.

Онъ далъ мнѣ знакъ слѣдовать за собою и дорогою разсказывалъ слѣдующее: «Я прибылъ сюда съ моей сестрою, изъ отдаленной земли, и жилъ въ домѣ одного пріятеля. Вчера сестра моя, послѣ непродолжительной болѣзни, умерла. Родные наши хотятъ завтра-же погребсти ее; но семейный обычай требуетъ, чтобы всѣ члены нашего семей-

ства были погребаемы въ одной общей могилѣ, въ могилѣ нашихъ предковъ. Многіе изъ родни моей умирали далеко отъ родины, но бальзамированные тѣла ихъ были перевезены на семейное кладбище. Здѣшніе мои родственники не хотятъ позволить отправить на родину прахъ сестры моей; я соглашаюсь оставить имъ тѣло ея, но голова должна быть перевезена къ отцу, чтобы онъ могъ увидѣть ее, хотя еще одинъ разъ.» — Этотъ обычай обезглавливать умершихъ родственниковъ меня ужаснулъ; однако я не смѣлъ противорѣчить незнакомцу, почему и объявилъ ему, что я искусенъ въ бальзамированіи тѣлъ и согласился идти къ усопшей. Я не могъ удержаться, чтобы не спросить: почему все это дѣлается ночью и въ тайнѣ? — Онъ отвѣчалъ мнѣ, что родственники его находятъ намѣреніе его жестокимъ, и, конечно, не допустили-бы исполнить его, что и принуждаетъ его таиться

отъ нихъ. « Когда-же, » продолжалъ онъ, « голова будетъ отдѣлена отъ туловища, то имъ ужъ нечего будетъ дѣлать! Онъ прибавилъ, что и самъ-бы могъ отрубить голову у мертвой, но что чувствуетъ непреодолимое отвращеніе, и что его рука не можетъ подняться на сестру, даже и мертвую.

Между тѣмъ мы подходили къ великолѣпному дому; проводникъ мой указалъ на него, какъ на цѣль нашего ночнаго странствія. Миновавъ главный входъ, мы вошли въ небольшую дверь, которую незнакомецъ заперъ за собою, съ величайшею осторожностію. Въ совершенной темнотѣ взобрались мы на верхъ по витой лѣстницѣ, и я увидѣлъ себя въ мало освѣщенномъ корридорѣ; оттуда вошли мы въ покой, освѣщенный лампадой, висящею съ потолка.

Въ этомъ покоѣ стояла кровать, на которой лежалъ трупъ. Незнакомецъ отворотился, и казалось, что онъ оти-

ралъ слезы. Онъ указалъ мнѣ на кровать, и, велѣвъ какъ можно лучше и скорѣе окончить мое дѣло, вышелъ вонъ изъ комнаты.

Я вынулъ мой инструментъ, который, какъ хирургъ, всегда носилъ съ собою, и приблизился къ постелѣ. Мертвая была вся покрыта; невидно было ничего, кромѣ одной головы; но голова эта была такъ прекрасна, что я почувствовалъ искреннюю жалость. Темные волосы висѣли густыми кудрями, лице было блѣдно, глаза закрыты. Сперва я надрѣзалъ кожу, какъ поступаютъ обыкновенно хирурги, при отнятіи какого-либо члена, потомъ, доставъ самый острый ножъ, поспѣшно перерѣзалъ горло. Но какъ изобразить мой ужасъ? Мертвая открыла глаза и закрыла ихъ опять ту же минуту; казалось, что теперь только, съ тяжелымъ вздохомъ, вылетѣла ея душа. Ручей горячей крови брызнулъ изъ раны. Я былъ убійца этой несчаст-

ной! Отъ нанесенной мною раны не было спасенья, и она лежала мертвая передо мною! Я стоялъ неподвижно нѣсколько времени, страхъ оковалъ меня, неужели незнакомецъ меня обманулъ? Или, можетъ статья, сестра его впа-ла въ безпамятство, которое было сочтено смертию? Эта послѣдняя догадка казалась мнѣ правдоподобнѣе; но я не смѣлъ признаться брату, что моя поспѣшность была причиною смерти сестры его, которую можно-бы привести въ чувство, если-бы я внимательнѣе осмотрѣлъ ее. Умиравшая болѣзненно простонала, потянулась и умерла. Ужасъ овладѣлъ мною; я бросился вонъ изъ комнаты. Корридоръ былъ совершенно темень, все освѣщеніе было, погашено; путеводителя моего не было, и я, кое-какъ ощупью, пробираясь около стѣны, нашелъ наконецъ витую лѣстницу и сошелъ внизъ, но и тамъ не было никого. Дверь была не заперта, а только при-

творена; я выскочилъ на улицу и вздохнулъ свободно. Я прибѣжалъ домой какъ безумный и бросился на постель, стараясь забыть о случившихся со мною ужасахъ; но сонъ бѣжалъ отъ меня. Когда наступило утро, я нѣсколько пришелъ въ себя. Вѣроятно было, что злодѣй, употребившій меня какъ оружіе на совершеніе столь ужаснаго преступленія, не захотѣлъ-бы выдать меня въ руки правительства. Я рѣшился идти въ лавку, заняться по прежнему моимъ дѣломъ и казаться, сколько возможно, спокойнымъ. Но я открылъ еще новое обстоятельство, которое увеличило мой страхъ! Я не находилъ ни инструмента моего, ни кушака, ни шапки! Я не зналъ навѣрное куда все это дѣвалось; оставилъ-ли я ихъ въ горницѣ несчастной жертвы, или потерялъ на улицѣ! Первое казалось правдоподобнѣе, и я могъ быть захваченъ какъ убійца.

Въ обыкновенный часъ, я отперъ лав-

ку. Сосѣдъ мой пришелъ ко мнѣ, по своему обыкновенію; онъ былъ человѣкъ словоохотный. «Слышалъ-ли ты,» сказалъ онъ, «какой ужасъ случился прошедшею ночью?»—Я притворился, что не знаю ничего. «Какъ-же ты этого не знаешь?» продолжалъ сосѣдъ; «въ городѣ нѣтъ другаго разговора! Прекраснѣйшая изъ всѣхъ Флорентинскихъ дѣвицъ, Біанка, дочь здѣшняго Губернатора, была зарѣзана прошедшей ночью! Еще вчера она такъ весело прогуливалась по улицамъ, вмѣстѣ съ женихомъ! Нынче была назначена свадьба!»—Каждое слово моего сосѣда кололо меня, какъ ножомъ въ сердце! Мученіе возобновлялось безпрестанно, потому что каждый приходящій рассказывалъ мнѣ объ этомъ происшествіи. Одинъ рассказъ былъ ужаснѣе другаго; но то, что я видѣлъ самъ, и то, что я чувствовалъ, было еще ужаснѣе. Около полудня вошелъ ко мнѣ одинъ чиновникъ; онъ выслалъ вонъ изъ

лавки всѣхъ, кто тутъ были, и, оставшись со мною наединѣ, сказалъ, вынимая изъ кармана потерянные мною вещи : Синьоръ Цалевкошь ! вамъ-ли принадлежить все это ? » — Я помолчалъ нѣсколько, размышляя : не лучше-ли мнѣ будетъ отказаться отъ всего ? — Но въ полуотверстую дверь хозяинъ и многіе изъ моихъ знакомыхъ видѣли все ; они могли-бы уличить меня во лжи, и боясь еще болѣе испортить мое дѣло , я сказалъ , что всѣ эти вещи принадлежатъ мнѣ. Чиновникъ приказалъ мнѣ слѣдовать за собою , и привелъ меня къ огромному зданію, которое было не иное что, какъ тюрьма. Тамъ отвели мнѣ комнату, въ ожиданіи того, что будетъ далѣе.

Положеніе мое было ужасно , я размышлялъ объ немъ въ уединеніи. Мысль, что я убійца , хотя и не умышленный , не покидала меня ни на минуту. Также я не могъ скрыть отъ себя и того , что блескъ золота ослѣпилъ меня и заста-

вилъ дѣйствовать съ такою опрометчивостію и безразсудностію. Спусти два часа послѣ моего заточенія, меня вывели изъ тюрьмы. Взошедъ на высокую лѣстницу, я достигъ до большой комнаты. За длиннымъ столомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ, сидѣли двѣнадцать мужей, по большой части старцевъ. По сторонамъ залы возвышались скамьи, одна надъ другою; всѣ онѣ были заняты знатнѣйшими особами Флоренціи. Въ верхнихъ галлерейхъ тѣснилось множество зрителей. Когда я подошелъ къ столу, одинъ изъ двѣнадцати присутствующихъ, наружности мрачной, печальной, всталъ съ своего мѣста. Это былъ губернаторъ. Онъ объявилъ предъ всѣми, что, какъ отецъ несчастной, убіенной жертвы, онъ не можетъ участвовать въ судопроизводствѣ, и на этотъ разъ уступаетъ мѣсто свое старшему по себѣ.—Старшій изъ сенаторовъ занялъ его мѣсто; онъ былъ старикъ, по крайній

мѣръ , лѣтъ въ девяносто ; только на вискахъ его оставалось еще нѣсколько сѣдыхъ, пожелтѣвшихъ волосъ ; но живые огненные глаза его еще сверкали ; голосъ его былъ твердъ и громокъ. Онъ спросилъ у меня : признаюсь-ли я въ убійствѣ ?—Я просилъ, чтобы меня выслушали терпѣливо, и подробно сталъ рассказывать о всемъ, что со мною случилось. Я замѣтилъ, что, во время моего рассказа, Губернаторъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. « Какъ ! » вскричалъ онъ, обращаясь ко мнѣ ; « какъ, злодѣй, ты хочешь обвинить другаго въ собственномъ твоёмъ преступленіи ? »—Сенаторъ, напоминая ему, что онъ добровольно отрекся отъ права судить, просилъ его не прерывать болѣе допроса. По всему видно было, что преступленіе было учинено не изъ корысти, ибо и самъ Губернаторъ объявилъ, что изъ комнаты убіенной ничто не было похищено. Сенаторъ, предсѣдательствующій въ собраніи, объявилъ Гу-

бернатору, что необходимо имѣть всѣ возможные свѣдѣнія о жизни его дочери, дабы справедливо судить это дѣло, и удостовѣриться въ истинѣ сказаннаго мною. Такимъ образомъ заключилось засѣданіе этого дня. Предсѣдатель требовалъ, чтобы ему выданы были всѣ бумаги покойницы, а меня отвели опять въ тюрьму, гдѣ я провелъ горестный день, желая единственно одного, чтобы бумаги покойницы обнаружили какое-нибудь сношеніе между ею и человѣкомъ въ красной мантии. На другой день меня опять привели передъ моего судью, въ ту-же самую залу. На столѣ лежало много писемъ; предсѣдатель спросилъ: мой-ли это почеркъ? Посмотрѣвъ на письма, я убѣдился, что они были написаны тою-же самою рукою, которая написала и ко мнѣ двѣ записочки. Я объявилъ объ этомъ Сенатору, но казалось, что мое объявленіе не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія въ мою пользу; онъ

отвѣчалъ, что я самъ могъ написать и то, и другое; потому что письма были подписаны буквою Ц, которою начиналось и мое имя. Эти письма были наполнены угрозами, упреками и отклоняли покойницу отъ замужства, въ которое она готовилась вступить.

Очень видно было, что Губернаторъ съ весьма невыгодной стороны предупредилъ противъ меня судей моихъ; со мною обращались съ большею противъ прежняго строгостью и недовѣрчивостью. Въ оправданіе мое я просилъ, чтобы послали за моими бумагами; на это мнѣ отвѣчали, что за ними уже посылали, но нигдѣ не могли найти. При окончаніи засѣданія я лишился всякой надежды оправдаться, и, вступивъ на третій день въ судебную залу, услышалъ свой смертный приговоръ за умышленное убійство. Оставленный всѣми, далеко отъ родины, я долженъ былъ погибнуть невинно, въ цвѣтъ лѣтъ,

смертью злодѣя, положи на плаху голову!

Въ вечеру того ужаснаго дня, въ который рѣшилась моя участь, я сидѣлъ печально въ темницѣ, размышляя о смерти. Вдругъ отворилась дверь и ко мнѣ вошелъ человѣкъ, который, посмотрѣвъ на меня нѣсколько времени въ молчаніи, воскликнулъ: «Цалевкошь! я опять нашелъ тебя?» — При тускломъ свѣтѣ моего ночника я не могъ рассмотреть вошедшаго; но голосъ его разбудилъ въ душѣ моей воспоминаніе о прошедшемъ. Это былъ Валетти, одинъ изъ немногихъ друзей, которыхъ я имѣлъ въ Парижѣ; онъ былъ мой товарищъ, мой соученикъ. Валетти сказалъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ во Флоренцію къ отцу своему, человѣку богатому, извѣстному въ городѣ; что онъ услышалъ о моемъ дѣлѣ и поспѣшилъ прійти ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы еще разъ со мною увидѣться и узнать, отъ меня самого, о

всѣхъ подробностяхъ этого ужаснаго происшествія. Я разсказаль ему все! Онъ казался чрезвычайно удивленнымъ, и заклиналъ меня открыть всю истину ему, единственному моему другу. Я клялся самыми страшными клятвами, что сказаль ему всю правду, и что единственная моя вина состояла въ томъ, что, будучи ослѣпленъ блескомъ золота, я поступилъ слишкомъ опрометчиво, необдуманно, и не размыслилъ о всѣхъ неправдоподобностяхъ, заключавшихся въ словахъ незнакомца. «И такъ ты не былъ знакомъ съ Біанкою?» спросилъ у меня другъ мой. Я увѣрялъ его, что не видывалъ ее ни разу до роковой минуты. Валетти сказаль, что въ этомъ дѣлѣ заключается какая-то ужасная тайна, что приговоръ мой былъ произнесенъ слишкомъ поспѣшно, что въ городѣ носится слухъ, будто я давно былъ знакомъ съ Біанкою и умертвилъ ее отъ ревности, чтобы воспре-

пятствовать ей замужству. Я далъ ему замѣтить, что все это можно отнести къ человѣку въ красной мантии, но что я, совершенно, не имѣю никакихъ средствъ доказать его участія въ этомъ дѣлѣ. Валетти обвинялъ меня и обѣщаль употребить всѣ возможные старанія, чтобы спасти хотя жизнь мою. Я не имѣлъ ни малѣйшей надежды, хотя и зналъ, что Валетти хорошо учился, былъ искусенъ въ правовѣденіи, и что онъ не пощадитъ ни трудовъ, ни денегъ для моего спасенія. Я провелъ два долгіе, мучительные дня въ совершенной неизвѣстности; наконецъ явился Валетти: «я принесъ тебѣ нѣкоторое утѣшеніе,» сказалъ онъ, «хотя это утѣшеніе и сопряжено съ великою скорбью! Ты сохранишь жизнь, но долженъ лишиться одной руки». Съ расстроганнымъ сердцемъ я благодарилъ моего друга за спасеніе мнѣ жизни. Онъ сказалъ мнѣ, что губернаторъ былъ

неумолимъ, что онъ никакъ не хотѣлъ позволить переслѣдовать мое дѣло; однако, напоследокъ, боясь показаться несправедливымъ, онъ допустилъ пересмотрѣть книги, въ которыхъ заключа-лись старинныя уголовныя дѣла Флоренціи, и если въ нихъ найдется случай, подобный теперешнему, то онъ согласился, чтобы и мнѣ было опредѣлено точно такое-же наказаніе, къ какому былъ приговоренъ тогдашній преступникъ. Валетти и отецъ его рылись цѣлый день и цѣлую ночь въ старинныхъ судебныхъ книгахъ, и наконецъ нашли случай, совершенно подобный моему. Тогда приговоръ подсудимому былъ сдѣланъ слѣдующій: «виновному должно отрубить лѣвую руку, описать его имѣніе, а самого изгнать на вѣки изъ предѣловъ Тосканскихъ.» То-же самое наказаніе было назначено и для меня, и я долженъ былъ готовиться къ роковому часу. Я не буду описывать вамъ

того ужаснаго времени, когда на площади, наполненной любопытными зрителями, я взошелъ на эшафотъ, положилъ руку на плаху, и когда горячіе ручьи собственной моей крови меня обдали.

Валетти взялъ меня въ свой домъ, гдѣ я и оставался до выздоровленія; послѣ чего онъ щедро снабдилъ меня деньгами на путевыя издержки; ибо все, что было пріобрѣтено мною съ такимъ трудомъ, сдѣлалось добычею служителей правосудія. Изъ Флоренціи я отправился въ Сицилію, а оттуда съ первымъ кораблемъ отплылъ въ Константинополь. Я полагалъ, что тамъ найду еще нѣсколько денегъ, оставленныхъ мною у пріятеля, у котораго я располагалъ и остановиться; но какъ описать вамъ мое удивленіе, когда, увидя меня, онъ спросилъ: почему я не хочу жить въ собственномъ моемъ домѣ? Онъ объявилъ мнѣ, что, передъ моимъ прибытіемъ, какой-то чужестра-

нецъ купилъ на мое имя домъ, въ той части города, гдѣ предпочтительно живутъ Греки, и объявилъ всѣмъ сосѣдямъ, что я скоро буду и самъ. Я тотчасъ пошелъ, вмѣстѣ съ моимъ другомъ, въ этотъ домъ, и былъ принятъ радушно всѣми моими старинными знакомыми. Одинъ старый купецъ подалъ мнѣ письмо, оставленное для меня тѣмъ же самымъ незнакомцемъ.

Я прочиталъ слѣдующее: «Цалевкося!
«Двѣ здоровыя руки будутъ неутомимо
«работать для тебя и доставлять тебѣ
«все нужное, чтобъ ты какъ можно
«менѣе жалѣлъ о потерѣ своей руки.
«Домъ, который ты видишь, со всѣмъ,
«что въ немъ есть, принадлежитъ тебѣ,
«и каждый годъ тебѣ будетъ доставле-
«но столько денегъ, что тебя будутъ
«считать между богатѣйшими людьми
«твоего народа. О! если-бы ты могъ
«когда-нибудь простить того, кто го-
«раздо несчастнѣе тебя!»—Я догадался

отъ кого было это письмо. Старый купецъ сказалъ мнѣ, что оно было ему отдано однимъ франкомъ, закутаннымъ въ красную мантию. Все доказывало мнѣ, что незнакомецъ мой не былъ лишень всякаго благороднаго чувства. Въ новомъ моемъ домѣ все было устроено наилучшимъ образомъ, а лавка моя снабжена прекраснѣйшими товарами, какихъ я никогда не имѣлъ. Вотъ ужъ прошло десять лѣтъ, какъ я болѣе по привычкѣ, нежели отъ нужды, продолжаю торговать. Съ тѣхъ поръ я не заглядывалъ въ ту землю, гдѣ былъ такъ несчастливъ. Всякой годъ я получаю тысячу цехиновъ, и хотя мнѣ пріятно видѣть, что тотъ, кто мнѣ ихъ посылаетъ, такъ благородно мыслить, но ничто не можетъ облегчить горести, тяготящей мою душу! Образъ несчастной Біанки, такъ жестоко мною умерщвленной, безпрестанно въ глазахъ моихъ!

Греческій купецъ, Цалевкосъ, окон-

чилъ свою повѣсть. Всѣ слушали ее съ величайшимъ участіемъ, но болѣе всѣхъ казался тронуть ею незнакомецъ. Онъ нѣсколько разъ тяжело вздыхалъ, и Мулей замѣтилъ даже и слезы на глазахъ его. Долго еще разговаривали объ этомъ произшествіи.

«И ты не ненавидишь человѣка, причинившаго тебѣ столько зла, лишившаго тебя такого полезнаго члена, и подвергнувшаго опасности самую жизнь твою?» спросилъ незнакомецъ.

«Бывали часы, въ которые я приносилъ Богу на него жалобы,» отвѣчалъ Цалевкосъ; «но въ молитвѣ, въ вѣрѣ отцовъ моихъ, я нашелъ утѣшеніе! Моя вѣра повелѣваетъ мнѣ любить враговъ моихъ! Вѣроятно онъ еще несчастливѣе меня!»

«Ты человѣкъ благородный!» воскликнулъ незнакомецъ, пожимая правую руку Цалевкоса.

Начальникъ стражи прервалъ разго-

воръ ихъ. Онъ вошелъ въ палатку съ видомъ смущеннымъ и говорилъ, что теперь не время думать объ отдохновеніи, что лагерь расположился въ такомъ мѣстѣ, гдѣ разбойники часто нападаютъ на караваны, и что его караульные видѣли вдали нѣсколькихъ всадниковъ.

Всѣ купцы были поражены такимъ неожиданнымъ и непріятнымъ извѣстіемъ; одинъ только чужестранецъ, Селимъ, не могъ понять ихъ страха и говорилъ, что имъ, столь хорошо охраненнымъ, нечего бояться нападенія бродящихъ Арабовъ.

«Конечно!» отвѣчалъ начальникъ стражи, «если-бъ это была только шайка бродящихъ Арабовъ, то я-бы ихъ не испугался, но съ нѣкоторыхъ поръ здѣсь опять появился страшный Орбасанъ, и его должно остерегаться.»

Чужестранецъ спросилъ кто этотъ Орбасанъ, и старшій изъ купцовъ, Ахметъ, отвѣчалъ ему: «въ народѣ но-

сятся различные слухи объ этомъ удивительномъ человѣкѣ. Иные говорятъ, что онъ какое-то сверхъ-естественное существо, потому что онъ часто выдерживаетъ нападеніе пяти, или шести человѣкъ, и остается побѣдителемъ. Другіе считаютъ этого храбреца Франкомъ, удалившимся въ пустыню отъ какихъ-то несчастій; вѣрно только одно, что онъ страшный разбойникъ и воръ.»

«Какъ бы то ни было, а онъ человѣкъ благородной души!» возразилъ Лецахъ, одинъ изъ купцовъ. «Онъ доказалъ это моему родному брату, и я могу рассказать вамъ это происшествіе. Онъ облагодѣтельствовалъ цѣлое семейство, и, пока Орбасанъ пробѣгаетъ пустыню, никто не осмѣлится коснуться ни къ кому изъ нашего рода. Онъ не грабитъ, подобно другимъ разбойникамъ, но беретъ охранительную дань, и тѣ, которые платятъ ее добровольно, могутъ безопасно продолжать путь, не стра-

шась другихъ нападеній; потому что Орбасанъ есть *владыко пустыни.*»

Такъ разговаривали путешественники, сидя въ палаткѣ; но стража, разставленная вокругъ стана, изъявляла безпокойство. Довольно значительная толпа вооруженныхъ всадниковъ показалась въ разстояніи не болѣе какъ на полчаса; они ѣхали прямо на станъ. Одинъ изъ стражей вошелъ въ палатку съ извѣстіемъ, что скоро на нихъ будетъ сдѣлано нападеніе. Купцы стали совѣтоваться между собою, идти-ли на встрѣчу, или ожидать непріятеля. Ахметъ и двое другихъ купцовъ совѣтовали ожидать того, что будетъ и готовиться къ отраженію нападенія. Но пылкій Мулей и Цалевкосъ хотѣли встрѣтить разбойниковъ и звали съ собою чужестранца, который очень спокойно досталъ изъ за-пояса голубой платокъ съ красными звѣздами, навязалъ его на копьѣ и приказалъ одному изъ невольниковъ поста-

вить его надъ палаткою. Распорядившись такимъ образомъ, Селимъ Барухъ сказалъ: «ручаюсь моею жизнію, что, увидя этотъ сигналъ, всадники проѣдутъ мимо, не тронувъ насъ.» Мулей не очень вѣрилъ этому обѣщанію, однако невольникъ выставилъ копье надъ палаткою. Между тѣмъ всѣ бывшіе въ палаткѣ вооружились, и съ безпокойствомъ ожидали приближенія всадниковъ. Но, по видимому, сигналъ былъ понятъ; всадники поворотили коней и проѣхали мимо стана.

Путешественники стояли нѣсколько времени въ нѣмомъ удивленіи, и смотрѣли то на всадниковъ, то на чужестранца, который, какъ-бы не случилось чего необыкновеннаго, стоялъ спокойно у входа палатки и смотрѣлъ вдаль. Наконецъ, Мулей прервалъ молчаніе, воскликнувъ: «кто-же ты, могущественный незнакомецъ, ты, чей знакъ усмиряетъ буйныхъ сыновъ пустыни?» — «Вы

превозносите меня сверхъ заслугъ моихъ!» отвѣчалъ Селимъ Барухъ. «Уходя изъ плѣна, я унесъ этотъ сигналъ, котораго значеніе мнѣ самому неизвѣстно; я знаю только одно: тотъ, кто путешествуетъ съ такимъ сигналомъ, состоитъ подъ защитою сильнаго.»

Купцы благодарили чужестранца и называли его своимъ избавителемъ; и въ самомъ дѣлѣ, число всадниковъ было такъ велико, что караванъ не долго могъ-бы защищаться.

Успокоившись совершенно, путешественники расположились отдыхать; а когда солнце стало садиться и подулъ вечерній вѣтерокъ, сняли станъ и опять пустились въ путь.

На другой день они остановились въ такомъ мѣстѣ, которое отстояло только на одинъ день ѣзды отъ конца пустыни. Когда всѣ собрались опять въ большую палатку, то купецъ Лецахъ началъ говорить слѣдующимъ образомъ:

«Вчера я сказалъ вамъ, что страшный Орбасанъ есть человекъ великодушный, благородный, а сего дня хочу доказать справедливость словъ моихъ, рассказавъ исторію моего брата. — Отецъ мой былъ Кадіемъ въ Акаръ, у него было трое дѣтей, изъ которыхъ я былъ старшій; братъ мой и сестра были гораздо моложе меня. На двадцатомъ году я былъ призванъ дядею, братомъ отца моего. Не имѣя дѣтей, онъ назначалъ меня своимъ наслѣдникомъ, съ условіемъ, чтобы я оставался при немъ до самой смерти его. Дядя дожилъ до глубокой старости, я возвратился въ отечество только два года тому назадъ, и совершенно не зналъ ничего о ужасныхъ несчастіяхъ, постигшихъ домъ нашъ, и о спасеніи, низпосланномъ Аллахомъ моимъ роднымъ.

ПОВѢСТЬ

О

СПАСЕНІИ ФАТЬМЫ.

IV.

Братъ мой Мустафа и сестра моя Фатьма были почти ровестники; братъ былъ старѣе сестры не болѣе какъ двумя, или тремя годами. Они были очень дружны, и всячески старались облегчать для отца нашего недуги и безпокойства неразлучныя со старостью. Въ день рожденія Фатьмы, когда ей исполнилось пятнадцать лѣтъ, братъ устроилъ для нея праздникъ, на который приглашены были всѣ ея подруги. Въ саду отца нашего были приготовлены самыя лучшія и рѣдкія яства, а когда наступилъ вечеръ, братъ пригла-

силъ всѣхъ дѣвицъ на ладью , нарочно нанятую для прогулки по морю , и украшенную съ величайшимъ вкусомъ. Фатъма и подруги ея съ радостью согласились на это предложеніе, вечеръ былъ прекрасный , и при свѣтѣ вечерняго солнца видъ съ моря на городъ былъ очарователенъ. Прогулка по морю такъ понравилась дѣвицамъ , что онѣ уговаривали брата моего плыть все дальѣе и дальѣе. Мустафа не охотно согласился на ихъ просьбу, потому что, за нѣсколько дней передъ этимъ, видѣли одного морскаго разбойника. Недалеко отъ города есть скала, которая вдается въ море; дѣвицамъ хотѣлось обойти эту скалу , чтобы видѣть какъ солнце садится въ море. Обогнувъ мысъ, онѣ увидѣли въ нѣкоторомъ отдаленіи вооруженное гребное судно. Это не обѣщало ничего хорошаго, и братъ мой приказалъ гребцамъ поворотить судно и плыть назадъ , чтобы скорѣе пристать

къ берегу. Но вооруженное судно погналось за нами, и имѣя гребцовъ больше нашего, оно держалось между братниной лодки и берега, не допуская его пристать. Дѣвицы, увидя опасность, въ которой находились, вскочили съ мѣстъ своихъ, начали кричать и плакать. Напрасно старался братъ мой уговорить ихъ сидѣть смирно, представляя имъ, что онѣ неосторожными своими движеніями могутъ опрокинуть лодку; онѣ ничего не слушали. Увидя, что гнавшееся за ними гребное судно подплываетъ къ ихъ лодкѣ, всѣ онѣ бросились на одну сторону и опрокинули лодку. Между тѣмъ съ берега замѣчали за всѣми движеніями обоихъ судовъ, и какъ, съ нѣкотораго времени, опасались морскихъ разбойниковъ, то видъ вооруженнаго судна возбудилъ подозрѣніе, и нѣсколько лодокъ отчалили отъ берега, спѣша на помощь брата. Онѣ подоспѣли во время, чтобы спасти утопаю-

щихъ. Между тѣмъ непріятельское судно, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, скрылось. Двѣ лодки приняли спасенныхъ отъ потопленія, и потому не могли знать на вѣрное всѣ-ли дѣвицы находились тутъ. Лодки сошлись, чтобы удостовѣриться въ этомъ, и нашлось, что недоставало сестры моей и еще одной изъ ея подругъ; но вмѣсто ихъ замѣтили, на одной изъ лодокъ, чужаго человѣка, никому неизвѣстнаго. На угрозы и вопросы Мустафы, онъ признался, что принадлежитъ къ непріятельскому кораблю, который стоитъ на якорѣ, къ востоку въ двухъ миляхъ; что товарищи, въ торопяхъ, оставили его среди волнъ, въ то время, когда онъ помогаль имъ спасти двухъ утопающихъ дѣвицъ, которыя, по словамъ его, были посажены на гнавшееся за братомъ гребное судно, спѣшившее возвратиться къ кораблю.

Горестъ престарѣлаго нашего отца была

безпредѣльна; также и Мустафа былъ въ отчаяніи; его огорчала не только потеря нѣжно любимой сестры, но и мысль, что онъ былъ причиною этого несчастія. Дѣвица, похищенная вмѣстѣ съ моею сестрою, была избранная имъ супруга; онъ потому только не смѣлъ признаться родителю въ любви своей, что отецъ его невесты былъ не знатенъ и не богатъ. Нашъ отецъ былъ чловѣкъ строгій. Когда первые порывы горести нѣсколько утихли, онъ позвалъ къ себѣ Мустафу и сказалъ ему: «твоя вѣтреность лишила меня утѣщенія старости моей, радости моихъ очей! Иди отъ меня прочь! Я изгоняю тебя до тѣхъ поръ, пока ты не возвратишь мнѣ Фатьму. Только тогда очистится глава твоя отъ клятвы родительской, только тогда увидишь ты лице мое!»

Бѣдный братъ мой никакъ этого не ожидалъ; онъ и прежде уже твердо вознамѣрился идти отыскивать сестру

и ея пріятельницу, и хотѣлъ просить на то благословенія родительскаго; теперь-же отецъ изгонялъ его съ проклятіемъ изъ дома. Такое незаслуженное проклятіе и полнота злополучія подкрѣпила его силы.

Онъ пошелъ въ тюрьму, гдѣ былъ заключенъ тотъ морской разбойникъ, котораго привезъ съ собою, и спрашивалъ его о направленіи, въ какомъ долженъ былъ идти ихъ корабль. Отъ него узналъ онъ, что они торгуютъ невольниками, и въ это самое время поспѣшаютъ въ Балсору на большой торгъ.

Возвратясь домой, чтобы готовиться въ путь, онъ нашелъ, что гнѣвъ родительской нѣсколько укротился, онъ прислалъ ему на дорогу кошелекъ, наполненный золотомъ. Мустафа простился, со слезами, съ родителями похищенной своей невѣсты, Зораиды, и пошелъ въ Балсору.

Мустафа не могъ иначе идти въ Бал-

сору, какъ сухимъ путемъ, изъ нашего отечественнаго города; въ это время не случилось ни одного корабля, на которомъ-бы онъ могъ нанять для себя мѣсто. Ему надобно было поспѣшать, чтобы прибыть въ Балсору прежде морскихъ разбойниковъ. Онъ купилъ себѣ добраго коня, ѣхалъ на легкѣ, безъ всякой поклажи, почему и надѣялся дней въ шесть достигнуть до Балсоры. Но въ концѣ четвертаго дня на него напали три человѣка, сильные, хорошо вооруженные. Казалось, что они не имѣли намѣренія отнять у него жизнь, но, вѣроятно, хотѣли овладѣть конемъ и деньгами. Мустафа сказалъ имъ, что сдается добровольно. Они, сошедъ съ лошадей, связали ему ноги подъ брюхо коня, двое поѣхали по бокамъ, а третій взялъ лошадь за поводъ, и, не говоря ни одного слова, поскакали вмѣстѣ съ нимъ, во весь духъ.

Мустафа предавался нѣмому отчая-

нію; казалось, что проклятіе родительское надъ нимъ тяготѣло. Могъ-ли онъ надѣяться избавить сестру и Зораиду, будучи самъ лишенъ свободы? Мустафа ѣхалъ около часа, въ обществѣ нѣмыхъ своихъ сопутниковъ; напоследокъ они своротили съ дороги и въѣхали въ долину, осененную высокими деревьями. Земля была покрыта мягкимъ дерномъ, по которому извивался быстрый ручей; все приглашало къ покою. По долинѣ было раскинуто около двадцати палатокъ; къ кольямъ, за которые утверждены были палатки, были привязаны верблюды и прекрасныя лошади; изъ одной палатки раздавались веселые звуки цитры, сопровождаемые двумя мужескими голосами. Братъ мой подумалъ, что избравшіе для отдохновенія своего такое пріятное мѣсто, конечно не способны сдѣлать ему никакого зла; онъ безъ страха слѣдовалъ за своимъ проводникомъ, который, прибывъ на это

мѣсто, развязалъ его и далъ знакъ сойти съ лошади. Мустафу ввели въ палатку, стоящую посреди всѣхъ и болѣе другихъ; она была убрана великолѣпно. Богатыя, золотомъ шитыя подушки, мягкіе ковры, раззолоченныя курильницы, во всякомъ другомъ мѣстѣ были-бы доказательствомъ богатства хозяина; но здѣсь онѣ обнаруживали только духъ хищничества. На одной изъ подушекъ сидѣлъ маленькій старичокъ; лице его было безобразно, очень смугло и блестяще; въ глазахъ его и во рту изображалась злоба и коварство; вообще наружность его была отвратительна. Хотя старикъ и старался казаться важнымъ, но Мустафа скоро могъ замѣтить, что лѣта его не внушали почтенія никому изъ окружающихъ его, и слова проводника подтвердили братнину догадку. «Гдѣ Сильный?» спросилъ онъ у малорослаго старика. «Онъ отправился на охоту!» отвѣчалъ старикъ, «а мнѣ

поручилъ занимать свое мѣсто въ его отсутствіи.» — « Не умно-же онъ поступилъ, » возразилъ одинъ изъ разбойниковъ; « кто-же рѣшитъ жить или умереть этой собацѣ? — Сильный знаетъ это лучше тебя! »

Маленькій старичекъ принялъ на себя величественный видъ и выпрямился сколько могъ. Онъ протягивалъ руку, стараясь поймать за ухо своего противника; казалось, ему хотѣлось подраться, но не могли никакъ дотянуться до того, кто его прогнѣвалъ, онъ началъ кричать и браниться; ему возражали тѣмъ-же, и въ палаткѣ поднялся ужасный шумъ. Вдругъ, дверь въ палатку отворилась, и вошелъ мужчина высокій, стройный, молодой и прекрасный собою. Его одежда и оружіе были очень просты; другаго богатства на немъ не было, кромѣ блестящей сабли и богато оправленного кинжала. Взглядъ

его былъ важенъ, и вся наружность внушала почтеніе и страхъ.

« Кто осмѣливается шумѣть въ моей палаткѣ? » воскликнулъ онъ, обращаясь къ находящимся тамъ, испуганнымъ людямъ. Долго царствовало глубочайшее молчаніе, наконецъ одинъ изъ проводниковъ моего брата разсказалъ о всемъ случившемся. Лице того, котораго называли *Сильнымъ*, побагровѣло отъ гнѣва. « Когда поручалъ я тебѣ мое мѣсто Гасанъ? » спросилъ онъ, грознымъ голосомъ, у малорослаго старика, который отъ страха такъ сжался, что едва былъ видѣнъ, и старался непримѣтнымъ образомъ прокрасться вонъ изъ палатки. Сильный далъ ему толчокъ ногою и вышвырнулъ вонъ.

Послѣ этого три человѣка, привезшіе Мустафу, представили его предъ своего начальника, сѣвшаго на подушку. « Мы привезли того, котораго ты приказалъ намъ поймать, » сказали они.

Сильный посмотрѣлъ на плѣннаго и сказалъ ему: « Паша Сулейкской! собственная твоя совѣсть скажетъ тебѣ, почему ты стоишь теперь передъ Орбасаномъ! » Услыша это, братъ мой бросился къ ногамъ Сильнаго и воскликнулъ: « о Государь! Ты ошибаешься. Я бѣдный, несчастный человѣкъ, и совѣмъ не Паша Сулейкскій, котораго ты ищешь! » — Всѣ бывшіе въ палаткѣ удивились, но хозяинъ сказалъ: « притворство твое бесполезно! Я могу позвать сюда людей, которые тебя знаютъ хорошо! » — Онъ приказалъ позвать Зулейму. Вошла старуха. У ней спросили узнаетъ-ли она Сулейкского Пашу? — « Конечно узнаю! » отвѣчала она; « и клянусь небомъ, что это онъ самый! » — « Видишь-ли ты, презрѣнный, что ложь твоя изобличена! » воскликнулъ Сильный съ гнѣвомъ. « Ты не достоинъ умереть отъ моего кинжала; кровь твоя не должна сквернить его! »

Но завтра по утру, я прикажу привязать тебя къ хвосту моего коня, и онъ помчитъ тебя по лѣсу, до самыхъ холмовъ Сулейкскихъ!» — Братъ мой лишился всей бодрости. «Проклятiе отца навлекло на меня мучительную, постыдную смерть!» воскликнулъ онъ, проливая слезы; «и вы также должны погибнуть, о сестра моя! о Зораида!» — «Эта хитрость ни къ чему не послужить тебѣ!» сказалъ одинъ изъ разбойниковъ, завязывая ему руки назадъ. «Убирайся скорѣе вонъ изъ палатки! Я вижу Сильный съ досады кусаетъ губы и хватается за кинжалъ. Если ты вымолвишь еще одно слово, то простишься съ жизнію, въ ту-же минуту!»

Въ то время какъ разбойники готовились вести брата моего вонъ изъ палатки, вошли въ нее другіе три разбойника, также съ плѣннымъ. «Приказаніе твое исполнено; вотъ Сулейкскій Паша, мы поймали его!» сказали они предъ-

ставляя начальнику приведеннаго чело-
вѣка. Братъ мой имѣлъ время разсмо-
трѣть этого новаго плѣнника и былъ
удивленъ сходствомъ, какое было ме-
жду ними; разница была только одна:
новоприведенный былъ гораздо смуглѣе
лицемъ, и борода его была чернѣе.
Сильный казался чрезвычайно пораженъ
этимъ сходствомъ; онъ глядѣлъ то на
того, то на другаго, и наконецъ спро-
силъ: « который-же изъ васъ Паша Су-
лейкскій? » — « Я Паша Сулейкскій! »
отвѣчалъ плѣнный съ гордостью. Силь-
ный устремилъ на него взоръ строгій,
ужасный, и долго разсматривалъ его въ
молчаніи; наконецъ далъ знакъ, чтобы
Пашу вывели вонъ изъ палатки. По-
томъ, подошедъ къ брату моему, разрѣ-
залъ кинжаломъ его узы и, указавъ ему
подушку, возлѣ себя, велѣлъ сѣсть.
« Мнѣ жаль, » говорилъ онъ Мустафѣ,
« мнѣ жаль, что я могъ принять тебя
за этого изверга! Но ты долженъ от-

нести этотъ случай къ особенному опредѣленію Промысла, допустившаго, чтобы ты ѣхалъ въ тотъ самый часъ, когда мы ожидали злодѣя; ваше сходство насъ обмануло, и ты попался въ руки моихъ братій? — Мустафа просилъ у него одной только милости—позволить ему отправиться въ путь немедленно, говоря, что малѣйшее отлагательство можетъ быть для него пагубно. Сильный освѣдомился о причинѣ такой поспѣшности, и братъ мой рассказалъ ему обо всемъ. Тогда Сильный сталъ уговаривать Мустафу провести ночь у него въ палаткѣ, обѣщая указать ему на слѣдующее утро дорогу, которая сократитъ ему полтора дня ѣзды до Балсоры. Братъ согласился остаться, былъ угощаемъ, какъ не лѣзя лучше, и спалъ до самого утра, въ палаткѣ разбойника.

Проснувшись, онъ увидѣлъ, что въ палаткѣ не было никого, но у входа слышны были голоса; казалось, что

Сильный разговаривалъ съ маленькимъ, смуглымъ старикомъ. Мустафа сталъ прислушиваться и, къ ужасу своему, услышалъ, что старикъ настоятельно требовалъ, чтобы прїѣзжаго умертвили, дабы онъ не могъ измѣнить имъ и открыть ихъ убѣжища.

Мустафа догадался, что старикъ мститъ ему за то, что онъ былъ невольною причиною вчерашняго худаго съ нимъ обращенія. Сильный, подумавъ нѣсколько минутъ, сказалъ: «нѣтъ, я не нарушу законовъ гостепріимства, они для меня священны! Сверхъ того, я увѣренъ, что онъ не захочетъ измѣнить намъ!»

Сказавъ это, онъ отдернулъ занавѣсъ, служившій дверью палатки и вошелъ ко мнѣ. «Миръ тебѣ, Мустафа!» говорилъ онъ; «выпьемъ вмѣстѣ утреннюю чашу и собирайся въ путь!» Онъ подалъ брату кубокъ съ шербетомъ, послѣ чего они пошли сѣдлать своихъ

лошадей. Скоро выѣхали они изъ стана и слѣдовали по широкой дорогѣ, проложенной лѣсомъ. Сильный разсказалъ брату, что Сулейскій Паша далъ имъ слово не тревожить ихъ никогда, и позволить имъ спокойно проживать въ подвластныхъ ему земляхъ, но что, нѣсколько недѣль тому назадъ, онъ переловилъ храбрѣйшихъ изъ людей его и перевѣшалъ ихъ, послѣ ужаснѣйшихъ мученій. Въ возмездіе за то, Сулейскій Паша пойманъ, и нынче-же долженъ умереть. Мустафа не осмѣливался противорѣчить; онъ почиталъ себя счастливымъ, что ему удалось вынести собственную свою голову въ цѣлости изъ стана разбойниковъ.

Выѣхавъ изъ лѣса, Сильный остановилъ свою лошадь, описалъ ему путь, по которому ѣхать, и, пожавъ руку на прощаніе, сказалъ: «Мустафа! ты по самому странному случаю сдѣлался гостемъ разбойника Орбасана, я не стану

требовать, чтобы ты не измѣнялъ мнѣ, и не говорилъ ни слова о томъ, что видѣлъ и слышалъ! Ты совсѣмъ не заслуженнымъ образомъ подвергался опасности лишиться жизни, ты вытерпѣлъ всѣ ужасы смерти, и за то я обязанъ вознаградить тебя. Возьми, на память, этотъ кинжалъ; если, когда-либо, тебѣ нужна будетъ моя помощь, доставь его ко мнѣ, и я не замедлю явиться. Вотъ еще кошелекъ, который также можетъ быть тебѣ полезенъ.» Братъ благодарилъ его за щедрость, взялъ кинжалъ, но кошелекъ не хотѣлъ принять. Орбанъ еще разъ пожалъ его руку и, бросивъ кошелекъ на землю, во весь духъ поскакалъ въ лѣсъ. Мустафа, видя невозможность догнать его, сошелъ съ лошади, и, поднявъ кошелекъ, изумился его тяжести; онъ весь былъ набитъ золотомъ. Братъ мой благодарилъ Бога за свое избавленіе, просилъ Его низпослать милость Свою великодуш-

ному разбойнику, и съ веселымъ сердцемъ продолжалъ путь свой въ Балсору. »

Лецахъ замолчалъ и посмотрѣлъ на стараго Ахмета, какъ-бы вопрошая его: « Если это такъ, » сказалъ Ахметъ, « то, конечно, я обязанъ переменить мнѣніе на счетъ Орбасана! По истинѣ! Онъ благородно поступилъ съ твоимъ братомъ! »

« Онъ показалъ себя честнымъ, хорошимъ мусульманиномъ! » воскликнулъ Мулей. « Но я надѣюсь, » продолжалъ онъ, « что ты окончишь свою повѣсть! Мы всѣ любопытны знать, что сдѣлалось съ твоимъ братомъ, Фатьмой и Зораидою. »

« Если вамъ не скучно слушать меня, » отвѣчалъ Лецахъ, « я охотно буду продолжать! Похожденія брата моего очень любопытны! »

« На седьмой день, около полудня, Мустафа въѣхалъ въ Балсору. При-

бывъ въ Каравансарай, онъ спѣшилъ освѣдомиться скоро-ли начнется продажа невольниковъ, которая производится тамъ только однажды въ годъ. Къ ужасу своему онъ услышалъ, что опоздалъ двумя днями. Объ немъ сожалѣли и говорили, что онъ много потерялъ; что въ послѣдній день были выведены, на площадь, двѣ невольницы такой чудесной красоты, что глаза всѣхъ покупателей были ослѣплены. За нихъ было много спора и даже драки, и онъ были проданы за очень высокую цѣну, которой никто не могъ за нихъ заплатить, кромѣ теперешняго ихъ обладателя. Мустафа сталъ спрашивать подробнѣе и убѣдился, что эти красавицы были тѣ самыя несчастливицы, которыхъ онъ искалъ. Онъ узналъ также, что купившій ихъ богачъ живетъ за сорокъ часовъ ѣзды отъ Балсоры, и что его зовутъ Тіули-Козомъ; что онъ человекъ знатный, старый и былъ нѣ-

когда у Султана Кабуданъ-Пашею. Теперь-же, оставя службу, во время которой приобрьлъ несмѣтное богатство, онъ живетъ спокойно въ своемъ помѣстьѣ.

Сначала Мустафа хотѣлъ гнаться за Тіули-Козомъ, но, размысливъ хорошенько, онъ увидѣлъ, что такое предпріятіе было-бы сумазбродство. Возможно-ли было ему, одному, съ успѣхомъ напасть на путешественника, окруженнаго многочисленною свитою? И какъ надѣяться силою отнять молодыхъ красавицъ, вѣроятно хорошо охраняемыхъ? — Онъ выдумалъ новый планъ. Пользуясь своимъ сходствомъ съ Пашею Сулейкскимъ, которое едва не стоило ему жизни, онъ задумалъ подъ этимъ именемъ войти въ домъ Тіули-Коза и высмотрѣть-нѣтъ-ли какого средства спасти несчастныхъ дѣвицъ. На деньги, подаренныя ему Орбасаномъ, онъ нанялъ слугъ и лошадей, купилъ для себя и своей свиты бога-

тыя одежды и поѣхалъ къ замку Тіули-Коза. Черезъ пять дней достигъ онъ до замка, построеннаго въ прекрасной равнинѣ и окруженнаго высокими стѣнами, закрывающими все строеніе. Мустафа вычернилъ себѣ бороду и намазалъ лице сокомъ одной травы, которая придала ему болѣе смуглости. Такимъ образомъ онъ сдѣлался совершенно похожимъ на Сулейкскаго Пашу. Онъ послалъ одного изъ слугъ своихъ въ замокъ Тіули-Коза, просить позволенія Сулейкскому Пашѣ провести ночь въ его домѣ. Братнинъ слуга скоро возвратился, вмѣстѣ съ четырьмя богато одѣтыми невольниками; они взяли за поводъ братнину лошадь и повели ее на дворъ замка. Тамъ помогли ему сойти съ лошади, а четыре другіе невольника, подхватя брата подъ руку, взвели на мраморную лѣстницу въ покои Тіули-Коза.

Хозяинъ, веселый старикъ, принялъ
Томъ I.

брата съ большими почестями и подчинялъ всѣмъ, что у него было лучшаго. Послѣ стола Мустафа, нечувствительно, склонилъ разговоръ къ невольницамъ; Тіули хвалили необыкновенную красоту новокупленныхъ дѣвицъ, только жаловался на ихъ неутѣшную печаль. Братъ былъ очень доволенъ сдѣланнымъ ему пріемомъ, и легъ спать съ самыми веселыми надеждами.

Онъ спалъ уже около часа, когда былъ разбуженъ свѣтомъ лампы, блеснувшей ему прямо въ глаза. Приподнявшись на постель, онъ еще думалъ, что видитъ сонъ; смуглый, малорослый старичекъ, котораго онъ видѣлъ въ Орбасановой палаткѣ, стоялъ передъ нимъ, съ лампадою въ рукѣ, и глядѣлъ на него съ отвратительной, насмѣшливой улыбкою. Мустафа протиралъ себѣ глаза, тоскалъ себя за носъ, думая разбудить себя, чтобы избавиться отъ непріятнаго видѣнія; но старикъ все сто-

ялъ передъ нимъ, и онъ убѣдился, что видитъ не сонъ. «Что тебѣ надобно? За чѣмъ стоишь ты у моей постелѣ?» вскричалъ Мустафа, пришедъ нѣсколько въ себя. — «Не безпокойся, Государь!» отвѣчалъ старикъ: «я угадалъ за чѣмъ ты здѣсь! Я очень помню твое лице, но, конечно, принялъ-бы тебя за Сулейкского Пашу, если-бы я не помогъ, собственными руками, его повѣсить. Я хочу спросить у тебя нѣчто!»

«Прежде всего скажи, какъ зашелъ ты сюда?» прервалъ его Мустафа съ гнѣвомъ. — «Изволь!» отвѣчалъ старикъ, «я все расскажу тебѣ! Я долѣе не могъ ужиться съ Сильнымъ, и потому убѣжалъ отъ него. Ты, Мустафа, былъ причиною нашей ссоры, и потому ты долженъ выдать за меня сестру свою; на этомъ условіи я помогу тебѣ увезть ее отсюда. Но если ты не согласишься выдать ее за меня, то я расскажу мо-

ему новому господину исторію Сулейкскихъ Пашей, стараго и новаго.»

Мустафа былъ внѣ себя отъ страха и гнѣва. Въ то время, когда онъ мнилъ уже достигнуть до цѣли, этотъ бездѣльникъ явился, чтобы уничтожить все, что онъ сдѣлалъ! Оставалось еще одно средство оградиться отъ предательства — убить предателя! Онъ бросился съ постели, чтобы схватить малорослаго урода; но тотъ, вѣроятно, предвидя нападенія, бросилъ лампаду на землю, погасилъ ее и, спасаясь въ потемкахъ, кричалъ во все горло: «разбой! сюда! сюда! помогите! помогите!»

Надобно было, на нѣкоторое время, забыть о дѣвицахъ и помышлять о собственной безопасности. Мустафа подошелъ къ окну, чтобы увидѣть не лѣзя ли будетъ изъ него выпрыгнуть. Окно было довольно высоко, а по ту сторону окна возвышалась стѣна, черезъ которую должно было перелезть. Онъ раз-

мышлялъ, стоя у окна, о томъ, что дѣ-
лать, какъ вдругъ услышалъ множество
голосовъ, приближающихся къ его гор-
ницѣ ; уже начали отпирать дверь...
Мустафа , въ отчаяніи, поспѣшилъ на-
бросить на себя одежду , заткнулъ за
поясъ кинжалъ и выпрыгнулъ въ окно.
Онъ крѣпко стукнулся о землю, но, къ
счастію, ничего не переломилъ ! Тутъ
побѣжалъ онъ опрометью къ стѣнѣ ,
окружающей дворъ, и , къ удивленію
всѣхъ преслѣдовавшихъ его , искусно
взобрался на стѣну, а оттуда спустил-
ся благополучно внизъ и очутился на
свободѣ. Онъ бѣжалъ до небольшого лѣ-
сочка, гдѣ, выбившись изъ силъ, упалъ
на землю, чтобы отдохнуть. Тутъ раз-
мышлялъ о томъ, что предпринять. Ло-
шади его и люди остались въ замкѣ,
но деньги были спасены ; они были у
него въ поясѣ. Изобрѣтательная голова
его указала ему еще одинъ путь къ
спасенію. Онъ пошелъ далѣе въ лѣсъ,

въ концѣ котораго находилось небольшое селеніе; тамъ купилъ онъ дешевую лошадь и на ней доѣхалъ до ближайшаго города, гдѣ сталъ освѣдомляться о лучшемъ лекарѣ. Ему указали старика, который за одну золотую монету далъ ему такое питье, которое могло ввергнуть въ сонъ, уподобляющійся смерти, а другое средство, въ одну минуту, оживляло спящаго. Потомъ купилъ онъ для себя длинную фальшивую бороду, черный таларъ и множество маленькихъ коробочекъ и сткляночекъ, какъ-бы какой странствующій врачъ. Онъ навьючилъ пожитки свои на осла и направилъ путь къ замку Тіули-Коза. Мустафа былъ увѣренъ, что его никто не узнаетъ; фальшивая борода такъ измѣнила лице его, что онъ самъ себя не узнавалъ. Прибывъ къ замку Тіули-Коза, онъ велѣлъ доложить, что у воротъ его стоитъ знаменитый врачъ Хакаманкабудибаба, и все случилось точно такъ,

какъ братъ того и ждалъ. Великолѣпное имъ принятое имя такъ плѣнило стараго дурака , что онъ тотчасъ пригласилъ прїѣзжаго къ своему столу. Хакаманкабудибаба явился къ хозяину, и не прошло еще часа , какъ старикъ рѣшилъ, что мудрый врачъ долженъ сдѣлать общій смотръ всѣмъ его невольницамъ. Мустафа съ трудомъ могъ скрыть радость , помышляя , что онъ увидитъ свою любезную Зоранду и милую сестру ; сердце его сильно билось , когда онъ шелъ за Тіули-Козомъ, провождающимъ его въ гаремъ. Они вошли въ прекрасно убранную, но совершенно пустую, комнату. «Хамбаба! или какъ тебя зовутъ, не выговорю ! Любезный докторъ!» говорилъ Тіули-Козъ, «пожалуйста подойди къ этому отверстию въ стѣнѣ ; каждая изъ моихъ невольницъ будетъ просовывать въ него руку и, пощупавъ пульсъ , ты можешь сказать, которая больна, которая здорова.» Сколь-

ко ни убѣждалъ Мустафа показать ему не однѣ руки, но и самихъ невольницъ, говоря, что нужно пересмотрѣть и языки, но Тіули-Козъ на это никакъ не соглашался. Онъ вынулъ изъ-за пояса длинную цидулку и громкимъ голосомъ началъ дѣлать перекличку своимъ невольницамъ. При каждомъ имени, сквозь отверстіе стѣны, просовывалась рука, и врачъ щупалъ пульсъ. Шесть невольницъ были объявлены совершенно здоровыми; послѣ чего Тіули провозгласилъ имя Фатьмы — и маленькая, блѣдная ручка просунулась сквозь отверстіе стѣны. Съ радостнымъ трепетомъ схватилъ Мустафа эту ручку и, принявъ на себя важный видъ, объявилъ, что пульсъ означаетъ опасную болѣзнь. Тіули казался очень безпокойнымъ и приказалъ мудрому Хакаманкабудибабъ, какъ можно скорѣе, изготovitъ лучшее свое лекарство. Врачъ вышелъ вонъ изъ горницы и написалъ

слѣдующую записку: «Фатьма! Я из-
«бавлю тебя отъ неволи, если ты со-
«гласишься принять лекарство, отъ ко-
«торого въ теченіе двухъ сутокъ бу-
«дешь казаться мертвою. Я имѣю сред-
«ство опять оживить тебя. Если ты
«рѣшишься на это, скажи только, что
«питье, которое теперь тебѣ посылаю,
«не сдѣлало никакой пользы; тогда я
«буду знать, что ты согласна и приш-
«лю тебѣ другое питье?»

Возвратясь въ ту горницу, гдѣ ожи-
далъ его Тіули-Козъ, онъ принесъ съ
собою ничего незначущее, безвредное
питье, еще разъ пощупалъ пульсъ
больной своей, непримѣтнымъ образомъ
заткнулъ ей за рукавъ свою записочку,
и подалъ питье сквозь отверстіе стѣ-
ны. Тіули очень беспокоился о Фатьмѣ,
и отложилъ смотръ прочихъ неволь-
ницъ до другаго дня. Вышедъ вмѣстѣ
съ Мустафою, онъ печально говорилъ
ему: «Хадибаба! скажи мнѣ правду, что

думаешь ты о Фатьминой болѣзни?» — Хакаманбудибаба отвѣчалъ со вздохомъ: «Государь! да низпошлетъ великій пророкъ утѣшеніе душъ твоей! У нее очень опасная горячка, отъ которой она можетъ умереть!» — Тіули вскричалъ съ жестокимъ гнѣвомъ: «что сказалъ ты, проклятая собака, а не врачъ? Умереть! Ей умереть какъ коровъ! Ей, за которую я заплатилъ тысячу золотыхъ! Если ты не спасешь ее, то не уцѣлѣетъ и твоя голова!» — Братъ мой догадался, что поступилъ глупо, предупредивъ старика о смерти его невольницы; онъ подалъ ему нѣкоторую надежду. Пока они еще разговаривали, вошелъ черный невольникъ и сказалъ врачу, что лекарство его не сдѣлало никакой пользы. «Смотри, Хакамдабабельба!» вскричалъ Тіули-Козъ, «употребивъ всѣ свои старанія, чтобы помочь больной! Ты знаешь, что я заплачу тебѣ по заслугамъ!» Онъ былъ въ отчаяніи, думая, что даромъ

пропадаетъ у него столько денегъ! — «Я дамъ ей такое лекарство, которое вылечить ее совершенно!» сказалъ врачъ. — «Да! пожалуйста! Постарайся ее совершенно вылечить!» говорилъ Тіули-Козъ рыдая. Мустафа принесъ свое усыпительное питье и отдалъ его черному невольнику, рассказавъ какъ должно принять его; потомъ просилъ у Тіули-Коза позволенія сходить на берегъ моря, чтобы тамъ набрать нѣкоторыя, нужныя ему, цѣлительныя травы; его выпустили за ворота зѣмка. Пришедъ къ морю, Мустафа сорвалъ съ лица фальшивую бороду, съ плечъ докторскій нарядъ и бросилъ все въ море, а самъ, спрятавшись въ кусты, ожидалъ ночи, чтобы, въ потемкахъ, прокрасться къ кладбищу, находящемуся близъ воротъ зѣмка.

Спустя около часа послѣ братнина отсутствія, пришли сказать Тіули-Козу, что Фатьма умираетъ. Онъ послалъ нѣсколькихъ невольниковъ на берегъ мо-

ря, чтобы отыскать и привести къ нему, какъ можно скорѣе, врача; но посланные возвратились, рассказывая, что бѣдный врачъ утонулъ, что видѣли на морскихъ волнахъ его черный таларъ, и что даже и длинная, густая его борода иногда всплывала къ верху. Видя, что негдѣ искать спасенья, Тіули началъ проклинать и себя, и весь свѣтъ, рвать свою бороду и стучать головою объ стѣну. Но отчаяніе его ни къ чему не послужило! Фатьма умерла на рукахъ прочихъ женщинъ гарема. Узнавъ о ея смерти, Тіули-Козъ приказалъ скорѣе изготовить гробъ, потому что онъ не могъ терпѣть мертвыхъ въ своемъ домѣ, поспѣшить вынести трупъ на кладбище, въ нарочно приготовленное строеніе и оставить тамъ до времени погребенія. Невольники отнесли гробъ, спѣшили поставить его на землю и побѣжали прочь, не оглядываясь; они испугались, услыша вздохи и стоны раздаю-

щіеся среди могилъ. То былъ братъ мой; онъ, спрятавшись между гробницъ, обратилъ невольниковъ въ бѣгство своимъ стономъ.

Оставшись одинъ, Мустафа зажегъ лампаду, которую нарочно принесъ съ собою; потомъ досталъ стекляночку съ питьемъ, долженствовавшимъ разбудить Фатьму. Но какъ описать его ужасъ, когда, снявъ крышу гробовую, онъ увидѣлъ, при свѣтѣ своей лампы, лице совершенно ему незнакомое? Это была не сестра его и не Зораида! Онъ нѣсколько минутъ колебался, думая оставить незнакомку на вѣки въ этомъ гробѣ; однако жалость превозмогла! Онъ влилъ въ уста умершей принесенное питье, и она вздохнула, открыла глаза, но нѣсколько времени не могла ничего припомнить. Напослѣдокъ память ея совершенно возвратилась, она вышла изъ гроба и бросилась къ ногамъ Мустафы. «Существо благотворительное!»

воскликнула она; «какъ могу я возблагодарить тебя! Ты избавилъ меня изъ ужаснѣйшаго заточенія!» Мустафа, прервавъ изъясненіе ея благодарности, спросилъ: какъ это случилось, что онъ спасъ ее вмѣсто сестры своей Фатьмы? — Дѣвица пристально на него посмотрѣла и сказала: «теперь я понимаю, почему ты захотѣлъ освободить меня! До сихъ поръ это было для меня непостижимо! Здѣсь въ замкѣ мнѣ дали имя сестры твоей, ты принялъ меня за нее, и далъ мнѣ спасительное питье вмѣсто Фатьмы, сестры твоей!» — Мустафа просилъ незнакомку дать ему какое-нибудь извѣстіе о сестрѣ и о Зорандѣ, и узналъ, что онѣ обѣ находятся въ замкѣ, но что, по обычаю принятому Тіули-Козомъ, имена ихъ перемѣнены: одну называли Миразою, а другую Нурмагалою.

Спасенная невольница, видя, что братъ мой былъ чрезвычайно огорченъ своею неудачею, старалась утѣшить его. Она

объщала научить его средству спасти обѣихъ дѣвицъ. Ободренный надеждою, Мустафа просилъ ее открыть это средство немедленно, и невольница сказала ему:

«Я жила пять мѣсяцевъ въ неволѣ у Тіули-Коза, и съ самого того времени, какъ попалась въ домъ его, не переставала изыскивать средствъ къ моему спасенію. Но безъ посторонней помощи мнѣ было невозможно привести въ исполненіе моего намѣренія. Во внутреннемъ дворѣ зѣмка ты, конечно, замѣтилъ фонтанъ, который черезъ десять трубъ изливаетъ свою воду въ водоемъ; на этотъ фонтанъ обратилось все мое вниманіе. Я помнила, что въ домъ моего родителя есть точно такой-же фонтанъ, который снабжается водою, посредствомъ обширныхъ водопроводовъ. Чтобы увѣриться такого-ли устройства и этотъ фонтанъ, однажды я очень хвалила его въ присутствіи Тіули-Коза, и

спрашивала кто былъ строителемъ этого великолѣпнаго фонтана. «Я самъ строилъ его;» отвѣчалъ Тіули; «то, что ты видишь здѣсь, еще ничего не значитъ! Вода проведена изъ одного источника, отстоящаго отсюда, по крайнѣй мѣрѣ, на тысячу шаговъ, и трубы, въ которыхъ она идетъ, такъ просторны, что человѣкъ можетъ въ нихъ помѣщаться! И вся эта работа произведена подъ моимъ надзоромъ и по собственному моему распоряженію.» — «Узнавъ это, мнѣ часто хотѣлось обладать силою мужчины, чтобы имѣть возможность приподнять хотя одинъ камень въ сводѣ водопровода; тогда я могла-бы уйти.» «Я покажу тебѣ этотъ водопроводъ! Черезъ него ты можешь войти во внутренность замка и освободить любезныхъ тебѣ плѣнницъ. Но для сего нужно имѣть, по крайнѣй мѣрѣ, еще двухъ человѣкъ, которые могли-бы надзирать за невольниками гарема, въ то время, когда ты

будешь дѣйствовать для освобожденія плѣнницъ. »

Такъ говорила невольница, и Мустафа, хотя и былъ уже два раза обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, призвавъ на помощь Аллаха, рѣшился попробовать своего счастія въ третій разъ, по совѣту невольницы. Онъ обѣщалъ дать ей средство возвратиться въ отечество, если она поможетъ ему войти въ замокъ. Одно только беспокоило его: гдѣ найти людей, на усердіе и вѣрность которыхъ можно было-бы положиться?—Размышляя объ этомъ, онъ вспомнилъ о кинжалѣ, полученномъ отъ Орбасана и объ его обѣщаніи явиться на помощь его, когда будетъ нужно! Онъ вышелъ, вмѣстѣ съ Фатьмою, изъ кладбища и пошелъ искать разбойника.

Въ томъ-же городѣ, гдѣ преобразился онъ врачомъ, Мустафа купилъ на послѣднія свои деньги клячу и нанялъ для Фатьмы горницу, въ предмѣстіи, у од-

ной бѣдной старухи; потомъ поспѣшилъ въ горы, туда, гдѣ видѣлъ Орбасана въ первый разъ. Черезъ три дни онъ пріѣхалъ туда, скоро нашелъ знакомую палатку и вошелъ въ нее. Орбасанъ принялъ его ласково. Мустафа разсказалъ ему о всѣхъ своихъ неудачахъ; слушая его, Орбасанъ не могъ удержаться, чтобы иногда не улыбаться: но когда дѣло дошло до того, что братъ выдалъ себя за врача Хакаманбудибаба, то Орбасанъ расхохотался. Измѣна малорослаго старика его чрезвычайно разсердила; онъ поклялся повѣсить его собственными своими руками. Брату-же обѣщалъ быть въ готовности ѣхать съ нимъ, требуя, однакожь, чтобы онъ прежде хорошенько у него отдохнулъ и провелъ ночь въ его палаткѣ. Мустафа, съ благодарностью, принялъ его предложеніе, а на разсвѣтъ, взявъ съ собою трехъ храбрѣйшихъ изъ товарищей своихъ, Орбасанъ вооружился. Всѣ сѣли на коней и отпра-

вились въ путь. Черезъ два дни они прѣхали въ тотъ городъ, гдѣ оставалась Фатъма; Мустафа взялъ ее съ собою и всѣ спѣшили въ тотъ лѣсокъ, который былъ близко отъ зѣмка Тіули-Коза. Тамъ расположились они ожидать ночи. Какъ скоро смерклось, то они, подъ предводительствомъ Фатъмы, прокрались къ тому ручью, отъ котораго ведень былъ водопроводъ. Фатъма осталась тутъ подъ защитою одного изъ разбойниковъ, тутъ остались также и лошади ихъ; сами-же они старались спускаться во внутренность водопровода. Прежде нежели сойти туда, невольница еще разъ повторила, что этимъ водопроводомъ достигнуть они до внутренней зѣмка, что тамъ на право и на лѣво есть двѣ башни, что шестая дверь отъ башни, стоящей на правой сторонѣ, ведетъ въ жилище Фатъмы и Зораиды, и что эта дверь охраняема двумя черными невольниками. Взявъ съ собою оружіе и всѣ нужные

инструменты, Мустафа, Орбасанъ и двое изъ ихъ товарищей спустились въ водопроводъ. Они шли по поясъ въ водѣ и черезъ полчаса достигли до фонтана; тогда начали они работать своими инструментами. Стѣна была толста и крѣпка, но не могла долго противиться соединеннымъ силамъ четырехъ сильныхъ человѣкъ; скоро проломали они отверстіе, черезъ которое могли свободно выйти. Орбасанъ вылезъ первый и помогалъ другимъ. Выбравшись на дворъ замка, они осмотрѣли его со всѣхъ сторонъ, чтобы найти ту дверь, которую описала имъ невольница. Нѣсколько времени стояли они въ нерѣшимости, которую дверь имъ должно отпирать, ибо, начавъ считать съ правой стороны, они нашли одну дверь совсѣмъ закладенную стѣной, и не знали входила-ли она въ счетъ невольницы, или нѣтъ. Но Орбасанъ не долго думалъ: «мое оружіе отпретъ всякую дверь!» сказалъ онъ, и

пошелъ къ шестой двери; всѣ послѣдовали за нимъ. Они отперли дверь и увидѣли шестерыхъ черныхъ невольниковъ, спящихъ на полу; они хотѣли уже безъ шума отступить назадъ, замѣтя, что ошиблись дверью, но знакомый голосъ началъ кричать, призывая къ себѣ на помощь людей: это былъ малорослый старикъ, убѣжавшій отъ Орбасана. Прежде нежели онъ успѣлъ опомниться, Орбасанъ бросился къ нему, разорвалъ на двое его кушакъ, одной половиною заткнулъ ему ротъ, а другою связалъ назадъ руки; потомъ обратился къ прочимъ невольникамъ, изъ которыхъ нѣкоторые были уже перевязаны Мустафою и людьми его; всѣми ими скоро овладѣли. Приставя къ груди невольниковъ кинжалы, спрашивали: гдѣ Нурмагала и Мираза? Испуганные невольники объявили, что онѣ находятся въ близъ лежащемъ покоѣ. Мустафа бросился туда и нашелъ, что про-

изшедшій шумъ разбудилъ Фатьму и Зораиду. Онѣ поспѣшили собрать свои пожитки и послѣдовали за Мустафою. Между тѣмъ оба разбойника, бывшіе съ Орбасаномъ, предложили разграбить замокъ. Но Орбасанъ отвѣчалъ имъ: «я не хочу, чтобы могли сказать, что Орбасанъ вкрадывается ночью въ домъ съ тѣмъ, чтобы грабить!» Мустафа и спасенныя дѣвицы спустились въ водопроводъ, куда и Орбасанъ обѣщалъ скоро за ними послѣдовать. Оставшись на дворѣ замка, онъ, съ помощію одного изъ разбойниковъ, вытащилъ изъ горницы малорослаго старика; обвязалъ около его шеи шелковый снурокъ, которымъ нарочно для того запасся, и повѣсилъ его возлѣ фонтана, на одномъ изъ самыхъ высочайшихъ столбовъ, находившихся тутъ. Наказавъ такимъ образомъ измѣнника, всѣ спустились въ водопроводъ. Дѣвицы благодарили, со слезами, великодушнаго Орбасана за свое

избавленіе , но онъ прервавъ изъясненіе ихъ благодарности, просилъ поспѣшить бѣгствомъ , ибо должно было ожидать , что Тіули-Козъ разошлетъ за ними погоню во всѣ стороны. На другой день Мустафа и подруги его разстались съ Орбасаномъ , съ разтроганными сердцами. О, конечно, онъ никогда не забудеть его ! Освобожденная-же невольница пошла въ Балсору , чтобы тамъ нанять мѣсто на корабль и отплыть въ отечество.

Родственники мои скоро и благополучно прибыли домой. Отецъ мой едва не умеръ отъ радости, увидя опять дѣтей своихъ. На другой день, по ихъ возвращеніи, онъ далъ великолѣпный пиръ, на который приглашенъ былъ весь городъ. Братъ мой, въ присутствіи многочисленнаго собранія родныхъ, пріятелей и знакомыхъ , долженъ былъ разсказать свои похожденія, и всѣ едино-

душно превозносили похвалами благодѣтельнаго разбойника.

По окончаніи братниной повѣсти, отецъ, вставъ съ мѣста, подвелъ къ нему Зораиду и сказалъ; «я слагаю проклятіе, тяготившее твою голову! Вотъ жена, которую я даю тебѣ; ты заслужилъ эту награду твоими трудами и неусыпностію; вмѣстѣ съ нею даю тебѣ мое родительское благословеніе. Да процвѣтаетъ нашъ родной городъ и да не переводятся въ немъ люди, подобно тебѣ, исполненные мужества, усердія и братской любви!»

Караванъ достигъ конца пустыни, и путешественники съ восхищеніемъ привѣтствовали зеленый дернъ и тѣнистыя деревья, которыхъ такъ давно уже не видали. Въ прекрасной долинь находилъ ся каравансарай, въ которомъ они и расположились ночевать; хотя тутъ и не находили они всѣхъ удобствъ, какихъ-бы можно было ожидать, но все

были веселѣе и довѣрчивѣе обыкновеннаго. Мысль, что они превозмогли всѣ опасности и трудности пути, располагала сердца ихъ къ радости. Мулей, младшій изъ купцовъ, плясалъ передъ ними, пѣлъ и веселостью своею выманивалъ улыбку даже и у Цалевкоса, унылаго Грека. Но, не довольствуясь забавлять товарищей шутками, онъ предложилъ рассказать имъ, въ свою очередь, повѣсть, и, отдохнувъ отъ прыжковъ и пляски, началъ такимъ образомъ:

ПОХОЖДЕНІЯ

МАЛЕНЬКАГО МУКА.

У.

Въ отечествѣ моемъ, городъ Никей, жилъ одинъ человѣкъ, котораго всѣ называли *Маленькимъ Мукомъ*. Хотя я былъ еще и малъ, но очень его помню, особливо потому, что однажды батюшка выскъ меня за него, почти, до полусмерти. Маленькій Мукъ былъ уже пожилой человѣкъ, когда я зналъ его; но ростомъ онъ былъ не много выше трехъ пядей, и къ тому-же еще имѣлъ очень странную наружность. На стройномъ, маленькомъ его туловищѣ присажена была голова совершенно взрослога человека. Онъ жилъ одинъ одиухонекъ, въ домъ преогромномъ, самъ стряпалъ

свое кушанье и въ городъ никто не зналъ-бы живъ-ли онъ, или умеръ, если-бы не видали, около полудня, густаго дыма, выходящаго изъ трубы его дома. Онъ выходилъ со двора только однажды въ мѣсяцъ. Правда, иногда можно было видѣть, какъ вечеромъ онъ прохаживался по кровль своего дома; тогда снизу казалось, что одна голова бѣгаетъ взадъ и впередъ по крышкѣ. Я и товарищи мои, всѣ большіе шалуны, готовые на всякаго рода проказы, не пропускавшіе случая раздражить и осмѣять кого можно; считали за праздникъ тѣ дни, когда выходилъ изъ дома маленькій Мукъ. Въ этотъ знаменитый день мы собирались къ его дому и ожидали его появленія. Когда отворялась дверь дома и изъ нея выставлялась прежде всего большая голова въ огромной чалмѣ, когда, въ слѣдъ за головою, появлялось крошечное туловище, закутанное въ изношенную, старую епанчу, въ широкихъ

шароварахъ и преширокомъ кушакъ, за которымъ былъ заткнутъ кинжалъ такой длинный, что трудно было догадаться кто кого носить—Мукъ-ли кинжалъ, или кинжалъ Мука; тогда раздавался нашъ радостный крикъ,—мы бросали къверху наши фесики и прыгали около него какъ сумасшедшіе. Маленькій Мукъ разкланивался съ нами очень важно, и тихими шагами продолжалъ свое шествіе вдоль по улицъ. Шедши, онъ пресмѣшно шмыгалъ ногами по землѣ и хлопалъ своими туфлями, которыя, по росту его, были непомѣрно велики и широки. Мы, мальчишки, бѣжавъ за нимъ, кричали ему вслѣдъ: «Маленькій Мукъ! Маленькій Мукъ!» У насъ была также сложена про него пѣсенка, которую мы распѣвали, провожая карлика. Я и теперь еще помню ее.

«Маленькій Мукъ! Маленькій Мукъ!

Ходишь улицей туфлями стукъ!

Голова твоя съ гору ,
Вовсе тебѣ ужъ не впору !
Было-бъ лучше нашъ крошка
Если-бъ ты крался какъ кошка !
Видно ты любишь стучать
Стукомъ насъ ребятъ забавлять
Маленькій Мукъ, Маленькій Мукъ !
Ходишь улицей туфлями стукъ !

Такъ тѣшились мы надъ карликомъ ,
и , къ стыду моему , я долженъ при-
знаться , что я надѣдалъ ему больше
всѣхъ; я щипалъ его, дергалъ за епанчу,
и однажды, зашедъ сзади, наступилъ на
его длинныя туфли, отъ чего бѣдняжка
упалъ. Мнѣ было это очень смѣшно, но
смѣхъ мой не прошелъ мнѣ даромъ.
Маленькій Мукъ пошелъ къ отцу моему,
прямо вошелъ въ его горницу и долго
сидѣлъ съ нимъ. Я спрятался за дверь
и видѣлъ, какъ почтительно отецъ про-
вожалъ маленькаго Мука до самыхъ во-
ротъ , какъ онъ съ нимъ вѣжливо рас-
кланивался. Мнѣ что-то страшно стало,

и я не показывался никому на глаза до тѣхъ поръ, какъ голодъ выгналъ меня изъ моего убѣжища. Голодъ былъ для меня страшнѣе побоевъ! Я вошелъ къ отцу съ поникшею головою и смиреннымъ видомъ. «Ты вздумалъ досаждать доброму Муку и насмѣхаться надъ нимъ!» сказалъ отецъ строгимъ голосомъ. «Я расскажу тебѣ его приключенія, тогда вѣрно у тебя пройдетъ охота надъ нимъ шутить; но прежде ты получишь обыкновенную награду за дѣла твои!» — Эта обыкновенная награда была двадцать пять ударовъ розгами, плетью, или чѣмъ попало. На этотъ разъ батюшка взялъ свой длинный чубукъ, снялъ съ него янтарный мундштукъ и глиняную трубку и обработалъ меня препорядочно.

Отсчитавъ мнѣ полновѣсныхъ двадцать пять ударовъ, отецъ приказалъ мнѣ слушать внимательно исторію маленькаго Мука, и началъ слѣдующимъ образомъ: «настоящее имя его есть Мук-

рахъ ; отецъ его былъ здѣшній Никейскій уроженецъ ; онъ былъ человѣкъ рода знатнаго, но бѣденъ, и жилъ почти также уединенно , какъ теперь живетъ сынъ его, котораго онъ не терпѣлъ за маленькій ростъ. Онъ стыдился его и ничему не училъ. На шестнадцатомъ году маленькій Мукъ былъ веселый мальчикъ, а отецъ его человѣкъ угрюмый , который ворчалъ на него безпрестанно, говоря, что онъ уже не ребенокъ, и что пора ужъ ему бросить дѣтскія забавы.

Старикъ, однажды, упалъ и такъ разшибся, что отъ того и умеръ , оставя маленькаго Мука въ бѣдности и невѣжествѣ. Родные , которымъ отецъ Муковъ былъ долженъ болѣе, нежели чего стоило все имѣнiе, оставшееся послѣ него, безжалостно выгнали бѣднаго мальчика изъ дома и совѣтовали ему искать счастья въ свѣтѣ. Маленькій Мукъ отвѣчалъ, что онъ готовъ отправиться въ путь , только просилъ родныхъ , чтобъ

они отдали ему отцовское платье, на что они и согласились. Отецъ его былъ высокъ и толстъ; платье его не годилось малюткѣ; но онъ придумалъ какъ все уладить. Онъ урѣзалъ то, что было слишкомъ длинно, и не дѣлая другой перемѣны надѣлъ на себя отцовскую одежду; о ширинѣ онъ и не заботился. Точно также онъ и теперь одѣвается, и вотъ почему онъ кажется такъ страннымъ. До сихъ поръ онъ носитъ еще отцовскую чалму, его широкій кушакъ, его шаровары и его синію епанчу; все это принадлежало Мукову отцу, равно какъ и длинный кинжалъ, заткнутый за его поясомъ. Нарядясь такимъ образомъ, Мукъ взялъ тросточку и пошелъ вонъ изъ дома.

Онъ шелъ весело цѣлый день, ожидая, что наткнется гдѣ-нибудь на счастье. Блеснетъ-ли гдѣ на дорогѣ обломокъ стекла, или камушекъ — онъ пряталъ его въ карманъ, думая, что нашелъ

алмазъ. Возвышался-ли гдѣ куполь, или минареть—онъ радостно спѣшилъ туда, полагая, что видитъ храмъ счастія. За-мѣтя вдали озеро, тихое, гладкое какъ зеркало, онъ побѣжалъ къ нему опро-метью, полагая, что достигъ до края очарованій. Но при его приближеніи всѣ эти очарованія исчезали! Усталость и голодъ убѣдили его, что онъ еще нахо-дится на землѣ населенной смертными существами, а не безплотными духами. Такимъ образомъ провелъ онъ двое су-токъ мучимый голодомъ и горестью; онъ уже отчаявался найти счастіе! Дикіе плоды и коренья были единственною его пищею, земля постелею, а кровомъ сводъ небесный. На утро третьяго дня увидѣлъ онъ большой городъ. Полумѣ-сяцъ на минаретахъ блисталъ отъ сол-нечныхъ лучей, пестрые флаги развѣ-вались надъ кровлями домовъ; казалось они манили къ себѣ маленькаго Мука. Онъ остановился на возвышеніи и

съ удивленіемъ смотрѣлъ на городъ и его окрестности. «Конечно тамъ найду я свое счастье!» подумалъ маленькій Мукъ, превозмогъ свою усталость и, вспрыгнувъ, сказалъ: «тамъ, или нигдѣ!» Собравъ послѣднія силы, онъ пошелъ въ городъ. Идти было не далеко, и до города легко-бы можно было достигнуть прежде полудня, но Муковы маленькія ножки отказывались служить ему, и онъ принужденъ былъ сѣсть еще разъ въ тѣни пальмоваго дерева, чтобы отдохнуть. Наконецъ, около вечера, пришелъ онъ къ городскимъ воротамъ; тутъ opravилъ онъ свою епанчу, хорошенько повязалъ кисею на чалмѣ, еще шире растянулъ на себѣ кушакъ, а длинный свой кинжалъ заткнулъ еще кривѣе; потомъ вытряхнулъ изъ туфель пыль, обтеръ ихъ, взялъ свою тросточку и бодро вошелъ въ городскія ворота.

Онъ прошелъ уже нѣсколько улицъ, но нигдѣ не отворялась передъ нимъ

гостепріимная дверь, никто не сказалъ ему привѣтливо: «войди, маленькій Мукъ! Утоли голодъ и жажду и отдохни здѣсь!»

Бѣдняжка озирался во всѣ стороны; вдругъ увидѣлъ онъ, что въ одномъ большомъ домѣ отворилось окно, изъ него выглянула старая женщина и на распѣвъ, протяжно и громко кричала слѣдующія слова:

«Сюда, сюда бѣгите!»

«Ко мнѣ друзья спѣшите!»

«Ужь столъ для васъ накрытъ,

«Здѣсь кушанье стоитъ!»

«Сюда, сюда бѣгите!»

«Ко мнѣ друзья спѣшите!»

Послѣ этого приглашенія дверь въ домъ отворилась, и Мукъ увидѣлъ множество кошекъ и собакъ, бѣгущихъ въ домъ. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ въ недоумѣніи, принять-ли ему это радушное приглашеніе, или нѣтъ! Однако, онъ

осмѣлился вступить въ домъ. Передъ нимъ шла пара котятъ, и онъ послѣдовалъ за ними, полагая, что имъ известна дорога.

Мукъ взошелъ на лѣстницу и встрѣтилъ ту самую старуху, которая, глядя въ окно, распѣвала. Она сердито на него посмотрѣла и спросила, что ему надобно? — «Ты сзывала гостей, говоря, что для нихъ готово кушанье!» отвѣчалъ маленькій Мукъ: «я голоденъ и пришелъ на твой зовъ!» Старуха захохотала и сказала: «откуда пришелъ ты, странный гость? Весь городъ знаетъ, что, кромѣ собственныхъ моихъ любезныхъ кошекъ, иногда ихъ сосѣдокъ и нѣсколькихъ собакъ, я никого не угощаю!» Маленькій Мукъ рассказалъ старухѣ о всѣхъ случившихся съ нимъ бѣдахъ, послѣ смерти отца его, и просилъ у нее позволенія поужинать вмѣстѣ съ ея кошками. Старуха была тронута простосердечіемъ малютки, позволила ему

остаться у себя въ домѣ, напоила и накормила его. Потомъ, посмотрѣвъ пристально на Мука, сказала: «останься служить у меня; дѣла тебѣ будетъ мало, а содержаніе хорошее!» Маленькому Муку понравилось старушкино кушанье, и онъ охотно остался ея слугою. Должность его была легка, но очень странна: у старухи Ахавци было два кота и четыре кошки; всякое утро онъ долженъ былъ расчесывать ихъ шерсть и намазывать разными драгоценными, благовонными мазями. Когда хозяйка отлучалась, маленькій Мукъ былъ обязанъ, въ ея отсутствіе, имѣть надзоръ за котами и кошками; долженъ былъ кормить ихъ, раскладывать для нихъ кушанье на особыя тарелочки; а ночью ихъ надобно было укладывать на шелковыя подушки и накрывать бархатными одѣялами. У старушки было также нѣсколько маленькихъ собачекъ, и имъ онъ долженъ былъ служить; но съ этими было меньше

хлопотъ, нежели съ кошками, которыхъ старуха Ахавци любила, какъ дѣтей своихъ. Мукъ жилъ очень уединенно и не видалъ никого, кромѣ хозяйки, ея кошекъ и собакъ. Нѣсколько времени все шло хорошо и хозяйка была имъ довольна; но мало по малу кошки начали баловаться. Когда хозяйка отлучалась, онѣ бѣгали и прыгали какъ угорѣлыя, все въ горницѣ опрокидывали и перебили нѣсколько хорошей посуды. Но лишь только слышали, что хозяйка всходитъ на лѣстницу, всѣ укладывались на свои подушки, какъ ни въ чемъ не бывали, и увидя ее, мурлыкали и помахивали хвостиками. Старая Ахавци сердилась, находя такой безпорядокъ въ своихъ комнатахъ; она во всемъ обвиняла маленькаго Мука, сколько онъ ни клялся въ своей невинности. Старуха не хотѣла вѣрить, чтобъ милыя ея кошки, лежащія такъ смирно на своихъ подушкахъ, могли болѣе проказничать, нежели слуга ея.

Маленькій Мукъ грустиль, думая, что и здѣсь ему не удалось найти своего счастья; онъ вознамѣрился оставить домъ старушкинъ; но узнавъ на опытъ, что путешествовать безъ денегъ непріятно, онъ положилъ непременно достать, какимъ-бы то ни было средствомъ, заслуженныя имъ у старой Ахавци деньги, которыя она всегда обѣщала отдать ему, и въ которыхъ, однако, всегда отказывала. Въ старушкиномъ домѣ была одна горница, которую она всегда держала на замкъ; маленькій Мукъ часто слыхалъ, что хозяйка тамъ возится, и ему чрезвычайно хотѣлось знать, что у нее тамъ спрятано. Думая, какъ-бы достать на дорогу денегъ, ему приходило въ голову, что вѣроятно въ этой горницѣ хранится старушкина казна; но дверь всегда была заперта, и добратся до сокровища не было возможности.

Однажды, поутру, старая Ахавци вы-

шла со двора. У нее была одна собачка, которую она любила меньше прочих и часто бивала, за то маленькій Мукъ ласкалъ ее больше другихъ и пріобрѣлъ особенную любовь благодарнаго этого животнаго. Эта собаченка, прибѣжавъ къ нему, дергала его за широкіе шаровары, и разными прыжками и тѣлодвиженіями звала его за собою. Мукъ пошелъ за нею, и собачка привела его въ спальню хозяйки, гдѣ нашелъ онъ маленькую потайную дверь, которой прежде никогда не замѣчалъ; эта дверь была даже не совсѣмъ притворена, и онъ съ величайшимъ удивленіемъ и радостью увидѣлъ, что она ведетъ въ ту самую горницу, которая такъ давно была цѣлью всѣхъ его мечтаній. Онъ осматривалъ все, но нигдѣ не находилъ денегъ! Тутъ валялись только старыя платья, и стояли какіе-то старинные сосуды необыкновенной формы. Одинъ изъ этихъ сосудовъ въ особенности

привлекъ его вниманіе. Онъ былъ хрустальный, съ прекрасными вырѣзанными изображеніями. Онъ взялъ этотъ сосудъ, разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ, но, къ несчастію, не замѣтилъ, что на немъ была крышечка, ничѣмъ не прикрѣпленная. Поворачивая этотъ сосудъ, Мукъ уронилъ крышечку, и она разбилась въ дребезги.

Долго стоялъ онъ неподвижно отъ ужаса; участь его была рѣшена; ему непремѣнно было надобно бѣжать изъ дома, иначе старуха прибила-бы его до смерти. Онъ вознамѣрился отправиться въ путь немедленно, и, озираясь вокругъ себя, чтобы увидѣть не попадется-ли ему на глаза что нужное для дороги, онъ увидѣлъ въ углу пару огромныхъ туфель. Они были не красивы; но какъ собственныя его туфли, совершенно изношенныя, были уже ни на что не годны, то онъ и рѣшился взять эти, не взирая на ихъ огромность. Въ слѣд-

ствіе этого благоразумнаго намѣренія, онъ поспѣшилъ сбросить свои маленькія туфельки и надѣть найденныя имъ огромныя туфлищи; онъ взялъ также хорошенькую тросточку, съ прекрасно-вырѣзанною головкою, и поспѣшилъ выдти изъ горницы. Зашедъ къ себѣ, онъ надѣлъ на голову отцовскую чалму, на плеча епанчу, заткнулъ за поясъ кинжалъ и побѣжалъ, неоглядываясь, сперва изъ дома, а наконецъ и вонъ изъ города. Страшась погони отъ своей хозяйки, онъ бѣжалъ все далѣе и далѣе, до тѣхъ поръ, пока отъ усталости едва могъ переводить дыханіе. Никогда еще не случалось ему бѣжать такъ скоро; ему невозможно было остановиться, какая-то невидимая сила влекла его впередъ. Наконецъ онъ догадался, что туфли его были какого-то особеннаго свойства, и что онъ-то и тащили его. Онъ всячески старался остановить ихъ, но все безуспѣшно; напоследокъ, выбив-

шись изъ силъ , и не зная что дѣлать, онъ закричалъ на нихъ какъ на лошадей: тпррру ! тпррру ! стой!»— Туфли остановились, и Мукъ въ изнеможеніи упалъ на землю.

Пріобрѣтеніе туфель восхищало его ! И такъ ему удалось найти вещь, которая можетъ доставить ему счастье !— Не взирая на такую радость, онъ заснулъ отъ усталости, ибо маленькое его туловище, на которомъ была присажена такая огромная голова, не могло выносить большихъ трудовъ. Во снѣ увидѣлъ онъ любимую свою собачку, оставшуюся въ домѣ старой Ахавци, ту самую, которая привела его къ туфлямъ; она сказала: «любезный Мукъ ! Ты еще не знаешь настоящаго употребленія своихъ туфель: знай, что если ты повернешься три раза на коблукъ, то можешь полетѣть куда тебѣ угодно; а посредствомъ тросточки ты можешь находить клады. Гдѣ зарыто золото,

тамъ твоя тросточка ударить трижды по землѣ, а гдѣ зарыто серебро, тамъ ударить она два раза.» — Проснувшись, маленькій Мукъ размышлялъ о своемъ чудесномъ снѣ; ему захотѣлось испытать обманъ-ли это воображенія, или нѣтъ. Онъ надѣлъ на себя туфли, приподнялъ одну ногу и старался повернуться на коблукъ. Туфли были такъ велики, особливо для Муковой ножки, что повернуться три раза на коблукъ было очень трудно; неудивительно покажется, что это ему никакъ не удавалось, особливо при необычайной огромности его головы, которая перетягивала его то на ту, то на другую сторону.

Бѣдняжка падалъ нѣсколько разъ на носъ, но все не бросалъ своего испытанія, и наконецъ такъ хорошо принаровился, что ему удалось повернуться три раза на коблукъ. Онъ закружился какъ колесо, и пожелалъ перенестись

въ ближайшій большой городъ. Туфли подняли его на воздухъ и принялись шагать по облакамъ. Мукъ не успѣлъ еще опомниться, какъ очутился на площади большого города. Эта площадь была кругомъ обстроена лавками, и множество народа ходило туда и сюда; всякой былъ занятъ своимъ дѣломъ. Онъ также началъ было толкаться между народа, но скоро замѣтилъ, что для него гораздо лучше отойти подальше отъ толпы, потому что ему безпрестанно наступали на туфли, отъ чего онъ едва не падалъ; да и самъ онъ безпрестанно задѣвалъ своимъ кинжаломъ то того, то другаго, и отъ этого былъ всякой разъ въ опасности, чтобы его кто не прибилъ.

Маленькій Мукъ долго размышлялъ, какимъ-бы образомъ ему выработать нѣсколько денегъ. — У него была тросточка, которая могла обозначать ему гдѣ зарытъ кладъ. — Но какъ найти такое

мѣсто? Ему-бы можно было показывать себя за деньги, но Мукъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы рѣшиться добывать деньги такимъ унижительнымъ образомъ. Наконецъ, ему пришло въ голову прибѣгнуть къ скорости ногъ своихъ. «Можетъ статься,» думалъ онъ, «тѣфли мои доставятъ мнѣ средство содержать себя!»—И положилъ предложить свои услуги кому-нибудь въ качествѣ скорохода. Ему казалось, что такого рода служба нужнѣе всѣхъ Султану того города, гдѣ онъ находился, и потому онъ пошелъ прямо во дворецъ. У воротъ стоялъ часовой, который спросилъ: что ему надобно?—Мукъ отвѣчалъ, что хочетъ вступить въ Султанскую службу, и часовой указалъ ему гдѣ найти надзирателя невольниковъ. Пришедъ къ нему, Мукъ объявилъ, что желаетъ быть принятъ въ число Султанскихъ скороходовъ, для разноса повелѣній его Свѣтлости, куда надоб-

но , въ самомъ скорѣйшемъ времени. Надзиратель невольниковъ , осмотрѣвъ его съ ногъ до головы , сказалъ : « ну возможно-ли принять тебя , съ твоими маленькими ножками, въ Султанскіе скороходы? Убирайся отсюда! Со всякимъ дуракомъ мнѣ болтать нѣкогда! » — Маленькій Мукъ увѣрялъ, однако, что никто скорѣй его не бѣгаетъ, и предложилъ сдѣлать опытъ. Надзирателю это показалось забавно ; онъ приказалъ ему готовиться въ тотъ-же вечеръ бѣгать взапуски съ другими скороходами; отвелъ его на поварню и велѣлъ хорошенько накормить и напоить, а самъ пошелъ къ Султану и рассказалъ ему о предложеніи карлика. Султанъ былъ человѣкъ веселый, и ему понравилось, что надзиратель невольниковъ выдумалъ для него новое увеселеніе; онъ приказалъ все устроить для бѣга, на лугу, находящемся позади дворца, пригласилъ на это зрѣлище всѣхъ придворныхъ и

требовалъ, чтобы карлика хорошенько угостили. Султанъ разсказалъ также принцамъ и принцессамъ своего дома о зрѣлищѣ, которое готовится къ вечеру; тѣ сообщили своимъ служителямъ, служители увѣдомили о томъ родню и пріятелей, такъ что передъ вечеромъ весь городъ собрался на лугъ, смотрѣть какъ будетъ бѣжать карликъ.

Когда Султанъ со всѣми дѣтьми своими расположился на устроенномъ нарочно для того возвышенномъ мѣстѣ, то маленькій Мукъ, выступя изъ толпы народа, очень ловко и почтительно ему поклонился. При видѣ малютки раздалось всеобщее радостное восклицаніе, никто еще не видывалъ такой фигуры. Маленькое туловище съ огромною головою; необъятной ширины панча и шаровары; длинный кинжалъ, заткнутый за широкій поясъ; крошечныя ножки, обуты въ огромныя туф-

ли, — все это казалось такъ смѣшно, что все многочисленное собраніе хохотало безъ памяти. Но маленькій Мукъ, встрѣченный такимъ громкимъ смѣхомъ, ни сколько отъ того не смутился. Съ гордостью опершись на свою тросточку, онъ ожидалъ противника. По собственному желанію маленькаго Мука, надзиратель невольниковъ избралъ лучшаго скорохода; который сталъ рядомъ съ карликомъ и ожидалъ сигнала. Принцесса Амарза подала условный знакъ, махнувъ своимъ покрываломъ — и бѣгунны пустились по лугу, какъ изъ лука стрѣла.

Сначала Мукъ позволилъ своему противнику опередить себя на значительное пространство; но потомъ, погнавъ свои туфли, поровнялся съ нимъ, опередилъ его и бодро сталъ у цѣли, до которой противникъ его добѣжалъ гораздо послѣ и едва переводя дыханіе. Всѣ зрители были поражены удивленіемъ.

емъ. Султанъ первый сталъ рукоплескать, а вслѣдъ за нимъ и вся толпа, восклицая «да здравствуетъ маленькій Мукъ, побѣдитель въ бѣгѣ!»

Между тѣмъ маленькій Мукъ былъ приведенъ предъ Султана; онъ палъ ницъ и сказалъ: «Великій Государь! Я показалъ только небольшой опытъ моего искусства, но могу сдѣлать несравненно болѣе! Угодно-ли тебѣ будетъ принять меня въ число твоихъ скороходовъ?»—Султанъ отвѣчалъ: «ты будешь служить при моемъ лицѣ, любезный Мукъ, и никогда не долженъ отъ меня отлучаться. Я назначаю тебѣ жалованья по сту золотыхъ въ годъ, и ты будешь имѣть столъ съ первѣйшими моими чивовниками.»

«Наконецъ нашелъ я счастье, котораго такъ долго искалъ!» думалъ маленький Мукъ. Онъ радовался, что понравился Султану, который употреблялъ его на всѣ тайныя посольства, требовавшія,

поспѣшности; Мукъ исполнялъ приказанія своего государя съ величайшею исправностью.

Придворные не могли терпѣть карлика, сдѣлавшагося любимцемъ Султана, только за то, что скорѣе всѣхъ бѣгалъ. Они составляли противъ него разные заговоры, но не одинъ не удавался, потому что Султанъ имѣлъ величайшую довѣренность къ первому своему скороходу.

Козни, затѣваемые противъ Мука, не могли отъ него скрыться; но имѣя доброе сердце, онъ не только не думалъ мстить своимъ недоброжелателямъ, но старался изобрѣтать средства какъ-бы снискать ихъ дружбу. Онъ вспомнилъ о забытой своей тросточкѣ, и думалъ, что она поможетъ ему найти благосклонность враговъ его. Давно уже дошелъ до него слухъ, что отецъ теперешняго Султана зарылъ гдѣ-то свое сокровище, скрывая его отъ вторгнувшагося

въ его землю непріятеля; скоро послѣ того онъ умеръ, не объявивъ сыну о своей тайнѣ. Мукъ вознамѣрился носить всегда при себѣ тросточку, въ той надеждѣ, что если случится ему нечаянно набрести на то мѣсто, гдѣ зарыто сокровище, то конечно тросточка укажетъ его. Однажды, вечеромъ, ему случилось быть въ отдаленной части дворцоваго сада, которую рѣдко посѣщаль; вдругъ тросточка вырвалась изъ руки его и стукнула три раза по землѣ. Онъ зналъ уже, что это значило! Вынувъ свой кинжалъ, онъ перемѣтилъ имъ вокругъ растущія дерева и пошелъ во дворецъ; тамъ досталъ онъ себѣ заступъ и лопатку и ожидалъ ночи.

Отрывать сокровище было очень труднымъ дѣломъ для маленькаго Мука. Руки его были и малы, и слабы, а заступъ и великъ, и тяжелъ. Онъ проработалъ часа два, не вырывъ земли и на двѣ пядени въ глубину. Наконецъ,

однако, заступъ его стукнулъ о что-то твердое, зазвѣневшее, какъ металлъ. Онъ сталъ трудиться съ новымъ прилежаніемъ и скоро дорылся до желѣзной крыши. Мукъ влезъ въ вырытую имъ яму, чтобы хорошенько рассмотреть крышу, и нашель, что она покрывала большой котелъ, наполненный золотыми деньгами. Но Мукъ не имѣлъ довольно силы, чтобы вытащить котелъ; и такъ онъ накласть денегъ куда только могъ, въ широкіе шаровары, за поясъ, насыпалъ ихъ въ епанчу, сколько подъ силу было поднять, а остальные прикрылъ землею и сухими листьями, и пошелъ во дворецъ. Если-бы не было на ногахъ его чудесныхъ туфель, то онъ, конечно, не въ силахъ былъ-бы содвинуться съ мѣста, будучи такъ навьюченъ золотомъ. Однако, кое-какъ онъ добрался до своей горницы и спряталъ золото подъ подушки своей софы.

Маленькій Мукъ, видя себя обладате-

лемъ такого богатства, вообразилъ, что купить на него пріязнь своихъ враговъ. Ужь изъ этого одного можно заключить, что добрый Мукъ не имѣлъ ни малѣйшей опытности. Деньгами пріобрѣсть друзей! О! если-бы онъ догадался тогда-же повернуться трижды на коблукъ своей туфли и летѣть подальше съ своимъ сокровищемъ!

Маленькій Мукъ началъ сыпать золото пригоршнями, и тѣмъ возбудилъ зависть въ придворныхъ служителяхъ. Главный поваръ, Ахули, говорилъ: «онъ дѣлаетъ фальшивую монету!» Надзиратель невольниковъ, Ахметъ, говорилъ: «онъ выманилъ эти деньги у Султана!» Казнохранитель, Абдулъ, злѣйшій изъ его враговъ, и часто самъ себя надѣлавшій деньгами изъ султанской казны, говорилъ: «онъ обокралъ казну!» Всѣ они, включивъ въ ихъ общество и главного мундшенка, Корхуза, сдѣлали заговоръ противъ маленькаго Мука. Корхузъ при-

творился очень печальнымъ и такъ выказывалъ свое уныніе передъ Султаномъ, что тотъ спросилъ, наконецъ, что съ нимъ сдѣлалось? «Ахъ!» отвѣчалъ Корхузъ: «я печаленъ, потому что лишился твоихъ милостей, о Государь!» — «Что это за вздоръ!» воскликнулъ Султанъ; «съ которыхъ поръ солнце моего благоволенія перестало освѣщать тебя своими лучами?» — Корхузъ отвѣчалъ, что Султанъ осыпаетъ золотомъ своего главнаго скорохода, а прочимъ вѣрнымъ слугамъ своимъ не жалуетъ ничего.

Это извѣстіе очень удивило Султана; онъ приказалъ разсказать себѣ о щедрости маленькаго Мука, и заговорщикамъ не трудно было навлечь подозрѣніе на бѣдняжку; они дали чувствовать, что вѣроятно онъ обокралъ казну. Больше всѣхъ радовался казнохранитель оборотомъ, какой приняло это дѣло; онъ зналъ, что казны недостаетъ, и боялся,

чтобы не потребовали у него отчета. Султанъ приказалъ надзирать за каждымъ шагомъ маленькаго Мука, желая поймать его на дѣлѣ. Въ слѣдующую ночь маленькій Мукъ взялъ свой заступъ и пошелъ тайкомъ въ садъ; принесенное имъ золото было уже все истрачено; онъ щедро одѣлялъ имъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, и ему понадобился новый запасъ. Главный поваръ Ахули и казнохранитель Абдуль послѣдовали за нимъ, и въ то самое время, какъ онъ хотѣлъ насыпать золота изъ котла въ свою епанчу, они бросились на него, связали ему руки и привели передъ Султана. Его Высочество, разсердясь, что прервали сонъ его, принялъ очень немилостиво своего главного скорохода, и тотчасъ приказалъ допросить его. Котелъ былъ вырытъ изъ земли и принесенъ передъ Султана, вмѣстѣ съ заступомъ и епанчею, наполненною золотомъ. Казнохранитель сказалъ, что онъ

поймалъ Мука въ то время, когда онъ зарывалъ въ землю котель съ золотомъ.

Султанъ спросилъ у обвиненнаго: правда-ли это, и гдѣ онъ взялъ такое множество золота?

Маленькій Мукъ съ полнымъ чувствомъ невинности, не запинаясь, отвѣчалъ, что нашелъ этотъ котель въ саду, и не зарывать его хотѣлъ, а старался вырыть изъ земли.

Всѣ присутствующіе смѣялись этому извиненію, а Султанъ, раздраженный мнимою дерзостію карлика, воскликнулъ: «Какъ, мерзавецъ! мало того, что ты обокралъ своего государя, ты хочешь еще его обманывать! смѣешь передъ нимъ лгать! Казнохранитель Абдулъ! говори: такой-ли суммы не достаетъ въ моей казнѣ, какъ та, которую ты здѣсь видишь?»

Казнохранитель отвѣчалъ, что онъ готовъ присягнуть, что это казенныя

деньги, ибо съ нѣкотораго времени онъ замѣтилъ большой недостатокъ въ Султанскомъ сокровищѣ.

Тогда Султанъ приказалъ оковать маленькаго Мука и посадить его въ тюрьму, а золото отдать казнохранителю, чтобы отнестъ его въ сокровищницу Султанскую. Абдуль, обрадованный такимъ счастливымъ для него окончаніемъ этого дѣла, отнесъ домой котелъ и сталъ пересчитывать блестящія золотыя монеты. Но злодѣй не зналъ того, что на днѣ котла лежала записка слѣдующаго содержанія: «Непріятель вторгнулся въ предѣлы моего государства, и потому я зарываю часть моей казны. Кто найдетъ ее и не отдастъ тотчасъ моему сыну, того постигнетъ проклятіе небесное, призываемое на него Султаномъ Сади.»

Маленькій Мукъ, сидя въ тюрьмѣ, предавался горестнымъ размышленіямъ; онъ зналъ, что за покражу казны, по

законамъ, долженъ быть наказанъ смертию, но, не смотря на то, не могъ рѣшиться открыть Султану тайну своей тросточки, боясь, чтобы не лишиться также и туфель. Къ несчастью, во время заточенія, туфли были для него вовсе бесполезны; сколько онъ ни старался повернуться на коблукъ, но тяжесть оковъ ему препятствовала! На другой день ему объявили смертный приговоръ, и Мукъ размыслилъ, что лучше жить безъ тросточки, нежели умереть позорною смертию, и потому просилъ, чтобы доложили Султану, что онъ хочетъ открыть ему важную тайну. Султанъ допустилъ его къ себѣ, и Мукъ объявилъ ему о свойствѣ тросточки. Сначала Султанъ не хотѣлъ вѣрить, но Мукъ предложилъ сдѣлать надъ тросточкою опытъ, прежде нежели окончать надъ нимъ казнь. Султанъ согласился, и приказалъ тайно отъ Мука зарыть въ землю нѣсколько золота; потомъ повелъ

съ собою карлика, приказавъ ему взять свою тросточку. Черезъ нѣсколько минутъ зарытое золото было отыскано; тросточка, вырвавшись изъ рукъ, три раза ударила по землѣ. Тогда Султанъ убѣдился, что казнохранитель его обманулъ, и послалъ ему, какъ водится на Востокъ, *шелковый снурокъ*, чтобы онъ имъ удавился; а маленькому Муку сказалъ слѣдующія слова: «я даровалъ жизнь тебѣ; но ты, какъ я замѣчаю, открывъ мнѣ свойство тросточки, не совершенно обнаружилъ свою тайну, и потому осуждаю тебя быть заключену въ темницѣ, до тѣхъ поръ, пока ты не объявишь мнѣ, отъ чего ты бѣгаешь такъ скоро?» — Единственная ночь, проведенная въ тюрьмѣ, внушила Муку такое отвращеніе отъ дальнѣйшаго тамъ пребыванія, что онъ тотчасъ признался, что все искусство его заключается въ туфляхъ; однако онъ утаилъ отъ Султана, что, повернувшись три раза на коб-

лукъ, можно летать. Султанъ надѣлъ на себя туфли, для пробы, и какъ бѣшенный принялся бѣгать по саду; ему хотѣлось остановиться, но не зналъ что дѣлать, чтобы удержать туфли; а маленькій Мукъ, желая отмстить Султану, не говорилъ ни слова, и Султанъ бѣгалъ до тѣхъ поръ, что наконецъ упалъ, отъ усталости, безъ чувствъ.

Опомнившись Султанъ, ужасно разсердился на маленькаго Мука, который допустилъ его бѣгать до такого изнуренія. «Я обѣщалъ тебѣ свободу и жизнь,» сказалъ онъ; «но если черезъ двѣнадцать часовъ ты не выберешься вонъ изъ моихъ владѣній, то я прикажу тебя повѣсить.» Туфли и тросточка были отнесены въ Султанскую сокровищницу.

Маленькій Мукъ оставилъ владѣнія Султана въ прежней бѣдности; онъ оплакивалъ свою безразсудную расточительность, вовлекшую его въ напасть, тогда какъ онъ могъ-бы остаться очень

значительнымъ человѣкомъ при дворѣ Султана. Къ счастію владѣнія, изъ которыхъ онъ былъ изгнанъ, были не обширны, и черезъ восемь, или десять часовъ, онъ успѣлъ перебраться за границу, хотя уже и отвыкъ ходить безъ своихъ большихъ туфель.

Переступя за границу, онъ свернулъ съ большой дороги и вышелъ въ самую чащу густаго лѣса, гдѣ хотѣлъ остаться жить, далеко отъ людей, которыхъ ненавидѣлъ. Онъ нашелъ въ этомъ лѣсу мѣсто, совершенно отвѣтствующее его желаніямъ. Прозрачный ручей, осыненный фиговыми деревьями, мягкій дернъ, казалось, приглашали его къ отдохновенію; тутъ бросился онъ на землю, съ твердымъ намѣреніемъ уморить себя съ голода. Въ ожиданіи смерти, онъ заснулъ, а выпавшись ему захотѣлось ѣсть. Маленькій Мукъ разсудилъ, что умирать съ голода очень мучительно, и

сталъ оглядываться, чтобы увидѣть не найдется-ли вблизи чего съѣстнаго.

Онъ увидѣлъ , на томъ деревѣ, подѣ которымъ лежалъ, прекраснѣйшія, спѣлыя фиги. Взобравшись на вѣтку, онъ нарвалъ ихъ и съѣлъ съ величайшимъ удовольствіемъ; потомъ пошелъ къ ручью , напиться. Но какъ описать его ужасъ, когда въ зеркаль прозрачнаго ручья онъ увидѣлъ, что лице его украсилось огромнымъ носомъ, а голова предлинными ушами ! Онъ , въ отчаяньи, схватилъ себя за уши и убѣдился, что они были длиною въ локоть.

«О ! я заслуживаю ослиныя уши ! » вскричалъ онъ; « какъ осель растопталъ ногами свое счастье ! » — Печально прохаживался онъ въ тѣни деревъ, и снова проголодавшись , долженъ былъ опять прибѣгнуть къ фигамъ; потому что не было никакого другаго плода, годнаго къ употребленію въ пищу. Съѣвши вторую порцію фигъ, ему вздумалось надѣть

на голову свою огромную чалму, чтобы видѣть спрячутся-ли подъ нее его длинныя уши; но, дотронувшись до ушей, ему показалось, что они исчезли. Мукъ побѣжалъ къ ручью, чтобы посмотрѣть на себя и удостовѣриться, и увидѣлъ, что въ самомъ дѣлѣ и носъ и уши его приняли прежній видъ. Тогда замѣтилъ онъ хорошенько первое фиговое дерево, отъ плодовъ котораго вырастаютъ носъ и уши необычайной величины, и то, отъ котораго они принимаютъ прежній видъ. Съ восхищеніемъ узналъ онъ, что благодѣтельная судьба еще разъ посылаетъ ему случай пріобрѣсть счастье. Съ каждаго изъ этихъ деревъ нарвалъ онъ плодовъ, сколько возможно было нести, и пошелъ обратно въ то государство, изъ котораго былъ изгнанъ. Въ первомъ городѣ онъ такъ переодѣлся, что его невозможно было узнать и поспѣшилъ идти въ столицу Султана.

Все это происходило въ такое время

года, когда плоды были еще очень рѣдки. Зная, что главный поварь охотно покупаетъ для султанскаго стола всякія рѣдкости, маленькій Мукъ съѣлъ съ товаромъ своимъ у воротъ дворца. Онъ не долго тамъ сидѣлъ; скоро вышелъ и главный поварь. Онъ пересмотрѣлъ всю провизію, снесенную разными торговцами къ воротамъ дворца, и замѣтилъ наконецъ Мукову корзинку съ фидами. «Вотъ рѣдкость!» воскликнулъ онъ: «Его Свѣтлость очень обрадуется! Эй, мальчикъ! Что просишь ты за всю корзинку?» Маленькій Мукъ потребовалъ очень умеренную цѣну и тотчасъ получилъ ее безъ торга. Главный поварь отдалъ корзину невольнику, чтобы отнести на поварню, и пошелъ далѣе, а маленький Мукъ успѣшилъ скрыться, чтобы не быть вблизи дворца въ то время, когда султанскій носъ и уши отростутъ, боясь, что его станутъ отыскивать, какъ виновника бѣды.

Султанъ былъ очень веселъ во время обѣда, и нѣсколько разъ изъяслялъ свое благоволеніе главному повару за то, что онъ всегда умѣетъ находить рѣдкости для его стола; а главный поваръ, зная какой лакомый кусокъ приготовленъ для закуски, сказалъ съ видомъ самодовольнымъ: «это еще не все, Ваша Свѣтлость! конецъ дѣло вѣнчаетъ!» Всѣмъ принцамъ и принцессамъ любопытно было знать, что такое еще было приготовлено, и когда подали на столъ полное блюдо прекрасныхъ спѣлыхъ фигъ, раздалось всеобщее, громкое восклицаніе: «Ахъ! какія спѣлыя, какія прекрасныя фиги!» — Султанъ, подозвавъ къ себѣ главнаго повара, увѣрилъ его въ особенной своей милости; послѣ чего началъ одѣлять изъ собственныхъ своихъ рухъ всѣхъ присутствующихъ. Каждому принцу и каждой принцессѣ онъ далъ по двѣ фиги, придворнымъ-же только по одной, а все остальное сбе-

регъ для себя и сталъ кушать съ величайшею жадностью.

«Батюшка!» воскликнула принцесса Амариза: «что съ тобою сдѣлалось?» Всѣ глаза устремились на Султана и съ неописаннымъ удивленіемъ увидѣли пару длинныхъ ушей, приподнявшихъ его чалму, и длинный носъ, повисшій черезъ губы на бороду. Всѣ собесѣдники съ изумленіемъ и ужасомъ глядѣли другъ на друга; всѣ имѣли такое же украшеніе, хотя не столь огромное, потому что меньше съѣли фигъ.

Можно себѣ представить въ какомъ смятеніи былъ весь дворъ! Тотчасъ разослали собирать всѣхъ врачей; они пришли толпами, прописывали пилюли пудами, микстуры ведрами, порошки четвериками, — ничто не помогало! Ни носы, ни уши не уменьшались! Одному изъ принцевъ сдѣлали операцію: отрѣзали носъ и уши; но его уши и носъ опять выросли!

Мукъ оставался спрятанный въ городъ и слышалъ обо всемъ случившемся. «Теперь наступило мое время!» подумалъ онъ. На деньги, вырученные за фиги, онъ купилъ одежду ученаго и подвязалъ длинную козлиную бороду; въ такомъ нарядѣ онъ былъ вовсе не похожъ на себя. Съ мѣшкомъ, наполненнымъ фигъ, пришелъ онъ въ Султанскій дворецъ и предложилъ свои услуги, называя себя заѣзжимъ врачомъ. Сначала ему не хотѣли вѣрить, но маленькій Мукъ уговорилъ одного изъ принцевъ съѣсть только одну фигу; принцъ послушался и его носъ и уши пришли въ обыкновенное положеніе. Всѣ прибѣгали къ чужестранному врачу и просили его помощи. Султанъ-же взялъ его за руку молча, и повелъ въ свой кабинетъ. Пришедъ туда, онъ отперъ дверь, ведущую въ его казнохранилище; ввелъ туда маленькаго Мука и сказалъ ему: «вотъ всѣ мои сокровища передъ тобой. Бе-

ри что хочешь и сколько хочешь; все отдаю тебѣ, только избавь меня отъ такого постыднаго уродства!» Эти слова были пріятнѣе всякой музыки для маленькаго Мука! Входя въ казнохранилище, онъ тотчасъ увидѣлъ свои туфли, стоящія на полу, а возлѣ нихъ свою тросточку. Онъ кругомъ обошелъ обширную палату, какъ-бы выбирая достойное для себя награжденіе и рассматривая Султанскія сокровища; но подошедъ къ туфлямъ, онъ поспѣшно сунулъ въ нихъ свои ножки, схватилъ тросточку, оторвалъ свою длинную бороду и показалъ Султану коротко знакомое ему лице, изгнаннаго Мука. «Вѣроломный Государь!» сказалъ онъ, «ты заслуживаешь свое безобразіе, ибо вѣрнѣйшіе твои слуги, вмѣсто награды, получаютъ обиды и наказаніе. Я оставляю тебѣ твои длинные уши и носъ! Пускай они ежедневно напоминаютъ тебѣ о маленькомъ Мукѣ!» — Сказавъ это,

онъ повернулся три раза на коблукъ, пожелавъ возвратиться на родину, и улетѣлъ прежде нежели Султанъ успѣлъ позвать кого-нибудь къ себѣ на помощь. Съ тѣхъ поръ онъ живетъ въ изобиліи, но очень уединенно, потому что презираетъ людей. Опытность сдѣлала его мудрымъ, и, не взирая на странную свою наружность, онъ заслуживаетъ твое почтеніе, а не насмѣшки.»

Такъ рассказывалъ отецъ мой; я изъяснилъ раскаяніе въ неприличныхъ моихъ поступкахъ противъ маленькаго Мука, и батюшка простилъ меня. Я сообщилъ товарищамъ слышанное мною о чудесной судьбѣ маленькаго Мука, и мы всѣ такъ полюбили его, что не только никогда надъ нимъ не насмѣхались, но всегда оказывали ему еще больше почтенія, нежели кадю, или муфти.

Путешественники вознамѣрились провести цѣлой день въ этомъ каравансараѣ, чтобы дать хорошенько отдохнуть какъ себѣ, такъ и скотамъ своимъ. Всѣ были веселы и забавлялись разными играми. Послѣ обѣда позвали они пятого купца, за которымъ была очередь рассказывать повѣсть. Али Зичахъ сказалъ, что жизнь его была бѣдна приключеніями, и что съ нимъ никогда не случалось ничего замѣчательнаго, но что онъ расскажетъ имъ слышанную повѣсть о *Ложномъ Принцѣ*.

ПОВѢСТЬ

О

ЛОЖНОМЪ ПРИНЦѢ.

VI.

Былъ одинъ исправный, честный малой, подмастѣрье портнаго, по имени Лабаканъ. Хозяинъ, у котораго онъ жилъ, слылъ искуснѣйшимъ портнымъ во всей Александріи. Не лъзя было сказать, чтобы Лабаканъ былъ лѣнивъ, или не искусенъ: онъ работалъ хорошо, скоро, но въ немъ было что-то странное: иногда онъ шилъ такъ проворно и прилежно, что игла горѣла въ рукахъ его, а нитка такъ и свистѣла; работа его была такъ чиста и хороша, что

никто не могъ съ нимъ сравниться; а иногда, и это случалось чаще, онъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ погруженный въ задумчивость, уставя глаза на одно мѣсто. Въ это время въ лицѣ его и всей наружности изображалось что-то необыкновенное, величественное, такъ что, глядя на него, хозяинъ и прочіе ученики говаривали между собою: «нашъ Лабаканъ опять принялъ на себя знатный видъ!»

По пятницамъ, когда набожные Мусульмане, окончивъ свои молитвы, возвращались домой изъ мечетей, Лабаканъ являлся въ прекрасной одеждѣ, которую онъ съ величайшимъ трудомъ и бережливостію пріобрѣлъ; онъ выступалъ важно и медленно, и если встрѣчался ему кто изъ товарищей, или знакомыхъ и говорили ему: «здорово пріятель! какъ поживаешь? то Лабаканъ, вмѣсто отвѣта, милостиво кивалъ головою. При такихъ случаяхъ хозяинъ

говаривалъ: « право, Лабаканъ, тебѣ-бы надобно было родиться принцемъ! » — Подмастерье на это отвѣчалъ, съ восторгомъ: « такъ и ты это замѣтилъ, хозяинъ? Я давно такъ думаю! »

Такимъ образомъ Лабаканъ жилъ уже нѣсколько времени; хозяинъ терпѣлъ его дурачества, потому что онъ былъ лучшій его работникъ и добрый чело-вѣкъ. Случилось, однажды, что Селимъ, братъ Султана, прибылъ въ Александрію. Онъ послалъ къ портному одно изъ своихъ праздничныхъ платьевъ, для поправки; портной отдалъ его перешивать Лабакану, какъ искуснѣйшему изъ своихъ работниковъ. Вечеромъ, когда хозяинъ и всѣ работники разошлись отдыхать, послѣ трудовъ дневныхъ, Лабаканъ, увлеченный какимъ-то непреодолимымъ желаніемъ, возвратился въ мастерскую, гдѣ висѣло платье султанскаго брата. Онъ долго смотрѣлъ на него въ задумчивости: то любовался

блескомъ и великолѣпіемъ шитья, то красотою шелковой ткани. Онъ не могъ удержаться, чтобы не примѣрить этого платья, и удивился, найдя, что оно какъ по немъ сшито. « Чѣмъ-же я хуже принца? » говорилъ онъ, расхаживая взадъ и впередъ по горницѣ; « и хозяинъ говаривалъ часто, что мнѣ-бы надобно было родиться принцемъ! » Вмѣстѣ съ царскимъ нарядомъ явились у Лабакана и царскія заты. Онъ вообразилъ себя какимъ-то неизвѣстнымъ царскимъ сыномъ; вознамѣрился путешествовать и оставить городъ, населенный такимъ глупымъ народомъ, который не умѣетъ оцѣнить его и распознать его сокрытаго величія. Онъ вздумалъ, что какая-то благодѣтельная волшебница послала ему этотъ великолѣпный нарядъ и никакъ не хотѣлъ съ нимъ разстаться. Собравъ все свое имущество, подъ кровомъ ночи, Лабаканъ вышелъ изъ Александріи.

Нашъ новый принцъ возбуждалъ всеобщее удивленіе, гдѣ ни показывался. Его богатая одежда, его важная, величественная наружность, вовсе не были приличны для пѣшехода. Если кто спрашивалъ у него, почему онъ странствуетъ пѣшкомъ, то Лабаканъ отвѣчалъ съ таинственнымъ видомъ, что имѣетъ на то свои причины. Замѣтя, однако, что его пѣшеходство казалось смѣшно, онъ купилъ себѣ дешевую клячу, которая была ему очень пригодна, потому что всегдашнее ея смиреніе не подвергало его необходимости показывать себя искуснымъ всадникомъ, что было совсѣмъ не его дѣло.

Однажды онъ ѣхалъ тихимъ шагомъ на Мурфѣ (имя, данное имъ своей лошади), какъ вдругъ услышалъ, что его догоняетъ другой всадникъ. Приблизясь, незнакомецъ просилъ позволенія ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, чтобы разговоромъ съ товарищемъ сократить время.

Всадникъ былъ молодой человѣкъ, привлекательной наружности и пріятнаго обхожденія. Скоро начался разговоръ между нимъ и Лабаканомъ. Говоря о томъ, о другомъ, проѣзжій объявилъ о себѣ, что зовутъ его Омаромъ, что онъ племянникъ Эльфи - Бея, несчастнаго Каирскаго Паши, и ѣдетъ теперь для того, чтобы исполнить одно изустное завѣщаніе, сдѣланное ему дядею, на смертномъ одрѣ. Лабаканъ не такъ былъ откровененъ; онъ далъ чувствовать, что, будучи очень высокаго происхожденія, онъ путешествуетъ для своего удовольствія.

Молодые путешественники понравились другъ другу и продолжали ѣхать вмѣстѣ. На другой день ихъ знакомства, Лабаканъ спросилъ у своего товарища Омара: въ чемъ состоитъ завѣщаніе дяди, принуждающее его путешествовать? Къ удивленію своему узналъ онъ слѣдующее: «Эльфи-Бей, Па-

ша Каирскій, воспитывалъ Омара съ самого младенчества, и Омаръ никогда не знавалъ своихъ родителей. Непріятель напалъ на Эльфи-Бея и разбилъ его въ трехъ сраженіяхъ. Эльфи-Бей, получа смертельную рану, принужденъ былъ обратиться въ бѣгство. Чувствуя приближеніе смерти, онъ открылъ, что Омаръ ему не племянникъ, но что онъ сынъ одного сильнаго государя, который, будучи напуганъ предсказаніями какого-то астролога, удалилъ юнаго принца отъ своего двора, взявъ клятву, чтобы сынъ не показывался ему на глаза прежде того дня, въ который ему наступитъ двадцать второй годъ. Эльфи-Бей никогда не объявлялъ ему имени отца, но приказалъ, чтобы онъ непременно въ четвертый день мѣсяца Рамадана, день, въ который наступитъ его двадцать второй годъ, былъ у славнаго столпа Эль-Серуяхъ, отстоящаго отъ Александріи на четыре дни ѣзды; тамъ

онъ долженъ былъ подать свой кинжалъ тѣмъ людямъ, которыхъ найдетъ возлѣ столпа и сказать имъ: «я здѣсь тотъ, кого вы ищите!» — Если въ отвѣтъ на это скажутъ ему: «хвала пророку, сохранившему тебя!» — тогда онъ долженъ слѣдовать за ними, потому что они отведутъ его къ отцу.

Это повѣствованіе удивило Лабакана; онъ съ завистью смотрѣлъ на принца Омара, котораго судьба назначала быть сыномъ сильнаго владѣльца, тогда какъ онъ, одаренный всѣми качествами, могущими украсить принца, осужденъ проводить вѣкъ свой въ низкой долѣ. Онъ началъ сравнивать себя съ принцемъ и не могъ не признаться, что Омаръ былъ прекрасенъ лицомъ, имѣлъ живой, умный взглядъ, правильный носъ, съ небольшою горбинкою, пріятную, кроткую улыбку, однимъ словомъ, все, что только можно пожелать для красоты мужчины: не смотря на то, Лабакану казалось, что

царственный отецъ скорѣе-бы избралъ себѣ въ сыновья его, портнаго подмастерье, потому что онъ былъ гораздо похожѣ на принца.

Эта мысль преслѣдовала Лабакана цѣлый день; съ нею онъ и заснулъ. Проснувшись на другое утро, первый взглядъ его упалъ на безпечно спящаго Омара. Видъ его былъ ясенъ, казалось, онъ мечталъ о ждавшемъ его блаженствѣ. Въ сердцѣ Лабакановомъ родилась мысль овладѣть силою, или обманомъ, тѣмъ счастіемъ, въ которомъ ему отказывала судьба. Признакъ, по которому должно было узнать возвратившагося принца, былъ кинжалъ, заткнутый за поясомъ спящаго. Лабаканъ осторожно вынулъ его, въ намѣреніи пронзить имъ грудь Омарову; но мысль объ убійствѣ ужаснула миролюбиваго подмастерье портнаго, котораго руки привыкли владѣть не оружіемъ, а иглою. Онъ заткнулъ кинжалъ за свой

поясъ, сѣлъ на ту лошадь, которая была быстрее на бѣгу, и прежде нежели Омаръ успѣлъ проснуться, и замѣтить, что всѣ надежды его исчезли, вѣроломный его товарищъ успѣлъ уже далеко уѣхать.

Лабаканъ обокралъ принца въ самый первый день мѣсяца Рамадана; слѣдственно ему оставалось четыре дня для достиженія до извѣстнаго ему столпа Эль-Серуяхъ, который отстоялъ не болѣе какъ на два дни ѣзды. Лабаканъ, опасаясь, чтобъ настоящій принцъ не опередилъ его, поспѣшалъ къ назначенному мѣсту.

Въ концѣ втораго дня, увидѣлъ Лабаканъ столпъ Эль-Серуяхъ. Онъ стоялъ на небольшомъ возвышеніи, среди обширной равнины; оставалось еще часа два, или три ѣзды. Сердце Лабаканово сильно забилося; въ теченіе двухъ дней онъ имѣлъ довольно времени, чтобы обдумать какъ-бы лучше сыиграть

свою роль, хотя совѣсть и смущала его. Однако, подумавъ, что онъ рожденъ быть принцемъ, Лабаканъ ободрился и поѣхалъ прямо къ своей цѣли.

Вся окрестность около столпа Эль-Серуяхъ была необитаемая пустыня, и новый принцъ былъ-бы въ величайшемъ затрудненіи найти средства для пропитанія, если-бы не запасся на нѣсколько дней. И такъ, онъ расположился, вмѣстѣ съ конемъ своимъ, въ тѣни нѣсколькихъ финиковыхъ деревъ, и ожидалъ того, что пошлетъ ему судьба.

Около половины слѣдующаго дня увидѣлъ онъ множество лошадей и верблюдовъ, идущихъ къ столпу Эль-Серуяхъ. Всѣ расположились у подошвы пригорка, на которомъ возвышался столпъ. Раскинули богатые шатры, и казалось, что все это принадлежало или какому богатому пашѣ, или шейку. Лабаканъ догадался, что все это множество народа собралось здѣсь для

него, и онъ готовъ былъ предстать предъ нихъ, какъ будущій ихъ повелитель: однако, умѣря нѣсколько свое нетерпѣніе быть принцемъ, онъ ожидалъ слѣдующаго утра, долженствовавшаго вполнѣ удовлетворить его желанія.

Утреннее солнце разбудило счастливаго портнаго. Настала важнѣйшая минута его жизни, долженствующая вывести его изъ низкаго состоянія и представить передъ лице царственнаго отца. Правда, сѣдлая лошадь свою, чтобы ѣхать къ столпу, ему иногда приходило на мысль, что поступокъ его не очень честенъ, что онъ похищаетъ счастье у настоящаго принца, что онъ ввергаетъ его въ скорбь и бѣдствія...; но жребій былъ брошенъ, невозможно было возвратить прошедшаго; а самолюбіе нашептывало ему, что онъ такъ прекрасенъ, что и славнѣйшій изъ царей не отрекся-бы имѣть его сыномъ. Ободренный этою мыслию, вспрыгнулъ

онъ на коня, вооружился всею своею смѣлостью, пустилъ лошадь въ полный галопъ, и менѣе нежели черезъ четверть часа былъ уже у подошвы холма. Онъ сошелъ съ лошади и привязалъ ее къ одному изъ кустовъ, растущихъ вокругъ холма; потомъ, вынувъ кинжалъ, принца Омара, взошелъ на холмъ. У столпа стояло шесть человѣкъ, окружавшихъ старика, ростомъ высокаго и видомъ величественнаго. На немъ былъ великолѣпный кафтанъ изъ золотой парчи, опоясанный бѣлою кашемировою шалью; бѣлая его чалма вся блистала драгоценными камнями, и все доказывало, что онъ былъ знатенъ и богатъ.

Лабаканъ пошелъ прямо къ старику, почтительно ему поклонился и, подавая кинжалъ, сказалъ: *«я здѣсь тотъ, кого вы ищите!»*

«Хвала пророку сохранившему тебя!» отвѣчалъ старецъ, съ радостными слезами. *«Любезный мой сынъ, Омаръ!»*

обними престарѣлаго твоего отца! »
Добрый портной былъ очень тронутъ
этими торжественными словами; онъ съ
какимъ-то смѣшеніемъ радости и стыда
бросился обнимать старцевы колѣна.

Но Лабаканово радостное вступленіе
въ новое состояніе было скоро возму-
щено; едва успѣлъ старецъ выпустить
его изъ своихъ объятій, какъ увидѣли
всадника, поспѣшающаго къ холму. И
всадникъ и конь казались очень стран-
ны. Усталый конь упрямился и не хо-
тѣлъ идти; онъ спотыкался и поступь
его не лъзя было назвать ни шагомъ,
ни рысью; а всадникъ погонялъ его
плетью, билъ и руками и ногами. Ско-
ро узналъ Лабаканъ собственную свою
клячу, лѣнивую Мурфу, а на ней насто-
ящаго принца Омара; но злой духъ
лжи вселился въ сердце его, и онъ рѣ-
шился показывать мѣдный лобъ и всѣ-
ми силами поддерживать свой обманъ.

Издали видны были знаки, подаваемые

всадникомъ; наконецъ, не взирая на лѣность и упрямство своей лошади, онъ подѣхалъ къ подошвѣ холма, спрыгнулъ съ своей клячи и взбѣжалъ на холмъ. «Стойте! стойте!» воскликнулъ онъ. «Кто-бы вы ни были, остановитесь! Этотъ подлецъ васъ обманываетъ! Я принцъ Омаръ, и никто другой не долженъ смѣть называться моимъ именемъ.

Удивленіе изобразилось на всѣхъ лицахъ, особенно старикъ былъ пораженъ оборотомъ, какой принимало это дѣло. Онъ въ недоумѣніи смотрѣлъ то на того, то на другаго пріѣзжаго, но Лабаканъ съ видомъ спокойнымъ, величественнымъ сказалъ: «Государь и родитель мой! не обращайтесь никакого вниманія на этого человѣка; я его знаю! это сумасшедшій подмастерье одного Александрійскаго портнаго и зовутъ его Лабаканомъ; онъ заслуживаетъ болѣе ваше сожалѣніе, нежели гнѣвъ.»

Эти слова привели принца въ совершенное бѣшенство; онъ хотѣлъ броситься на Лабакана, но предстоящіе удержали его, а старикъ сказалъ: «Правда твоя, любезный сынъ! вижу, что это сумасшедшій! свяжите его и посадите на одного изъ моихъ дромадеровъ! можетъ статься, еще и возможно будетъ помочь этому несчастному!»

Гнѣвъ молодого принца нѣсколько укротился; онъ бросился, со слезами, къ ногамъ старика и воскликнулъ: «Голось сердца моего говорить, что ты отецъ мой! именемъ моей матери заклинаю тебя: выслушай меня?»

«Да сохранить насъ пророкъ отъ бѣды!» сказалъ старецъ; «онъ уже опять начинаетъ безумствовать! какъ могла придти этому чловѣку такая мысль!»—Сказавъ это, онъ оперся на Лабаканово плечо, и съ его помощію сталъ сходить съ холма. Оба сѣли на прекрасныхъ коней, покрытыхъ богаты-

ми попонами и поѣхали впереди своей свиты; а на несчастнаго принца Омара наложили оковы, привязали его на дромадера, и два всадника, которымъ былъ порученъ надзоръ за мнимымъ безумцемъ, ѣхали по бокамъ, смотря за каждымъ его движеніемъ.

Царственный старецъ былъ Сааудъ, Султанъ Вехабитскій. Онъ долго былъ бездѣтенъ; наконецъ у него родился сынъ. Созваны были гадатели и астрологи; ихъ вопрошали о будущей судьбѣ младенца и они объявили, что до двадцать втораго года онъ долженъ страшиться врага, который будетъ всячески стараться погубить его; и чтобы укрыть принца отъ этого врага, Султанъ отдалъ его на воспитаніе своему старинному, испытанному другу Эльфи-Бею, лишивъ себя утѣшенія видѣть сына до того дня, когда ему исполнится двадцать одинъ годъ.

Вотъ что разсказалъ Султанъ мнимо-

му своему сыну, который очень ему понравился, какъ наружностью, такъ и обращеніемъ.

Прибывъ во владѣнія Султана, они были встрѣчены съ восторгами радости всѣми его подданными, которые были уже извѣщены о возвращеніи принца Омара, наслѣдника Султанскаго престола. Вездѣ, гдѣ они ни проѣзжали, были устроены тріумфальныя ворота, украшенныя зеленью и цвѣтами; окна домовъ были убраны пестрыми коврами, блестящими яркими красками. Народъ, громкими мольбами, воздавалъ хвалу Аллаху и пророку, благодаря ихъ за дарованіе такого прекраснаго принца. Все это наполняло восторгомъ гордое сердце честолюбиваго портнаго. Тѣмъ несчастнѣе былъ настоящій принцъ, окованный, привязанный къ дромадеру и ѣдущій въ безмолвномъ отчаяніи за этимъ торжественнымъ шествіемъ. Никто объ немъ не

заботился, хотя тысячи голосовъ провозглашали его имя съ любовью. Всѣ почести, принадлежавшія ему, относились къ другому! Если случалось какому любопытному освѣдомляться кто этотъ скованный человѣкъ, привязанный на дромадеръ; тогда принцъ съ ужасомъ слышалъ равнодушный отвѣтъ одного изъ своихъ сторожей: *это сумасшедшій портной!*

Наконецъ прибыли въ столицу. Тутъ Султанъ былъ принять еще великолѣпнѣе. Султанша, пожилая, почтенная женщина, вмѣстѣ со всѣми придворными, ожидала прїѣзжихъ въ великолѣпнѣйшей палатѣ дворца. На полу былъ разостланъ огромный коверъ; стѣны были завѣшены голубою тканью, убранною золотымъ голуномъ, кистями, снурками и бахромою,—все это было поддерживаемо крючьями изъ чистаго серебра.

Когда шествіе достигло до дворца, на дворъ уже смерклось, и потому

палата была освѣщена множествомъ шаровидныхъ лампадъ, изъ разноцвѣтнаго хрусталя, которыя превращали мракъ ночи въ ясный день; но еще ярче блистала, разноцвѣтными огнями, та сторона палаты, гдѣ Султанша сидѣла на тронѣ. Четыре ступени, изъ чистаго золота, украшенныя аметистами, вели къ трону. Четыре знатнѣйшіе эмира держали надъ головою Султанши красный шелковый балдахинъ, а шейкъ Медины обмахивалъ ее опахаломъ изъ павлиньихъ перьевъ.

Такъ ожидала Султанша супруга и сына. И она не видала принца съ минуты его рожденія; но чудесные сны такъ ясно изображали ей желаннаго, что она узнала-бы его изъ тысячи. Послышался шумъ приближающейся толпы; звуки трубъ и барабановъ сливались съ восклицаніями народа и топотомъ конскимъ. Наконецъ шаги идущихъ раздались и въ самомъ дворцѣ; дверь

палаты растворилась; слуги султанскіе пали ницъ на землю. Султанъ прошелъ мимо ихъ, держа за руку юношу, и, ставъ передъ трономъ супруги и матери, сказалъ: «Вотъ тотъ, о которомъ ты столько лѣтъ мечтала и плакала! Я возвращаю его тебѣ!»

«Это не онъ, это не сынъ мой!» воскликнула Султанша, перебивая рѣчь супруга: «не его образъ являлъ мнѣ великій пророкъ въ моихъ сновидѣніяхъ!»

Султанъ не успѣлъ еще выговорить ни одного слова укоризны, какъ снова дверь отворилась съ шумомъ, и принцъ Омаръ, преслѣдуемый стражею, ворвался въ палату и, въ изнеможеніи, упалъ на землю у ступеней трона. «Здѣсь хочу умереть!» воскликнулъ онъ: «жестокосердый отецъ! прикажи умертвить меня; я не могу долѣе сносить стыда и униженія!» Всѣ были поражены этою рѣчью; всѣ тѣснились вокругъ несча-

стнаго, и стража хотѣла уже опять оковать его и вытащить вонъ, когда Султанша, смотрѣвшая на все съ безмолвнымъ удивленіемъ, сошла со ступеней трона и воскликнула: «Остановитесь! это сынъ мой! хотя и не видали его глаза мои, но сердце узнало его!»

Стражи не смѣли прикоснуться къ Омару, но Султанъ повелѣлъ имъ съ гнѣвомъ связать безумца, говоря: «Одинъ я имѣю право повелѣвать и рѣшать. Кто осмѣлится полагаться на бабьи сны и бредни! Я сужу по достовѣрнымъ признакамъ! Вотъ сынъ мой!» продолжалъ онъ, указывая на Лабакана; «онъ привезъ мнѣ кинжалъ отъ друга моего Эльфи и сказалъ условленную рѣчь.»

«Онъ укралъ этотъ кинжалъ!» воскликнулъ Омаръ. «Онъ слышалъ отъ меня условленную рѣчь! Онъ воспользовался моею безпечною довѣренностью и во зло употребилъ ее!» — Но Султанъ не слушалъ голоса своего сына; онъ былъ

упрямъ и полагался только на свою собственную проницательность и благо-разуміе. Несчастливаго Омара вытащили насильно изъ палаты, а Султанъ, вмѣстѣ съ Лабаканомъ, пошелъ въ свои покои; онъ былъ ужасно разсерженъ на супругу, съ которою прожилъ двадцать пять лѣтъ въ совершенномъ согласіи.

Съ своей стороны Султанша была чрезвычайно огорчена этимъ произшествіемъ; она была совершенно убѣждена, что сердцемъ Султана овладѣлъ обманщикъ, и что скованный несчастливекъ есть истинный ея сынъ, тотъ самый, который являлся ей въ сновидѣніяхъ.

Когда первые порывы горести нѣсколько успокоились, и она почувствовала себя способною размышлять; тогда стала она придумывать какимъ-бы средствомъ открыть супругу несправедливость его. Это было, безъ со-

мнѣнія, очень трудно, ибо обманщикъ, передавшій Султану кинжалъ, вывѣдалъ отъ Омара всѣ подробности его жизни, такъ что ему не трудно было принять на себя его роль.

Султанша, созвавъ къ себѣ всѣхъ сопровождавшихъ ея супруга къ столпу Эль-Серуяхъ, приказала имъ разсказать подробно все, что тамъ ни случилось; послѣ того въ тайнѣ совѣтовалась съ любимою своею невольницею. Онѣ придумывали вмѣстѣ то одно, то другое; наконецъ Мелехсала, старая, разумная Черкешенка, сказала: «Милостивая Повелительница! тотъ, который отдалъ кинжалъ, называетъ другаго молодаго человѣка, Лабаканомъ, . сумасшедшимъ Александрійскимъ портнымъ. Такъ-ли я слышала?» — «Точно такъ,» отвѣчала Султанша; «но что-же ты изъ этого заключаешь?»

«Мнѣ кажется,» отвѣчала невольница, «что обманщикъ называетъ вашего сы-

на собственнымъ своимъ именемъ! И если это такъ, тогда мы имѣемъ прекрасное средство изобличить самозванца; мы уловимъ его въ собственные сѣти! Я объявлю вамъ это, какъ тайну, вамъ однимъ!» — Султанша преклонила ухо къ невольницѣ, и та сообщила ей свои мысли; послѣ чего Султанша тотчасъ пошла къ своему супругу.

Султанша была женщина мудрая; она хорошо знала слабую сторону своего мужа, и благоразумно пользовалась этимъ знаніемъ. Она притворилась, что соглашается съ мнѣніемъ супруга и признаетъ привезеннаго имъ сына; только просила Султана принять одно условіе. Султанъ, который уже раскаявался въ гнѣвъ своемъ на жену, принялъ условіе, какое-бы оно ни было, и Султанша сказала: «мнѣ хотѣлось-бы испытать обоихъ молодыхъ людей и видѣть ихъ искусство. Другая, на моемъ мѣстѣ, предложила — бы скачку, или опытъ

въ искусствѣ стрѣльбы, силы оружія; но все это такія вещи, въ которыхъ упражняется каждый юноша. Я хочу предложить имъ опытъ, для котораго потребны догадливость и соображеніе! Пускай каждый изъ нихъ сошьетъ по кафтану и по парѣ шароваръ. Увидимъ, чья работа будетъ лучше!»

Султанъ засмѣялся и сказалъ: «Правду сказать, умное ты дѣло затѣяла! Но какъ-же нашему сыну сравняться въ искусствѣ шить кафтаны съ твоимъ сумасшедшимъ портнымъ? Полно объ этомъ думать; это сущій вздоръ!»

Султанша напомнила ему данное обѣщаніе согласиться на всякое условіе, и Султанъ, свято хранившій вѣрность данному слову, уступилъ ей на этотъ разъ, хотя поклялся, что какъ-бы не искусно былъ сшить кафтанъ сумасшедшимъ портнымъ, но онъ все-таки не рѣшится признать его своимъ сыномъ.

Султанъ пошелъ самъ къ минному

своему сыну, и просилъ его удовлетворить прихоть матери, которая не иначе хочетъ признать его сыномъ, какъ увидя сшитый имъ кафтанъ. Добрый Лабаканъ хохоталъ отъ всего сердца; онъ чрезвычайно радовался этой прихоти. «Если ей только нуженъ хорошо сшитый кафтанъ,» думалъ онъ; «то госпожа Султанша будетъ мною довольна.»

Отвели двѣ комнаты, одну для принца, другую для Лабакана; тамъ они должны были работать; имъ доставили все нужное: шелковые ткани, ножницы, иголки и нитки.

Султану очень любопытно было знать какова будетъ работа его сына; но сердце Султанши трепетало отъ страха, думая, что хитрость ея можетъ быть безуспѣшна. Назначены были два дня для окончанія работы; на третій день Султанъ призвалъ супругу свою, послалъ за кафтанами и за обоими работниками. Лабаканъ вошелъ съ торжеству-

ющимъ видомъ и съ гордостью, разостлавъ свой кафтанъ передъ глазами удивленнаго Султана, сказалъ: «взгляни, дражайшая родительница, не мастерская-ли это работа? сравните ее съ искуснѣйшею работою лучшихъ вашихъ портныхъ, и вы увидите, что эта превосходнѣе.»

Султанша улыбнулась и, обращаясь къ Омару, сказала: «и ты, сынъ мой, также принеси свою работу?»— Омаръ, съ досадою, бросилъ на землю шелковую ткань и ножницы, и отвѣчалъ: «меня учили владѣть конемъ, саблею, метать дротикъ, стрѣлять въ цѣль, а не шить платье! Никогда иголка не бывала въ моихъ рукахъ; это занятіе недостойно питомца храбраго Эльфи-Бея, Паши Каирскаго.»

«Ты истинный сынъ моего супруга!» воскликнула Султанша; «поди въ мои объятія, любимецъ сердца моего!» Потомъ, обратясь къ Султану, продолжа-

ла: «Супругъ мой и повелитель! прости мнѣ эту хитрость! Теперь ты ясно можешь видѣть, который изъ нихъ принцъ, и который портной! Выдающій себя за сына твоего, такъ искусно сшилъ кафтанъ, что я готова спросить у какого мастера онъ учился; я увѣрена, что онъ всю жизнь свою не занимался инымъ дѣломъ!»

Султанъ погрузился въ задумчивость и смотрѣлъ недовѣрчиво то на жену свою, то на Лабакана, который тщетно старался скрыть свое смущеніе и неудовольствіе на самого себя, за то, что такъ глупо вдался въ обманъ и измѣнилъ самъ себя. «Это еще ничего не доказываетъ,» сказалъ наконецъ Султанъ. «Но, благодареніе Аллаху! я знаю средство открыть истину!»

Сказавъ это, онъ приказалъ подвести себѣ самага рысистаго коня, сѣлъ на него и поспѣшилъ въ лѣсъ, не далеко отстоящій отъ города. Преданіе гласи-

ло, что въ этомъ лѣсѣ жила благотъ-
тельная волшебница, по имени Адолза-
ида, покровительница Султанскаго рода;
она являлась только въ часъ нужды съ
совѣтомъ и помощью. Къ ней-то по-
ѣхалъ Султанъ.

Въ срединѣ лѣса находилась поляна,
окруженная высокими кедрами. Говори-
ли, что тамъ живетъ волшебница, и
смертные рѣдко дерзали приближаться
къ этому мѣсту, огражденному какимъ-
то священнымъ ужасомъ, который отцы
внушали дѣтямъ.

Прибывъ туда, Султанъ сошелъ съ
коня, привязалъ его къ дереву, взошелъ
на средину поляны и сказалъ, гром-
кимъ голосомъ: «Если это правда, что
ты подавала благіе совѣты моимъ пред-
камъ въ часъ нужды, то не отвергни и
моего прошенія, о благотътельная Адол-
заида! Объясни мнѣ то, что слабому
человѣческому уму кажется непости-
жимо!»

Едва успѣвъ онъ произнести эти слова, какъ одинъ изъ кедровъ разверзся, и оттуда вышла женщина въ бѣлой одеждѣ, съ ногъ до головы закрытая покрываломъ. «Султанъ Сааудъ! сказала она:» я знаю за чѣмъ ты ко мнѣ пришелъ! Требованіе твое справедливо, и потому ты можешь надѣяться на помощь мою! Возьми эти двѣ коробочки; пусть оба молодые человѣка, называющіе себя твоими сыновьями, выбираютъ для себя любую. Каждый изъ нихъ выберетъ то, что ему прилично; я это знаю! и ты по сдѣланному ими выбору узнаешь своего сына.» — Такъ сказала волшебница и подала Султану двѣ небольшія коробочки изъ слоновой кости, богато оправленные въ золотъ и украшенные жемчугомъ; на крышахъ были надписи, выложенныя алмазами. Султанъ никакъ не могъ открыть коробочекъ.

Бдучи домой, Султанъ думалъ: что-

бы такое могло быть въ коробочкахъ? Открыть ихъ было невозможно, а надписи ничего не объясняли. На одной было написано алмазными буквами: *честь и слава*, а на другой: *богатство и счастье*. Султану казалось, что выборъ между двухъ предметовъ, одинаково привлекательныхъ, долженъ быть очень затруднителенъ.

Возвратясь во дворецъ, онъ призвалъ къ себѣ Султаншу, и сообщилъ ей обо всемъ слышанномъ отъ волшебницы. Сердце матери исполнилось надежды; она была увѣрена, что тотъ, котораго она почитала своимъ сыномъ, изберетъ коробочку, доказывающую его высокое происхожденіе.

Поставили столъ передъ трономъ Султана; на него Султанъ, собственными руками, положилъ коробочки и подалъ знакъ невольнику, чтобы отворить двери тронной палаты. Передъ Султаномъ предстали всѣ собравшіеся, по его

повелѣнію, эмиры и паши; они съли на богатыхъ подушкахъ, разложенныхъ около стѣнъ.

Когда всѣ посѣтители помѣстились такимъ образомъ, Султанъ подалъ вторичный знакъ, по которому явился Лабаканъ. Онъ шелъ съ увѣренностью и гордо. Бросаясь ницъ передъ престоломъ Султана, онъ сказалъ: «что повѣлѣваетъ мой государь и отецъ?»

Султанъ всталъ и говорилъ слѣдующее: «Сынъ мой! возникли подозрѣнія о твоёмъ происхожденіи, и о самомъ имени, которое ты носишь! Въ одной изъ этихъ коробочекъ заключается объясненіе всему: выбирай любую; я увѣренъ, что на твою долю достанется та, которая тебѣ слѣдуетъ.»

Лабаканъ подошелъ къ коробочкамъ; онъ долго колебался въ выборѣ, наконецъ сказалъ: «Дражайшій родитель! что можетъ быть возвышеннѣе *счастія* быть твоимъ сыномъ? что можетъ срав-

ниться съ богатствомъ твоихъ милостей? Я избираю коробочку съ надписью *счастіе и богатство.*»

«Мы послѣ узнаемъ хорошъ-ли твой выборъ; пока сядь на этой подушкѣ, возлѣ Паши Мединскаго!» сказалъ Султанъ, и опять подалъ знакъ своимъ невольникамъ.

Ввели въ палатку Омара; видъ его былъ мраченъ, на лицѣ изображалась горестъ, и онъ возбудилъ всеобщее участіе. Также и онъ повергнулся передъ трономъ и, молча, ожидалъ приказанія Султана.

Султанъ велѣлъ ему выбрать одну изъ коробочекъ, и Омаръ подошелъ къ столу.

Онъ прочиталъ, со вниманіемъ, обѣ надписи и сказалъ: «Эти протекшіе дни научили меня какъ невѣрно *счастіе*, какъ ненадежно *богатство*; они также научили меня, что *честь* есть благо неизмѣнное, живущее въ груди храб-

раго; они научили меня, что блестящая звѣзда славы не скрывается вмѣстѣ со счастьемъ. Жребій брошенъ! Хотя-бы выборъ мой и лишилъ меня царскаго вѣнца, но я избираю *честь и славу!*»—

Онъ уже наложилъ руку на избранную имъ коробочку, но Султанъ остановилъ его и подалъ знакъ, чтобы также и Лабаканъ подошелъ къ столу. Лабаканъ подошелъ и наложилъ руку на свою коробочку.

Султанъ приказалъ принести себѣ сосудъ съ водою, зачерпнутою изъ священнаго источника Меккскаго, называемаго Цемцемъ; сошедъ со трона, онъ омылъ, передъ молитвою, руки и, обратясь на Востокъ, повергся на землю, и молился такъ: «Богъ отцевъ моихъ! Ты, отъ вѣка содержавшій подъ святымъ твоимъ покровомъ родъ мой! Ты, сохранившій его въ чистотѣ, не допусти, чтобы недостойный племени Абасидовъ выдалъ себя за моего сына,

въ сей торжественный часъ великаго испытанія!»

Окончивъ свою молитву, Султанъ опять взошелъ на ступени трона; въ палатѣ царствовало глубочайшее молчаніе; присутствующіе едва смѣли переводить дыханіе; можно было-бы слышать полетъ мухи: такъ напряжено было всеобщее вниманіе! Сидѣвшіе позади вытягивали шеи, чтобъ смотрѣть черезъ головы переднихъ. Наконецъ, Султанъ сказалъ: «откройте коробочки!» и крышки, которыхъ никакая сила, никакое искусство не могли приподнять, отскочили сами собою.

Въ Омаровой коробочкѣ лежала бархатная подушечка, а на ней маленькіе золотая корона и скипетръ, а въ Лабакановой — иголка со вдернутой въ нее ниткою. Султанъ приказалъ принести передъ себя обѣ коробочки. Онъ взялъ въ руки подушечку, на которой лежали прекрасно сработанные маленькая ко-

ронка и скипетръ, и все въ рукахъ его приняло настоящій видъ, — золотый скипетръ сдѣлался обыкновенной величины, золотая корона сдѣлалась такъ велика, что ее можно было надѣть на голову, а подушка стала такъ велика, что для двухъ этихъ вещей на ней было довольно мѣста. Султанъ надѣлъ корону на голову Омара и подалъ ему скипетръ. Омаръ преклонилъ колѣна передъ отцемъ, который поцѣловалъ его въ голову, объявилъ истиннымъ своимъ сыномъ и приказалъ сѣсть возлѣ себя, по правую сторону. Потомъ, обратясь къ Лабакану, сказалъ: «есть старинная пословица, которая говоритъ: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ! По всему видно, что тебѣ назначено знать свою иголку. Ты не заслуживаешь никакого помилованья, но за тебя вступился тотъ, кому я ни въ чемъ не могу отказать сего дня, и вотъ почему дарую тебѣ твою презрѣнную жизнь, присовокупя

къ тому добрый совѣтъ: поспѣшай вы-
браться изъ моихъ владѣній, гдѣ, послѣ
того, что случилось, ты не можешь
остаться въ безопасности!»

Пристыженный, уничтоженный порт-
ной не въ силахъ былъ выговорить ни
одного слова; онъ бросился къ ногамъ
принца Омара, слезы полились изъ
глазъ его и онъ воскликнулъ: «О, Го-
сударь! можете-ли вы простить ме-
ня?»—«Вѣрность друзьямъ, великодушіе
врагамъ—вотъ свойства Аббасидовъ!»
отвѣчалъ принцъ, поднимая его, «иди
съ миромъ!»—«О! ты истинный сынъ
мой!» сказалъ растроганный Султанъ,
прижимая къ сердцу принца Омара.
Всѣ эмиры, паши и прочіе чиновники
государства, вставъ съ мѣстъ своихъ,
прокричали громогласное многолѣтне
сыну своего государя; во время этого
шумнаго торжества, Лабаканъ украдкою
ускользнулъ вонъ, неся свою коробочку
подъ мышкою.

Онъ пошелъ въ султанскую конюшню, отыскалъ тамъ свою клячу, Мурфу, осѣдлалъ ее и отправился въ Александрію. Жизнь его, въ образъ принца, казалась ему сномъ; только богато украшенная алмазами, жемчугомъ и золотомъ коробочка убѣждала его, что все было истинно.

Прибывъ въ Александрію, онъ поѣхалъ къ дому бывшаго своего хозяина, сошелъ съ лошади и, привязавъ ее у воротъ, вошелъ въ мастерскую. Хозяинъ не вдругъ узналъ его, и, принявъ за знатную особу, спросилъ: что угодно ему приказать? Но, разсмотрѣвъ своего посѣтителя и узнавъ въ немъ Лабакана, созвалъ всѣхъ своихъ учениковъ. Всѣ, какъ бѣшеные, бросились на бѣднаго Лабакана, не ожидавшаго такой встрѣчи, принялись бить его жгутами, аршинами, колоть иглками, пырять ножницами, до тѣхъ поръ, что онъ,

обезсилѣвъ, упалъ на кучу лежавшаго тутъ платья.

Тогда хозяинъ сталъ бранить лежащаго за покражу платья; напрасно увѣрялъ Лабаканъ, что онъ возвратился въ намѣреніи вознаградить за все съ лихвою, хозяинъ ничему не вѣрилъ, и снова, вмѣстѣ съ учениками, принялся бить его! Наконецъ, избивъ несчастнаго до полусмерти, вытолкали за ворота. Изувѣченный, оборванный Лабаканъ, кое-какъ, взлезъ на свою Мурфу и поѣхалъ въ караванъсарай. Тамъ склонилъ онъ къ покою свою усталую голову и размышлялъ о бѣдствіяхъ жизни, о ничтожности земныхъ благъ, о непостоянствѣ счастія, о неблагодарности людей, и о томъ, что заслуги рѣдко награждаются, и достоинства истинныя остаются не признанными. Онъ заснулъ съ твердымъ намѣреніемъ отказаться отъ всѣхъ почестей и жить просто, честнымъ гражданиномъ.

Проснувшись, на другой день, Лабаканъ не перемѣнилъ своего намѣренія: казалось, что тяжелыя руки хозяина и учениковъ его выбили всѣ мечты о величїи.

Онъ продалъ ювелиру за дорогую цѣну свою коробочку, купилъ себѣ домъ, устроилъ мастерскую, надъ которою выставилъ вывѣску съ слѣдующею надписью: *Лабаканъ портной*. Усѣвшись подъ окномъ, онъ взялъ иголку со вздернутою ниткою, найденную имъ въ волшебницыной коробочкѣ и принялся починять свое платье, которое жестокосердый мастеръ съ учениками своими немилосердно изрѣзали и изорвали. Кто-то вызвалъ его на улицу, и онъ долженъ былъ на нѣсколько времени покинуть работу. Какъ-же онъ удивился, когда, возвратясь, увидѣлъ, что иголка работаетъ себѣ препроворно одна одиныхонька, и такъ прекрасно,

что и самому Лабакану никогда еще не удавалось такъ работать.

Должно признаться, что и малѣйшій даръ волшебницы есть уже драгоценность, способная приносить величайшую пользу. Сколько ни работала чудесная иглолка, вдернутая въ нее нитка никогда не изшивалась.

Лабаканъ сдѣлался извѣстѣйшимъ и лучшимъ портнымъ во всей Александріи. Ему только стоило скроить платье и начать шить своею иглолкой, потомъ волшебная иглолка работала одна, безъ отдыха и работа шла съ невѣроятною скоростью. Почти весь городъ обратился къ портному Лабакану; онъ шилъ скоро, прекрасно, за работу бралъ дешево; одно только удивляло Александрійскихъ жителей: у портнаго Лабакана не было ни одного ученика, ни одного работника, и онъ всегда работалъ одинъ, запершись въ своей горницѣ.

Такимъ образомъ исполнилось надъ нимъ обѣщаніе коробочки. *Счастье и Богатство* достались въ удѣлъ портному, не смотря на то, что онъ остался въ низкомъ состояніи; и когда молва о славѣ Султана Омара, вездѣ гремящаго своими великими дѣлами, доходила до Лабакана, когда онъ слышалъ, что этотъ храбрый Государь былъ предметомъ любви и гордости своего народа и ужасомъ враговъ; тогда онъ думалъ: «а все-таки лучше быть портнымъ! Слава и почести сопряжены съ великими опасностями!» — Лабаканъ жилъ спокойно, довольный собою и уважаемый своими согражданами, и если иголка не потеряла своей силы, то, вѣроятно, шьетъ и теперь своею неизшиваемою ниткою, вдернутою рукой благодѣтельной волшебницы Адолзайды.

РАЗСКАЗЪ ОРБАСАНА:

При солнечномъ восхожденіи Караванъ тронулся съ мѣста и скоро достигъ до *Биркетъ-Эль-Гадъ*, или фонтана странниковъ, отстоящаго отъ Каира на три часа ѣзды. Всѣ уже ожидали возвращенія Коравана, и путешественники скоро были обрадованы свиданіемъ съ друзьями, прибывшими изъ Каира нарочно, чтобы ихъ встрѣтить. Всѣ въѣхали въ городъ воротами, называемыми *Бебель-Фалхъ*. Возвращаться изъ Мекки этими воротами, почитается счастливымъ предзнаменованіемъ, потому что самъ пророкъ въѣзжалъ въ Каиръ тѣми-же воротами.

Пріѣхавъ на площадь, четыре купца распростились съ чужестранцемъ и съ грекомъ Цалевкосомъ; каждый поѣхалъ въ свой домъ. Цалевкосъ указалъ чужестранцу хорошій каравансарай, и пригласилъ его туда, чтобы вмѣстѣ отобѣдать. Чужестранецъ охотно согласился, но прежде обѣда хотѣлъ переодѣться.

Между тѣмъ Грекъ сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія, чтобы хорошенько угостить посѣтителя, съ которымъ подружился во время путешествія. Когда всѣ кушанья и напитки были разставлены въ надлежащемъ порядкѣ, Цалевкосъ сѣлъ и ожидалъ своего гостя.

Тяжелые и медленные шаги послышались въ переходѣ, ведущемъ въ его покой. Цалевкосъ всталъ, чтобы встрѣтить гостя на порогъ, но въ ужасъ отскочилъ отъ двери, страшная красная мантия стояла передъ нимъ! Онъ думалъ, что призракъ обманываетъ его; но видѣлъ явственно тотъ-же образъ, ту-же

величественную осанку, ту-же маску, изъ-за которой блистали черные глаза, ту-же красную золотомъ шитую мантию, напоминающую ему самые страшные часы его жизни!

Горестныя чувства стѣснили грудь Цалевкоса; этотъ видъ пробудилъ воспоминаніе давно прощенного зла, и прежнія раны его сердца опять открылись. Всѣ часы мученія, отравившіе лучшіе годы его жизни, въ эту минуту, опять предстали душѣ его.

«За чѣмъ пришелъ ты, ужасный?» вскричалъ Цалевкосъ, смотря на привидѣніе, стоящее у двери: «скорѣй сокройся отъ глазъ моихъ, чтобы я не сталъ проклинять тебя!»

«Цалевкосъ!» сказалъ знакомый голосъ изъ-подъ маски; «Цалевкосъ! такъ-ли ты принимаешь званого гостя?» Пришлецъ снялъ маску, сбросилъ мантию — это былъ товарищъ путешествія, чужестранецъ Селимъ Барухъ.

Но Цалевкосъ долго не могъ успокоиться; ему было страшно видѣть въ гостѣ своемъ того самого незнакомца, котораго встрѣтилъ на Ponte-Wecchio; однако вкоренившійся обычай гостепріимства одержалъ верхъ надъ непроизвольнымъ отвращеніемъ; онъ, молча, указалъ посѣтителю почетное мѣсто за столомъ.

«Я отгадываю твои мысли,» сказалъ гость, занявъ свое мѣсто; «ты желаешь слышать отъ меня объясненіе! — Мнѣ-бы должно было молчать и не показываться тебѣ на глаза; но я чувствую необходимость оправдаться передъ тобою, и потому рѣшился подвергнуться даже твоему проклятію, представъ передъ тебя въ настоящемъ моемъ видѣ. Ты сказалъ мнѣ: *вѣра отцевъ моихъ повѣлываетъ любить враговъ моихъ, и онъ, конечно, несчастнѣе меня!* Ты правъ, другъ мой! Выслушай мое оправданіе!»

«Я родился въ Александріи отъ хри-

стіанскихъ родителей. Отецъ мой, младшій сынъ одного извѣстнаго французскаго семейства, былъ французскимъ консуломъ въ Александріи. На десятомъ году меня отправили во Францію, къ брату моей матери, у котораго я и воспитывался. Я выѣхалъ изъ Франціи, вмѣстѣ съ дядею, во время революціи. Не могли долѣе оставаться въ отечествѣ, дядя рѣшился переплыть море, чтобы искать убѣжища въ домѣ моихъ родителей. Мы пристали къ берегамъ Александріи, съ надеждою найти миръ и спокойствіе, которыхъ лишило насъ возмущеніе Франціи; но и въ домѣ отца моего мы не нашли чего желали. Правда, туда еще не достигли ужасы этого бурнаго времени, но другое неожиданное, семейное несчастіе поразило сердца родныхъ моихъ. Братъ мой, молодой человѣкъ, подававшій самыя блистательныя надежды, былъ первымъ секретаремъ консульства, при отцѣ моемъ.

Не за долго передъ нашимъ прїѣздомъ, онъ женился на одной молодой дѣвицѣ, дочери Флорентинскаго дворянина, жившаго въ нашемъ сосѣдствѣ. За два дни до нашего прибытія, она исчезла, такъ что ни ея отецъ, ни наше семейство не могли открыть слѣдовъ ея. Напослѣдокъ заключили, что она, во время прогулки, зашла слишкомъ далеко и попала въ руки разбойниковъ. Даже и эта ужасная мысль была утѣшительнѣе для брата, нежели горестная истина, которую мы скоро узнали. Вѣроломная ушла, съ однимъ молодымъ Неаполитанцемъ, воспитывавшемся въ домѣ ея отца и отплыла съ нимъ въ Италію. Братъ мой, взбѣшенный такимъ поступкомъ, употреблялъ всѣ возможныя старанія, чтобы отыскать виновныхъ и наказать ихъ; но все было тщетно. Его происки возбудили вниманіе въ Неаполѣ и Флоренціи и навлекли ужасныя бѣдствія на все наше семейство. Флорен-

тинскій дворянинъ возвратился въ свое отечество, съ обѣщаніемъ вступить за права моего брата; но, вмѣсто того, онъ искалъ всячески повредить всѣмъ намъ. Онъ не только уничтожилъ всѣ мѣры, взятыя братомъ для возвращенія жены, но ему удалось еще, посредствомъ самыхъ низкихъ происковъ, привести отца моего и брата въ подозрѣніе у нашего правительства; ихъ обоихъ потребовали во Фрацію, гдѣ они и были казнены смертию. Бѣдная мать моя лишилась разсудка, и черезъ десять мѣсяцевъ, послѣ того, смерть освободила ее отъ всѣхъ страданій. Однако, не задолго до кончины своей, она пришла въ память. Я оставался одинъ на свѣтъ, и одна мысль овладѣла моею душою, одна мысль улаживала мою горестъ; эта мысль была какъ пламя, излитое въ меня матерью, въ послѣднюю минуту ея жизни.»

«Я сказалъ тебѣ, что передъ кончи-

ною она совершенно пришла въ себя. Она позвала меня и спокойно разговаривала со мною о нашей участи и приближающейся смерти. Потомъ, выславъ всѣхъ изъ своей комнаты, она приподнялась на смертномъ одрѣ своемъ и сказала торжественнымъ голосомъ, что я иначе не могу получить ея благословеніе, какъ давъ ей клятву исполнить послѣднее завѣщаніе ея. Слова умирающей меня поразили, я клятвенно обѣщался ей исполнить все, что-бы она ни приказала. Тогда она осыпала тысячею проклятій Флорентинца и его дочь, и требовала, чтобы я отмстилъ имъ за всѣ несчастія, нанесенныя нашему дому, угрожая мнѣ своимъ проклятіемъ, если я не исполню послѣдней ея воли. Она скончалась на моихъ рукахъ. Желаніе мстить, и безъ того, давно уже таилось въ душѣ моей, теперь оно возбуждено было съ новою силою. Я собралъ остатки отцовскаго имѣнія и поклялся

самъ себѣ или отмстить за мое семейство, или погибнуть.»

Я поспѣшилъ во Флоренцію, гдѣ скрывался сколько могъ. Новыя затрудненія возникли противъ меня. Флорентинецъ былъ сдѣланъ губернаторомъ, и имѣлъ средства уничтожить всѣ мои планы, если-бы только могъ подозрѣвать ихъ. Случай помогъ мнѣ. Однажды, вечеромъ, увидѣлъ я человека въ знакомой мнѣ ливреѣ; онъ шелъ по улицѣ; невѣрная его походка, мрачный видъ и вырывающееся восклицаніе: *maledetto diavolo*, тотчасъ привели мнѣ на память стараго Піетро, слугу Флорентинца, теперешняго губернатора, котораго я зналъ еще въ Александріи. Я былъ увѣренъ, что онъ за что-то сердитъ на своего господина, и вознамѣрился воспользоваться этимъ гнѣвомъ. Піетро очень удивился, увидя меня; началъ жаловаться на свои несчастія и на своего господина, говоря, что

съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ сдѣланъ губернаторомъ, ему ничѣмъ не угодишь. Досада старика и мое золото скоро произвели желаемое дѣйствіе. Піетро совершенно предался мнѣ. Одно изъ важныхъ препятствій было отклонено; я имѣлъ человека, который могъ ввести меня въ домъ врага моего во всякое время. Размышляя какъ-бы лучше отмстить моимъ злодѣямъ, я нашелъ, что жизнь стараго Флорентинца слишкомъ ничтожна, и не можетъ мнѣ заплатить за истребленіе всего моего семейства. Я предпочелъ лишить его того, что всего драгоцѣннѣе для его сердца, — я хотѣлъ лишить его дочери, той самой Біанки, которая была главною причиною гибели моего семейства. Я узналъ, что Біанка выходитъ вторично замужъ, и осудилъ ее на смерть. Самъ я ужасался совершить это убійство, а на Піетро не могъ положиться; я не довѣрялъ его силъ, и потому искалъ

человѣка, который-бы могъ исполнить мое намѣреніе. Я не смѣлъ вѣрится ни одному Флорентинцу; ни одинъ не рѣшился-бы войти въ заговоръ противъ губернатора. Піетро предложилъ мнѣ тебя, какъ иностранца и врача; я одобрилъ его планъ. Ты знаешь, что случилось послѣ.»

«Піетро отперъ намъ дверь губернаторскаго дома онъ-же и вывелъ-бы насъ оттуда, но, заглянувъ въ щелку двери, онъ, испугался, увидя окровавленный трупъ и убѣжалъ. И я, гонимый раскаяніемъ и страхомъ, отбѣжавъ шаговъ на двѣсти отъ дома, упалъ на ступеняхъ одной церкви. Пришедъ въ себя, первая мысль моя была о тебѣ, и о той ужасной участи, которая тебя ожидаетъ, если-бы тебя нашли въ домѣ.»

«Я прокрался въ губернаторскій домъ, но не нашелъ тамъ ни тебя, ни

Піетро; дверь была отперта, изъ чего я заключилъ, что ты убѣжалъ.»

«Преслѣдуемый страхомъ и раскаяніемъ, я не могъ оставаться во Флоренціи; съ появленіемъ дня, я отправился въ Римъ. Скоро дошли и до Рима слухи о злодѣяніи, совершенномъ во Флоренціи; всѣ говорили объ этой ужасной новости, присовокупляя, что убійца былъ пріѣзжій Грекъ, и что онъ уже схваченъ. Съ мучительнымъ безпокойствомъ поспѣшалъ я обратно во Флоренцію. Если и прежде мщеніе мое казалось мнѣ слишкомъ жестокимъ, то теперь я проклиналъ его, думая, что оно будетъ стоить тебѣ жизни. Я прибылъ во Флоренцію въ тотъ самый день, когда тебѣ отрубили руку. Не стану описывать того, что я чувствовалъ, когда видѣлъ тебя всходящаго на эшафотъ и геройски перенесшаго незаслуженную казнь. Смотря на льющуюся кровь твою, я далъ обѣтъ пе-

щись о тебѣ во весь остатокъ жизни твоей. Тебѣ извѣстно, что случилось послѣ. Остается только объяснить почему я непременно хотѣлъ быть съ тобою во время этого путешествія.»

«Мысль, что ты еще не простишь меня, была мнѣ мучительна, и мнѣ хотѣлось нѣсколько времени пожить съ тобою, чтобы заслужить твою дружбу и потомъ оправдаться, сколько можно, въ глазахъ твоихъ»

Цалевко съ выслушалъ въ молчаніи повѣствованіе своего посѣтителя, потомъ, съ кроткимъ видомъ, подалъ ему уцѣлѣвшую правую руку и сказалъ: «я зналъ, что ты несчастіе меня! Воспоминаніе объ этомъ ужасномъ убійствѣ, вѣроятно, преслѣдуетъ тебя всюду и отравляетъ всю жизнь твою! Я прощаю тебѣ отъ всего сердца! Но позволь мнѣ еще спросить у тебя: какимъ образомъ явился ты среди пустыни и въ этомъ одѣяніи? Что было съ тобою послѣ то-

го , какъ ты купилъ для меня домъ въ Константинополѣ ? »

« Я возвратился въ Александрію , » отвѣчалъ посѣтитель. « Я ненавиждѣлъ весь родъ человѣческій , особенно ненавиждѣлъ тѣ земли , которыя называютъ просвѣщенными. Мои мусульмане казались мнѣ гораздо лучше ! Скоро, по возвращеніи моемъ въ Александрію, Французы сдѣлали высадку на тотъ берегъ. »

« Я видѣлъ въ нихъ не соотечественниковъ, но палачей моего отца и брата , и собравъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, одинаково со мною мыслившихъ , мы присоединились къ Мамелюкамъ , которые такъ часто бывали ужасомъ Французской арміи. По окончаніи кампаніи, я не могъ рѣшиться пристать къ мирному берегу. Съ малымъ числомъ моихъ товарищей я велъ жизнь блуждающую , непостоянную , посвященную ужасамъ сраженій и звѣроловству. Я живу пріятно съ моими товарищами , которые

признали меня своимъ начальникомъ. Правда, Азіятцы мои не такъ просвѣщены, какъ Европейцы, за то они не знаютъ ни зависти, ни клеветы, ни эгоизма, ни честолюбія!»

Цалевкосъ благодарилъ своего гостя за все сообщенное ему, но замѣтилъ, что избранный имъ образъ жизни не соотвѣтствуетъ ни образованію его, ни христіанской религіи, въ которой онъ воспитанъ. Цалевкосъ умолялъ гостя своего возвратиться въ общество и жить вмѣстѣ съ нимъ.

Эта просьба тронула незнакомца. «Теперь,» сказалъ онъ, «я вижу, что ты искренно простилъ меня, и что ты любишь врага своего! О! благодарю, благодарю тебя!»—Сказавъ это, онъ вскочилъ съ мѣста и сталъ передъ Цалевкосомъ во всемъ своемъ величіи и воинскомъ убранствѣ. Черные глаза его блистали необыкновеннымъ огнемъ, и таинственный голосъ его внушалъ какой-то

ужасъ , когда онъ сталъ говорить Цалевкосу , « благодарю тебя ! Это предложеніе , конечно , прельстило-бы всякаго другаго , но я не могу принять его. Конь мой уже осѣдланъ; мои люди ждутъ меня! Прощай Цалевкосъ ! »

Незнакомецъ и Цалевкосъ , такъ странно сведенные судьбою , обнялись на прощаньи. « Какъ звать тебя , таинственный мой гость , тебя , который вѣчно останешься въ моей памяти ? » спросилъ Цалевкосъ.

Незнакомецъ долго смотрѣлъ на него въ молчаніи , пожалуй еще разъ его руку и сказалъ : « меня зовутъ владыкою пустыни , я разбойникъ Орбасанъ. »

ИСТОРИЯ
ГРЕЧЕСКИХЪ ГЕРОЕВЪ,

РАЗСКАЗАННАЯ

НИБУРОМЪ

СВОЕМУ СЫНУ.

Нибуръ говоритъ въ одномъ письмѣ къ
пріятельницѣ своей Генцлеръ, что пишетъ
для своего Марка рассказы изъ Греческой
Мифологіи. Любопытно видѣть, какъ чело-
вѣкъ, каковъ Нибуръ, перекладываетъ въ
дѣтскія сказки сказанія, сдѣлавшіяся до-
стояніемъ ученыхъ, и какъ его геній при-
норавливается къ понятіямъ четырехъ-лѣт-
няго ребенка. Сынъ его, отдавая Публикѣ
свое сокровище, желалъ, чтобы оно доста-
вило многимъ дѣтямъ такую-же радость,
какую принесло нѣкогда ему. Мы не смѣли
замѣнить Русскими именами Италіянскія,
приведенныя для сравненія, и довольствова-
лись краткими примѣчаніями, оставляя на-
ставникамъ дальнѣйшія толкованія.

Индуръ говоритъ въ одномъ письмѣ къ
пріятельнѣ своей Генриеттѣ, что пишетъ
ей своего Марка рассказы изъ Тревеской
Миссіонеріи. Любопытно видѣть, какъ это
писарь, какой Индуръ, перекладываетъ на
фрѣнскій языкъ связанный, сдѣланный до-
стояніемъ - убогихъ, и какъ это тѣмъ при-
подраздѣляется въ новѣйшемъ перекладѣ -
нито рѣзка. Сами это, отъ Марка Пудинга
своемъ содроганіи, желая, чтобы оно доста-
вало иго иголины дѣла въ такую же радость,
какую принесло иголины ему. Тамъ не еван-
гелизмъ Русскимъ иномъ Италіанскіи,
приведенныя въ сравненіи, и доволѣтельна-
но иголины иголины, отъ Марка Пудинга

ПУТЕШЕСТВІЕ

АРГОНАВТОВЪ.

Жиль въ Греціи одинъ Государь, котораго звали Атамась, а жену его звали Нефела. У нихъ было двое дѣтей: сынъ и дочь; они были очень добрые дѣти и очень любили другъ друга. Сына звали Фриксъ, а дочь Гелла. Отецъ ихъ былъ злой человѣкъ, онъ прогналъ жену свою Нефелу, мать этихъ добрыхъ дѣтей, и женился на другой женѣ, которую звали Инона. Эта Инона была тоже злая и очень дурно обходилась съ бѣдными дѣтьми, одѣвала ихъ въ дурныя платья, кормила мало, и хотя они были очень послушны, но она била ихъ часто за то,

что они плакали по матери своей. Инона была очень злая мачиха. Наконецъ ей вздумалось принести въ жертву маленькаго Фрикса. Когда его поднесли къ алтарю, то вдругъ явился прекрасный, большой овенъ ; на немъ была золотая волна, и онъ умѣлъ бѣгать по облакамъ. Богъ Гермесь, который прислалъ этого овна, посадилъ на него Фрикса и сестру его Геллу, и велѣлъ имъ идти по воздуху въ страну, называемую Колхидой.

Овенъ зналъ дорогу. Дѣти держались одною рукою крѣпко за рога его, а другою обнявшись другъ за друга. Но Гелла отняла руку и упала въ море. Фриксъ горько плакалъ о смерти бѣдной сестры своей, однако держался крѣпко, ѣхалъ далѣе и пріѣхалъ въ Колхиду. Тамъ принесъ онъ въ жертву овна, а золотое руно его прибилъ къ большому дубу.

Въ послѣдствіи, въ Θεσσαλίи былъ другой Государь, котораго звали Пелій.

У него былъ братъ Эзонъ, а у этого брата сынъ, по имени Язонъ. Язонъ былъ молодъ и очень храбръ, онъ жилъ съ отцемъ своимъ за городомъ. Вотъ кто-то предсказалъ королю Пеліасу, что человекъ, который придетъ къ нему объ одномъ башмакъ, отниметъ у него государство. Случилось, что король Пеліасъ давалъ пиръ и пригласилъ на оный Язона. Язону надобно было перейти рѣчку, чтобы придти въ городъ, а чрезъ эту рѣчку не было моста. Ночью была большая гроза, и шелъ сильный дождь, рѣчка наполнилась водою и текла очень быстро, какъ помнишь въ Албано (*), когда былъ большой дождикъ.—Когда Язонъ проходилъ рѣчку въ бродъ, то завязки его обуви развязались, и онъ потерялъ въ водѣ башмакъ, и пришелъ во дворецъ объ одномъ

(*) Албано, городъ въ Италіи, недалеко отъ Рима.

башмакъ. Пелій, увидѣвъ это, очень испугался и сказалъ Язону, чтобъ онъ шелъ вонъ изъ его государства и не возвращался, покуда ни принесетъ ему золотого руна.

Язонъ не струсилъ и не огорчился. Онъ пригласилъ съ собою всѣхъ храбрыхъ мужей той земли, потому что, для полученія золотого руна, должно будетъ сражаться съ лютыми звѣрями и съ злыми людьми.

Язонъ построилъ большой корабль, для себя и своихъ товарищей. Богиня Минерва, которая любила его, помогала ему и подарила ему дерево на мачту: когда Язонъ спрашивалъ что-нибудь у мачты, то мачта говорила ему, что дѣлать надобно.

Корабль назывался Арго, а тѣ, кто на немъ были, Аргонавтами. Между этими Аргонавтами былъ Геркулесъ, еще два брата, которые, имѣя крылья, могли летать по воздуху, и еще одинъ

богатырь, по имени Поллуксъ. Онъ побѣждалъ всѣхъ, кто дрался съ нимъ на кулачкахъ.

Вотъ они приплыли къ одной землѣ, которой государь назывался Амикусъ; этотъ Амикусъ заставлялъ съ собою драться всѣхъ чужестранцевъ, пріѣзжавшихъ въ его землю, и всегда убивалъ ихъ, потому что былъ очень силенъ. Поллуксъ поборолъ его и убилъ за то, что онъ былъ злой государь.

Послѣ этого Аргонавты, на корабль своемъ Арго, приплыли къ городу, котораго звали Самидесса. Тамъ жилъ государь, по имени Оинеасъ. Этотъ Оинеасъ прогнѣвалъ какъ-то Юпитера, и Юпитеръ въ наказаніе ослѣпилъ его, и всякой разъ, когда онъ садился за столъ обѣдать, прилетали мерзкія, большія птицы, которыхъ звали гарпіями. У этихъ гарпій была кожа желѣзная, какъ панцырь, и когда слуги слѣпаго Оинеаса стрѣляли въ нихъ, или били палка-

ми, то не могли ихъ ранить. Напротивъ, гарпіи большими желѣзными когтями своими царапали и рвали тѣхъ людей, которые хотѣли прогнать ихъ. Когда на столъ ставили кушанье, то онѣ тотчасъ являлись и уносили все, что могли, а чего не могли унести, то загаживали такъ, что отъ вони не лѣзя было дотронуться до блюда. Бѣдный Оупеасъ никогда не могъ порядочно поѣсть и почти умиралъ съ голода. Когда наши герои пріѣхали къ нему, онъ разсказалъ имъ свое несчастіе и со слезами просилъ, чтобы они помогли ему. Герои сѣли съ нимъ за столъ, и какъ скоро поставили кушанье, то гарпіи прилетѣли. Язонъ и всѣ его спутники обнажили мечи и стали рубить ихъ, но это не помогло. Тогда сыновья Борея; Цетусъ и Калаидъ, у которыхъ были крылья, поднялись на воздухъ; гарпіи испугались и полетѣли прочь; оба герои въ слѣдъ за ними. Гарпіи отъ ис-

пуга сдѣлались совсѣмъ смирны, потомъ упали въ море и утонули. Цетусъ и Калаидъ воротились назадъ, а бѣдный Эинеасъ съ той поры сталъ спокойно кушать.

Когда вѣтеръ сдѣлался благопріятенъ то герои сѣли опять на корабль Арго и поплыли въ Колхиду. Эинеасъ, прощаясь съ ними, обнималъ ихъ, благодарилъ очень за то, что освободили отъ горькой бѣды его, и въ знакъ признательности далъ имъ добрый совѣтъ. На томъ большомъ морѣ, по которому они должны были проѣзжать, плавали двѣ огромныя скалы, такъ точно, какъ плаваютъ ледяныя горы тамъ, гдѣ не бываетъ лѣта, а все одна зима. Эти скалы были вышиною съ Монте Каво (*), и когда онѣ сталкивались другъ съ другомъ, то разбивали въ дребезги все, что

(*) Монте-Каво, гора подлѣ Рима.

между ими находилось : рыба-ли переплывала въ водѣ, — онѣ убивали рыбу ; птица-ли летѣла по воздуху, — онѣ сталкивались и убивали птицу ; корабль-ли спѣшилъ пройти между ними, — онѣ допускали его до самой середины , потомъ сходились и раздробляли въ мелкіе куски и убивали всѣхъ людей, на немъ сидѣвшихъ. Юпитеръ пустилъ въ море эти скалы, для того , чтобы ни одинъ корабль не могъ приплыть въ Колхиду. Но Оинеасъ зналъ , что, столкнувшись однажды , скалы эти должны были разойтись далеко, и что онѣ всегда сталкивались, если рыба хотѣла проплыть, или птица пролетѣть, или корабль пройти между ими.

Въ слѣдствіе этого , далъ онѣ Аргонавтамъ мудрый совѣтъ, и они ему послѣдовали и прошли счастливо между скалами. Я расскажу тебѣ, что они сдѣлали.

Когда они подошли къ тому мѣсту,

гдѣ плавали скалы, то скалы эти были такъ далеко другъ отъ друга, какъ Монте-Каво отъ Рима, и тотчасъ начали сближаться. Аргонавты направляли путь на самую средину скалъ, и когда были уже почти подлѣ самыхъ, то одинъ изъ плавателей пустилъ голубя, котораго держалъ въ рукахъ и нарочно для того приготовилъ. Скалы должны были столкнуться, какъ скоро что-нибудь живое находилось между ими, а потомъ далеко, далеко разойтись. Голубь быстро полетѣлъ между скалъ, богиня Минерва помогла ему, это былъ прекрасный, бѣлый голубь. Скалы оторвали у него только хвостъ, но перья опять скоро выросли. — Столкнувшись, скалы разошлись далеко, всѣ герои гребли изо всѣхъ силъ и счастливо успѣли переплыть, прежде нежели скалы опять столкнулись, такъ что онѣ ударили и оторвали одинъ только маленькой край корабля, Голубь прилетѣлъ опять на па-

лубу и совсѣмъ не былъ сердитъ на Аргонавтовъ. Минерва взяла его послѣ къ себѣ и посадила на небо; онъ и теперь тамъ виденъ въ прекрасномъ созвѣздіи.

Аргонавты проѣхали счастливо Сильплегатты, и наконецъ вошли въ рѣку Фазисъ, протекающую черезъ Колхиду. Нѣкоторые изъ нихъ остались на корабль, а Язонъ и Поллуксъ и многіе другіе пошли въ городъ, гдѣ жилъ государь Колхиды. Его звали Аэтъ, у него была дочь, которую звали Медея. Язонъ сказалъ королю Аэту, что Пеліасъ прислалъ его за золотымъ руномъ, и просилъ, чтобъ онъ его отдалъ. Аэтъ не хотѣлъ лишиться золотаго руна и не могъ отказать Язону, потому что давно опредѣлено было отдать руно тому, кто за нимъ пріѣдетъ изъ Греціи. Вотъ онъ и сказалъ Язону, что отдаетъ ему руно, съ тѣмъ однако условіемъ, что прежде Язонъ впряжетъ въ плугъ чугунныхъ быковъ, вспашетъ ими большую

поляну и посѣть на ней драконовы зубы. Этихъ чугуновыхъ быковъ сдѣлалъ Вулканъ. Они ѣли, двигались и жили, какъ настоящіе живые быки, только ртомъ и носомъ извергали огонь и пламя, и были гораздо сильнѣе и злѣе настоящихъ быковъ. Конюшня ихъ была построена изъ большихъ камней и желѣза, и они стояли прикованные крѣпкими цѣпями.

А драконовы зубы, когда покрывались землею, какъ семена ржи, когда посѣютъ рожь, то изъ подъ земли вырастали желѣзные люди, вооруженные копьями и мечами, и убивали того, кто ихъ посѣялъ. Слѣдовательно король Аэть хотѣлъ, чтобы злые быки убили Язона, а если-бы они не убили, то онъ увѣренъ былъ, что убьютъ его желѣзные люди.

Дочь короля, Медея, видѣла Язона у отца своего и полюбила его; ей стало очень жалко, что Язонъ долженъ погибъ-

нуть. Она умѣла варить волшебные соки, и для того сѣла въ колесницу, запряженную летучими змѣями и полетѣла по воздуху набирать травъ; она собрала все, что ей нужно было, по горамъ и по долинамъ, по берегамъ рѣкъ и морей, по степямъ и болотамъ; потомъ всѣ различныя свои зелья истолкла, выжала сокъ и приготовила его. Послѣ сего, потихоньку отъ отца, пошла къ Язону, отдала ему этотъ сокъ и велѣла натереть имъ лице, руки, ноги и все вооруженіе — шлемъ, панцырь, щитъ, копье и мечъ. — Такимъ образомъ становился онъ на цѣлыя сутки сильнѣе вдвое всѣхъ прочихъ героевъ: огонь не жегъ его, желѣзо ему не вредило и не могло пробить ни щита его, ни панцыря, между тѣмъ какъ его мечъ и его копье рубили всякое желѣзо какъ тѣсто.

Назначили день, въ которой Язонъ долженъ запречь быковъ и посѣять зубы; рано, рано утромъ, еще до восхожденія соли-

ца , пришелъ король Аэть , съ своею дочерью, съ министрами, съ генералами, камергерами и со всѣми своими придворными, и сѣлъ на тронъ, приготовленный подлѣ того мѣста , гдѣ Язонъ будетъ пахать ; всѣ другіе сѣли вокругъ на скамьяхъ, какъ бываетъ на Корсо (*), когда скачутъ лошади. Изъ города вышли всѣ жители смотрѣть какъ пойдетъ дѣло , а мальчики взлѣзли на деревья , чтобы лучше видѣть.

Язонъ натеръ себя и оружіе свое тѣмъ сокомъ, который дала ему Медея, и пришелъ на поляну. Конюшня, въ которой заперты были быки, стояла у того мѣста. Отперли двери и Язонъ храбро пошелъ въ конюшню, безъ малѣйшаго страха отвязалъ быковъ, снялъ съ нихъ

(*) *Корсо*, улица въ Римѣ, вдоль которой бываетъ ежегодно скачка : лошади скачутъ однѣ до назначенной цѣли.

цѣпи, схватилъ каждого одною рукою за одинъ рогъ и вытащилъ вонъ. Быки ревѣли ужасно, а изъ носу и изо рту пыхали пламенемъ и выпускали столько дыму, что можно было подумать, что горитъ домъ, или Везувій (*) извергаетъ пламя. Злой король Аэтъ очень этому радовался, но тѣ изъ зрителей, которые были добрые, видя, что Язонъ такъ молодъ и такъ храбръ, очень объ немъ жалѣли и боялись, что его убьютъ. Они не знали, что Медея помогаетъ ему. Язонъ прижалъ головы быковъ къ землѣ, они стали брыкать задними ногами; но Язонъ придавилъ ихъ еще крѣпче, и они принуждены были пасть на колѣна.

Плугъ, въ который ихъ надобно было впредъ, былъ тоже весь желѣзный; Поллуксъ притащилъ его, набросилъ на

(*) *Везувій*, огнедышущая гора недалеко отъ Неаполя.

шею быкамъ ярмо, а на рога тяжелую цѣпь: Язонъ между тѣмъ держалъ ихъ морды такъ крѣпко къ землѣ пригнутыми, что они не могли пускать огонь и пламя. Когда-же Поллуксъ окончилъ свое дѣло, то отпрыгнулъ далеко прочь; Язонъ взялъ въ одну руку цѣпь, другой сталъ править сошникомъ и выпустилъ рога. Освободясь, быки хотѣли убѣжать, но Язонъ держалъ ихъ такъ крѣпко, что они принуждены были идти медленно и пахать, какъ слѣдуетъ, порядочно. Ихъ запрягли на восходѣ солнца, а къ полудню вся поляна была уже вспахана. Тогда Язонъ снялъ съ быковъ ярмо и отпустилъ ихъ. Перепуганные быки пустились бѣжать, какъ трусливые кошки, безъ оглядки, и ушли на горы. Если-бъ не пришелъ Вулканъ, не поймалъ ихъ и не увелъ съ собою, то могли-бы они зажечь всѣ лѣса и всѣ города.

Вспахавши всю поляну, Язонъ пошелъ

къ королю Аэту за драконовыми зубами. У драконовъ и у змѣй весь ротъ наполненъ маленькими зубами, этихъ-то зубовъ Аэтъ далъ Язону цѣлый полный шлемъ. Язонъ бралъ ихъ изъ шлема рукою, и, ходя взадъ и впередъ по вспаханному полю, разбросалъ ихъ во всѣ борозды. Потомъ взялъ копье, разбилъ имъ большіе куски земли, и уравниалъ все поле, какъ дѣлаетъ садовникъ, когда что-нибудь посѣетъ. Послѣ этого, ушелъ отдыхать до вечера, потому что отъ великихъ трудовъ онъ очень усталъ.

Передъ захожденіемъ солнца, пришелъ онъ опять на поле; желѣзные люди начали уже выростать изъ земли. Нѣкоторые выросли до самыхъ ногъ, иные до коленъ, другіе еще до пояса, иные до плечъ, у иныхъ-же видны были одни только шлемы и начало лба, остальное все было еще подъ землею. Такъ какъ

въ картинѣ мірозданія въ ложахъ (*), у лошади видна одна только голова, изъ земли выходящая. Тѣ, у коихъ освободились руки, махали уже мечами и грозили копьями; а тѣ, которые вытаскивали ноги, готовились уже броситься на Язона.

Тогда Язонъ, по совѣту друга своего, Медеи, взявъ большой камень бросилъ его на средину поля. Какъ скоро желѣзные люди увидѣли камень, тотчасъ бросились всѣ къ нему. Вѣроятно, это былъ прекрасный кусокъ мрамора. Каждый хотѣлъ его взять себѣ; они начали ссориться, потомъ драться и рубиться; едва только освобождали они изъ земли ноги, тотчасъ бѣжали къ камню, и начинали рубить и убивать другъ друга до смерти. Язонъ между тѣмъ ходилъ по полю, и рубилъ головы тѣмъ, кото-

---

(*) *Ложами* называютъ галлерей, расписанныя Рафаэлемъ.

рые начинали выходить изъ земли. Такимъ образомъ погибли всѣ желѣзные люди; король Аэть чрезвычайно сердился, а Медея, герои и всѣ зрители очень радовались.

На другое утро, Язонъ пошелъ къ королю Аэту и требовалъ золотого руна: король однако не отдалъ, и велѣлъ приходить на другой день, а самъ хотѣлъ между тѣмъ убить его. Медея разсказала о томъ Язону, и сказала ему также, чтобъ онъ взялъ руно самъ, иначе его никогда не получить. Золотое руно прибито было къ дубу, а у корня дуба лежалъ драконъ, который никогда не спалъ и пожиралъ всѣхъ, кто дотрогивался до руна, исключая одного короля Аэта. Драконъ этотъ былъ безсмертенъ, и потому Медея не могла дать Язону средства убить его, но, по счастью, онъ охотникъ былъ до сладкихъ пирожковъ, и Медея дала Язону пирогъ съ медомъ, въ которой положила соннаго

зелья. Язонъ пришелъ съ пирогомъ своимъ и бросилъ его дракону ; глупый драконъ съѣлъ весь пирогъ и тотчасъ заснулъ. Язонъ перешагнулъ черезъ него, клещами вынулъ всѣ гвозди, которыми руно было къ дубу приколочено, снялъ руно съ дерева, завернулъ его въ эпанчу и унесъ на корабль. Медея пришла къ нему также, и вышла за него замужъ и уѣхала съ нимъ въ Грецію.

Аэть думалъ, что Аргонавты, на корабль своемъ Арго, возвращаться будутъ тою-же дорогою, которою приплыли въ Колхиду, и выслалъ множество кораблей для того, чтобы взять ихъ въ плѣнь. Но Аргонавты выбрали другой путь, они поплыли въ верхъ по рѣкѣ Истрѣ, потомъ на плечахъ перенесли корабль свой въ Океанъ, обтекающій всю землю, и такъ, окружа около всей земли, пристали наконецъ въ Іолкость. — Колхидоняне ждали ихъ между тѣмъ у скалъ Симплегадовъ, которые

уже не плавали, а стояли твердо, и, не дождавшись, возвратились домой. Король Аэть ужасно сердился, и было за что. Онъ лишился золотого руна, чугуновыхъ быковъ, драконовыхъ зубъ, и даже своей дочери, со многими сокровищами, и къ тому-же всѣ люди надъ нимъ смѣялись.

Когда Медея прибыла въ Тессалію съ Язономъ, то возвратила молодость старому отцу его Эзону; сѣдые его волосы стали опять черны, всѣ зубы выросли снова, онъ сталъ здоровъ и крѣпокъ какъ юноша, и жилъ еще много лѣтъ. Пеліа Медея умертвила, и Язонъ царствовалъ на его мѣстѣ въ Тессаліи.

ИСТОРИЯ ГЕРКУЛЕСА.

Геркулесъ былъ сынъ Юпитера и Алкмены; Амфитріонъ, король Фивскій, былъ мужъ Алкмены и вотчимъ Геркулеса, но любилъ его какъ роднаго своего сына. У Амфитріона и Алкмены былъ еще сынъ, братъ Геркулеса, его звали *Ификлъ*.

Геркулесъ и Ификлъ спали не въ колыбели, а въ большомъ чугунномъ щитѣ; мать послала имъ тамъ постельку, и когда они ложились спать, качала ихъ въ этомъ щитѣ. Геркулесъ никогда не плакалъ. Когда онъ былъ маленькой,

его звали не Геркулесомъ , а Алкеемъ , или Алкидомъ.

Юнона ненавидѣла Алкмену, мать его, и потому хотѣла убить Геркулеса. Однажды, въ полночь, Амфитріонъ и Алкмена спали , оба младенца спали также на щитѣ своемъ, который стоялъ подлѣ постели матери. Вдругъ двѣ огромныя змѣи вползли въ комнату, въ щель, которая была подъ дверью, и прямо поползли къ щиту. Глаза ихъ свѣтились такъ ярко, что, казалось, будто вся спальня освѣщена была большимъ огнемъ. Они подняли головы на той сторонѣ , гдѣ лежалъ Геркулесъ и стали вползать въ середину щита , чтобы Геркулеса ужалить. Щитъ закачался, Ификлъ проснулся, очень испугался и принялся кричать во все горло. Алкмена проснулась отъ крику, и, увидѣвъ освѣщенную комнату, разбудила мужа. Амфитріонъ вскочилъ и снялъ со стѣны мечъ, который висѣлъ у его постели.

Когда Геркулесъ увидѣлъ змѣй, онъ не испугался и не закричалъ, а засмѣялся и схватилъ каждой рукою обѣихъ змѣй за горло, и сжималъ ихъ очень крѣпко. Онъ никакъ не могли ужалить его, а обвили все его тѣло своими хвостами. Геркулесъ давилъ ихъ такъ крѣпко, что онъ издохли. Какъ скоро онъ померли, то глаза ихъ потухли и перестали свѣтить, и въ комнатѣ сдѣлалось такъ тѣмно, что Амфитріонъ, пришедши на помощь, ничего не могъ разглядѣть. Онъ приказалъ принести огню, и тогда Геркулесъ показалъ ему мертвыхъ змѣй, и смѣялся, глядя на нихъ.

Еще ребенкомъ, Геркулесъ былъ очень великъ ростомъ, ѣлъ много мяса и хлѣба, а сластей и лакомства совсѣмъ не любилъ. Онъ выучился читать и писать, ѣздить верхомъ, править бигой, т. е. парой лошадей, и квадригой, т. е. четверкой впрядь, стрѣлять изъ лука, бросать дротикомъ въ цѣль, бороться и

метать цестъ. Одинъ добрый кентавръ, по имени Хиронъ, научилъ его узнавать звѣзды, травы и растенія. Геркулесъ очень охотно слушалъ его рассказы и учился всему прекрасно. У него было сердце предоброе, только одинъ порокъ портилъ все : онъ былъ такъ вспыльчивъ, что, разсердившись, былъ точно бѣшеный, не помнилъ себя и дѣлалъ много дурнаго; потомъ, опомнившись, плакалъ о томъ, что много злаго надѣлалъ, но раскаяніе не помогало, и поправить сдѣланное было невозможно. Алкмена и Амфитріонъ не наказывали его, когда онъ былъ маленькимъ ребенкомъ. Одинъ музыкантъ *Линъ* училъ его играть на гитарѣ, Геркулесъ однажды безъ вниманія слушалъ его урокъ. Линъ прибилъ его, за что Геркулесъ такъ разсердился, что схватилъ гитару и такъ сильно ударилъ ею по головѣ *Лина*, что тотъ умеръ.

Тогда Амфитріонъ не захотѣлъ держать его долѣе въ своемъ домѣ, и ото-

слалъ на гору Китеронъ , пасти стада быковъ его. Гора эта недалеко отъ Оивъ была вся покрыта лѣсомъ , и въ немъ-то паслись стада государевы. Въ этомъ лѣсу жилъ большой левъ , очень лю-тый ; онъ поѣлъ многихъ быковъ , и па-стуховъ и другихъ людей , Геркулесъ убилъ его желѣзной палицей. Послѣ этого Амфитріонъ позволилъ ему воз-вратиться въ Оивы и къ себѣ въ домъ.

Оивяне платили каждый годъ королю Минійцевъ дань, изъ ста быковъ состо-ящую. Геркулесу это не понравилось : онъ захотѣлъ освободить свой городъ отъ дани, и когда король Минійцевъ при-слалъ герольдовъ за быками, то Герку-лесъ отрѣзалъ имъ носы и уши, и про-гналъ прочь. За то король Эргиній , съ большимъ войскомъ, пошелъ на Оивы. Царя Оивскаго звали тогда Креономъ; онъ былъ трусъ, боялся войны и пото-му-то и платилъ дань. Онъ сдѣлалъ

Геркулеса начальникомъ своего войска ,
Θивяне были тому очень рады, и съ великимъ мужествомъ пошли на войну. Минерва подарила Геркулесу панцырь. Меркурій далъ ему мечъ , а Аполлонъ лукъ и стрѣлы , а панцырь , которой Минерва подарила, былъ весь золотой. Геркулесъ и Θивяне побѣдили своихъ непріятелей, убили короля ихъ Эргинія, и Минійцы , которыхъ главный городъ назывался Орхоменомъ, обязались ежегодно платить Θивянамъ двѣсти быковъ. Креонъ выдалъ дочь свою Мегару замужъ за Геркулеса; онъ жилъ нѣсколь-
ко лѣтъ въ Θивахъ очень счастливо , и радовался тремя дѣтьми , которые, въ течение этого времени, у него родились. Юнона, которая все его не любила, послала ему болѣзнь; онъ сталъ какъ будто бѣшенный, дѣтей своихъ принялъ за дикихъ звѣрей, схватилъ лукъ и застрѣлилъ ихъ до смерти. Потомъ , когда увидѣлъ, что это его дѣти и узналъ ихъ,

то не могъ утѣшиться и убѣжалъ изъ города въ лѣса.

Древніе, всякой разъ, когда не знали что имъ дѣлать и какъ быть, ходили къ Оракулу и спрашивали совѣта у Аполлона. Оракулами назывались храмы, гдѣ сидѣли жрецъ, или жрица, и этимъ жрецамъ Аполлонъ подсказывалъ то, что они отвѣчали. Когда король какой хотѣлъ начинать войну, то посылалъ къ Оракулу, и если Аполлонъ скажетъ, что ему побѣды не будетъ, то война и не начиналась.

Главный Оракулъ былъ въ Дельфахъ; тамъ, во храмѣ, сидѣла жрица на треножникѣ, и отвѣчала всѣмъ, кто ее спрашивалъ. Когда они послушны были Оракулу и была имъ въ дѣлахъ удача, то дарили во храмъ золотыя или серебряныя, или иныя драгоценныя вещи, такъ что весь храмъ былъ полонъ всякихъ сокровищъ. Жрицу называли Пифіа, а

Дельфы находятся въ Греціи, у подошвы горы Парнасса.

Бѣдный Геркулесъ, пришедъ въ Дельфы, пошелъ во храмъ, и спросилъ Пифію что ему дѣлать, и какъ вылечиться отъ несносной грусти, которую чувствовалъ, убивши дѣтей своихъ. Пифія сказала ему, чтобы онъ шелъ въ городъ Тиринтъ и служилъ царю Эврисею, и терпѣливо исполнялъ все, что тотъ ему прикажетъ. Она сказала ему также, что Эврисеей велитъ ему совершить двѣнадцать подвиговъ, такъ опасныхъ, что при каждомъ можетъ онъ лишиться жизни; но если онъ будетъ бодръ, мужественъ и терпѣливъ, то боги ему помогутъ; сдѣлавши эти двѣнадцать подвиговъ, онъ снова будетъ спокоенъ и веселъ, а послѣ смерти попадетъ самъ въ боги.

Король Эврисеей былъ злой и дурно й;самъ ничего не дѣлалъ хорошаго и ненавидѣлъ тѣхъ, кто дѣлали добрыя и

храбрыя дѣла. Геркулесъ съ покорностью пришелъ въ Тиринтъ , сталъ передъ королемъ Эврисеемъ, и сказалъ, что Аполлонъ, черезъ Пифію, приказалъ служить ему, и что онъ будетъ исполнять все то , что угодно ему будетъ приказать.

Тогда король Еврисеей сказалъ ему, чтобы онъ пошелъ въ Немею и убилъ льва. Немея была долина, между высокихъ горъ, поросшая густымъ лѣсомъ, во владѣніяхъ Эврисея. Въ лѣсу жилъ очень злой левъ ; кожа его была такая твердая , что никакое желѣзо не могло его ранить, и когда пастухи бросали въ него копьа, то они отскакивали отъ льва, не причинивъ ему ни малѣйшаго вреда, а левъ бросался на нихъ и разрывалъ ихъ. Геркулесъ сталъ въ лѣсу за деревомъ , какъ дѣлають охотники, чтобы хищный звѣрь не видалъ ихъ, когда они стрѣлять стануть. Наконецъ левъ пошелъ мимо его черезъ лѣсъ. Онъ только

что съѣлъ нѣсколькихъ быковъ, его пасть и грива были всѣ въ крови; онъ шелъ, облизываясь большимъ языкомъ своимъ и ревѣлъ. Когда левъ реветъ въ лѣсу, то рѣвъ его раздается какъ громъ, и земля дрожитъ. Онъ махалъ хвостомъ и стучалъ имъ объ деревья. Геркулесъ выстрѣлилъ, стрѣла его отскочила. Геркулесъ выстрѣлилъ въ другой разъ, стрѣла опять отскочила, не пробивши твердой львиной кожи; если-бъ Геркулесъ съ такою силою выстрѣлилъ въ человѣка, то пробилъ-бы насквозь всего, какой-бы крѣпкой панцырь на немъ ни былъ. Тутъ левъ увидѣлъ Геркулеса и прыгнулъ на него. Когда левъ прыгаетъ, то онъ весь сгибается, грудью прижимается къ землѣ, а хвостъ прячетъ между заднихъ ногъ; такимъ образомъ онъ прыгаетъ дальше, чѣмъ черезъ эту горницу. Геркулесъ обернулъ лѣвую руку мантией, чтобы удержать льва, а правой взялъ большую дубину, которую

онъ срубилъ въ лѣсу, и ударилъ ею льва по головѣ. Левъ не умеръ отъ этого удара, и стоялъ на ногахъ, но очень уже испугался. Тогда Геркулесъ вскочилъ на него, схватилъ его обѣими руками за шею, поднялъ и задушилъ: ногами сталъ онъ на заднія лапы льва. Когда левъ умеръ, Геркулесъ снялъ съ него кожу и надѣлъ себѣ на плеча. Пасть его положилъ себѣ на голову, вмѣсто шлема, а кожу съ переднихъ лапъ застегнулъ на шею. Дубина его изломалась, когда онъ ударилъ льва по головѣ: таковы-то были кости у звѣря. Онъ срубилъ себѣ другую дубину или палицу, и съ тѣхъ поръ ходилъ уже всегда съ палицей и въ кожѣ львиной.

Геркулесъ возвратился въ Тиринтъ, и велѣлъ сказать королю, что левъ убитъ. Это внушило такой страхъ Эврисею, что онъ велѣлъ сдѣлать себѣ подъ землею чугунную комнатку, куда онъ прятался всякой разъ, когда приходилъ Гер-

кулесъ. Тамъ была рѣшетка , черезъ которую говорилъ онъ съ Геркулесомъ, и велѣлъ ему идти и убить гидру Лернскую. Гидра была огромная змѣя , величиною съ корабль ; на ней было девять головъ, и она жила въ Лернѣ , въ болотѣ. Геркулесъ сѣлъ въ колесницу, другъ его Іолай сталъ править лошадьми, и они поѣхали вмѣстѣ въ Лерну.

Гидра спряталась отъ Геркулеса ; Геркулесъ взялъ смолы, сѣры и сала, скаталъ шарикъ, надѣлъ на стрѣлу, зажегъ и выстрѣлилъ имъ въ ту нору, гдѣ была гидра. Гидра выскочила оттуда прямо на Геркулеса. Геркулесъ схватилъ ее одной рукой за шею, на которой торчали девять головъ , а гидра длиннымъ хвостомъ своимъ обвилась вокругъ его ноги. Геркулесъ билъ своей палицей по головамъ , но какъ скоро разобьетъ онъ одну голову , тотчасъ на ея мѣсто выростутъ двѣ другія.

Тутъ еще приползъ престрашный, большой морской ракъ, и зашипнулъ своими клешнями ту ногу, которую обвила змѣя, это было очень больно Геркулесу. Ракъ былъ другъ гидры и хотѣлъ помочь ей, но Геркулесъ наступилъ на него другою ногою и раздавилъ совсѣмъ. Между тѣмъ онъ все билъ по головамъ и головы всѣ выросли, и никогда-бы ему съ ними не справиться, если-бъ съ нимъ не было друга его Юлая. Юлай срубилъ нѣсколько деревьевъ и развелъ большой огонь; потомъ взялъ горящее полѣно, и когда Геркулесъ срубить голову, онъ прижжетъ ее огнемъ, послѣ чего онъ уже и перестали выростать. Гидра умерла, когда ей сбили всѣ головы, Геркулесъ обмочилъ концы стрѣлъ своихъ въ ея крови. Она была такъ ядовита, что человѣкъ, или даже звѣрь умиралъ, какъ только оцарапнуть этими стрѣлами кожу. Это былъ второй подвигъ Геркулеса, совершенный имъ

по приказанію Эврисея, и изъ покорности Аполлону.

Послѣ того, Эврисея приказалъ ему поймать оленя Киринейскаго и принести живаго. У этого оленя были золотые рога, и онъ бѣгалъ такъ скоро, что ни одна лошадь, ни одна собака, не могли догнать его. Геркулесъ также скоро бѣгалъ, какъ былъ силенъ; онъ цѣлый годъ бѣгалъ за оленемъ, покуда догналъ, схватилъ, положилъ на плеча и принесъ въ Тиринтъ. Это былъ третій подвигъ.

Послѣ того Эврисея потребовалъ, чтобъ онъ принесъ живаго дикаго кабана Эримантскаго. Гора въ Аркадіи называется Эримантъ, тамъ-то жилъ этотъ кабанъ, бѣгалъ по садамъ и по засѣяннымъ полямъ и истреблялъ ихъ; когда же люди съ копьями выходили противъ него, онъ опрокидывалъ людей, и ранилъ большими своими клыками, отъ чего всѣ умирали. Геркулесъ пошелъ

на гору Эримантъ, по дорогѣ зашелъ онъ вечеромъ въ пещеру, гдѣ жилъ кентавръ Фоль, и хотѣлъ провести у него ночь. На этой горѣ жили многіе кентавры, у нихъ была большая бочка съ виномъ въ пещерѣ Фола; когда они сходились въ пещеру, то пировали и пили вино вмѣстѣ. Другаго вина у Фолуса не было, и когда Геркулесъ поужинавши попросилъ у него вина, то Фоль сказалъ, что не смѣетъ достать изъ бочки, боится, чтобы кентавры не пришли и не убили его. Геркулесъ сказалъ, что вѣроятно этого не случится, взялъ кружку и нацѣдилъ себѣ самъ вина. Но это вино было не такое, какое мы всѣ пьемъ, его подарилъ Бахусъ кентаврамъ; оно пахло самыми душистыми розами, и благоуханіе это такъ было сильно, что когда доставали вино изъ бочки, то запахъ распространялся такъ далеко, какъ только человѣкъ видѣть можетъ. Вотъ кентавры тотчасъ

и почуяли запахъ вина и прибѣжали въ пещеру, убить Фолла. Одни оторвали большіе куски каменныхъ утесовъ, другіе вырвали изъ земли сосенъ и елей; кентавры никогда мечами и копьями не сражаются, и рѣдкіе стрѣляютъ изъ лука. Геркулесъ сталъ у входа пещеры, сперва бросалъ въ кентавровъ горящими полѣнами, потомъ натянулъ лукъ и сталъ стрѣлять тѣми стрѣлами, которыхъ кончикъ омоченъ былъ въ крови гидры Лернской; всѣ, до кого стрѣла касалась, умирали тотчасъ, какъ будто сама гидра ихъ кусала. Тогда всѣ оставшіеся убѣжали. Фоллъ удивлялся, какъ можетъ такая крошечная стрѣла убить такое огромное творенье; вытащилъ одну стрѣлу изъ тѣла умершаго кентавра, смотрѣлъ на нее и такъ былъ неостороженъ, что уронилъ изъ рукъ. Стрѣла упала ему на ногу и онъ умеръ въ ту-же минуту. Геркулесъ преслѣдовалъ въ это время бѣгущихъ кен-

тавровъ ; когда возвратился , нашелъ бѣднаго Фола мертвымъ. Тогда онъ очень огорчился , что не уважилъ его просьбы и досталъ вина изъ бочки : онъ сжегъ его тѣло и схоронилъ кости и пепелъ.

Потомъ пошелъ на Эримантъ и ожидалъ, что кабанъ бросится на него, какъ и на прочихъ охотниковъ , и готовился схватить его ; но кабанъ убѣжалъ отъ него испугавшись. Геркулесъ побѣждалъ за нимъ, кабанъ все далѣе и далѣе, наконецъ отъ страха прыгнулъ въ глубокую рытвину, наполненную снѣгомъ. На горахъ Аркадіи еще больше снѣгу, чѣмъ на Альпахъ. Геркулесъ взялъ тогда сѣтку, связанную изъ крѣпкаго каната, набросилъ на ноги и на все туловище кабана и притащилъ къ себѣ покуда тотъ барахтался, чтобы выползти изъ ямы. Въ этой сѣткѣ взвалилъ онъ кабана на плеча и понесъ въ Тиринтъ. Кабанъ лежалъ ногами вверху, а спиной

внизъ и хрюкалъ всю дорогу. Это былъ четвертый подвигъ.

Тогда Эвриссеей приказалъ ему вычистить въ одинъ день Авгіеву конюшню. Авгій былъ король Элиды; у него было три тысячи быковъ; конюшня ихъ была огромный дворъ, величиною съ Палатинъ (*); окружена была высокими стѣнами со сводами; на этотъ дворъ пригоняли быковъ съ полей, гдѣ они паслись. Слуги короля Авгія были всѣ лѣнныя и не выбрасывали навоза, и тамъ его такъ скопилось много, что скотина не могла уже подойти подъ своды, и въ цѣлый годъ нельзя было-бы дворъ вычистить и навозъ оттуда вывести. Вотъ Геркулесъ вырылъ глубокій каналъ до самыхъ стѣнъ двора, а въ каналъ пустилъ воду двухъ рѣкъ, которыя съ необычайной быстриною падали съ горъ; потомъ пробилъ въ стѣнѣ

(*) Палатинъ также большая гора въ Римѣ.

большую дыру, вода съ великою силою полилась на дворъ. Тогда пробилъ онъ дыру съ другой стороны двора, вода потекла вонъ и унесла съ собою всю дрянь и весь навозъ, и въ одинъ день конюшня и дворъ очистились совершенно, какъ мостовая на улилицахъ въ Албано, когда послѣ проливнаго дождя изъ всѣхъ домовъ выметали на улицу дрянь и солому, чтобы все нечистое унесъ потокъ съ собою. А тогда навозу была куча вышиною до нашихъ комнатъ. Авгій обѣщаль отдать Геркулесу десятую часть своей рогатой скотины, если онъ очиститъ отъ навоза дворъ его; но когда Геркулесъ все вычистилъ, то онъ слова не сдержалъ, потому что былъ дурной человѣкъ. Когда Геркулесъ исполнилъ всѣ приказанія Эврисеея и совершилъ всѣ заданные ему труды, то пошелъ на Авгія войною, и въ наказаніе за его неправду убилъ его. Это былъ пятый подвигъ.

Потомъ Эвриссѣй приказалъ ему выгнать птицъ изъ болота Стимѳальскаго. У этихъ птицъ были носы желѣзные и когти, какъ у гарпій; они людей и звѣрей заклеывали до смерти, заклюютъ, съѣдятъ и улетятъ опять въ свое болото. Это болото похоже было на большее озеро, и казалось издали озеромъ, съ тою только разницею, что на немъ росло много деревьевъ и на озерѣ стоялъ густой лѣсъ: въ лодкѣ не лѣзя было ѣхать по немъ, воды было только сверху немного, а подъ водою густая тина; и пѣшкомъ не лѣзя было идти, ноги увязали въ грязи и тинѣ. Геркулесъ не могъ-бы выгнать этихъ злыхъ птицъ, если-бъ добрый Вулканъ не помогъ ему. Вулканъ сдѣлалъ чугунную трещотку и подарилъ ее Геркулесу. Геркулесъ сталъ съ этою трещоткой на гору подлѣ болота, и началъ вертѣть ее. Она такъ несносно шумѣла и гремѣла, что птицы перепугались и

вонъ полетѣли. Тогда Геркулесъ взялъ лукъ свой и застрѣлилъ нѣсколько птицъ, прочія со страху улетѣли за море и никогда не возвращались. Это былъ шестой подвигъ.

Послѣ этого Эвриссеей приказалъ ему принести злаго быка Критскаго. Геркулесъ поѣхалъ на корабль въ Критъ, и просилъ Миноса, Государя острова Крита, чтобъ онъ позволилъ ему взять съ собою быка. Миносъ очень охотно это позволилъ; быкъ былъ очень лютъ, опустошалъ землю, и ни одинъ чело-вѣкъ не смѣлъ съ нимъ сразиться. Геркулесъ схватилъ его за рога и потащилъ на корабль свой, привезъ въ Пелопонезъ, потомъ опять за рога притащилъ въ Тиринтъ. Нептунъ запретилъ убить этого быка, и такъ онъ опять убѣждалъ, и опять много приносилъ вреда на землѣ, покуда не убилъ его Тезей. Это былъ седьмой подвигъ.

Послѣ этого приказалъ ему Эвриссеей

привести изъ Фракіи коней царя Діомеда. Геркулесъ сѣлъ опять на корабль и пріѣхалъ во Фракію. Кони эти были презлые и пожирали людей, и царь Діомедъ былъ презлой; онъ бросалъ конямъ своимъ всѣхъ иностранцевъ, которые пріѣзжали въ его землю: кони раздирали ихъ и пожирали, какъ дѣлаютъ тигры и злые волки. Діомедъ не захотѣлъ отдать Геркулесу коней, когда тотъ ихъ потребовалъ. Геркулесъ убилъ его и бросилъ собственнымъ его конямъ на сѣденье. Коней поставилъ на корабль и привезъ въ Тиринтъ: однако Эвриссеей ихъ выпустилъ, они побѣжали въ лѣсъ, гдѣ ихъ разорвали хищные звѣри.—Это былъ осьмой подвигъ.

Амазонками назывался цѣлый народъ женщинъ; онѣ ѣздили верхомъ, вели войну и были такъ храбры, какъ герои. Королеву ихъ звали Ипполита; ей Марсъ подарилъ драгоцѣнный золотой поясъ, весь украшенный брилліантами. Эвриссеей

слыхалъ объ этомъ поясъ и захотѣлось ему подарить его дочери своей Адметъ, вотъ онъ и велѣлъ Геркулесу принести его. Геркулесъ повѣстилъ по всей Греціи, что идетъ на войну съ Амазонками и пригласилъ всѣхъ храбрыхъ мужей идти съ нимъ вмѣстѣ. Онъ поѣхалъ на корабль, и всѣхъ, кто пришли къ нему, взялъ съ собою. Пришедши въ землю Амазонокъ, велѣлъ онъ объявить королевѣ Ипполитѣ, за чѣмъ прислалъ его Эвриссеей; Ипполита знала, что Геркулесъ долженъ повиноваться Эвриссеею, изъ уваженія къ приказанію Аполлона, и хотѣла подарить ему свой поясъ, но прочія Амазонки этого ей не позволили, и стали воевать съ Геркулесомъ и его спутниками. У нихъ была большая битва, которая изображена на многихъ барельефахъ (*). Амазонки сра-

---

(*) Барельефами называются выпуклыя изображенія внизу какихъ-нибудь зданій.

жались верхомъ , а Геркулесъ и товарищи его пѣшіе. Если-бы не было тутъ Геркулеса, Амазонки побѣдили-бы всѣхъ ; но Геркулесъ обратилъ этихъ женщинъ въ бѣгство, и взялъ Ипполиту въ плѣнъ : однакоже онъ ее отпустилъ тотчасъ, только взялъ ее поясъ.

Потомъ сѣлъ опять на корабль и поплылъ назадъ въ Грецію; у Трои бросилъ онъ якорь, вышелъ на землю и пошелъ въ городъ. Въ то время Лаомедонъ былъ королемъ Троянскимъ ; онъ былъ очень богатъ и очень могущъ, но Аполлонъ и Нептунъ послали большія напасти на его государство, потому что были врагами Государю. Вотъ какъ это случилось. Троя былъ очень обширный городъ, но стѣнъ около него не было. Аполлонъ и Нептунъ пришли къ Лаомедону и сказали, что выстроить ему около города такія стѣны, которыя никакой непріятель не разрушитъ, если только онъ заплатитъ имъ за работу.

Король Лаомедонъ думалъ , что они простые люди и согласился дать имъ какую они пожелаютъ награду , если обнесутъ городъ стѣнами. Аполлонъ и Нептунъ выстроили высокія стѣны изъ огромныхъ отломковъ скалъ , и когда кончили работу, то Лаомедонъ отказалъ имъ въ наградъ и не далъ ничего. Это было очень безчестно ; онъ зналъ, что никто не можетъ уже разорить стѣнъ, и неопасался, чтобы герои, какими почиталъ Аполлона и Нептуна, могли повредить ему. Но эти боги хотѣли только испытать солжетъ-ли Лаомедонъ, или сдержитъ слово. Нептунъ послалъ чудовище, которое каждой день выходило изъ моря, истребляло людей и звѣрей, такъ что ни одинъ человѣкъ не смѣлъ уже изъ города выдти. Поля остались незасѣяны, голодъ и нужда были жестокия, и Трояне хотѣли убить Лаомедона , причинившаго имъ столько зла. Король Лаомедонъ послалъ спросить

Оракуль, что ему сдѣлать, чтобы чудовище перестало выходить изъ моря? Оракуль приказалъ ему привязать къ утесу, на морскомъ берегу, дочь свою Гезіону, чудовище съѣстъ ее и больше приходить ужъ не будетъ. Въ то время какъ Геркулесъ вышелъ изъ корабля своего въ городъ, бѣдную Гезіону вели на утесъ, чтобы тамъ привязать. Геркулесъ сказалъ королю, что ему нечего за дочь свою бояться, что онъ сразится съ чудовищемъ и убьетъ его; когда-же убьетъ, то просилъ Лаомедона, чтобъ онъ отдалъ ему тѣхъ лошадей, которыхъ подарилъ ему Юпитеръ. Лаомедонъ обѣщалъ, что отдастъ ему лошадей. Тогда Геркулесъ велѣлъ всѣмъ людямъ идти назадъ въ городъ, а самъ остался одинъ съ Гезіоной. Когда чудовище выскочило изъ моря и хотѣло броситься на Гезіону, онъ схватилъ его и убилъ до смерти, а Гезіону привелъ живую къ отцу. Лаомедонъ такой былъ

безчестный, что не отдалъ ему лошадей. Геркулесъ разсердился, но не хотѣлъ начинать войны, не окончивъ всѣхъ подвиговъ, богами ему опредѣленныхъ. Онъ велѣлъ сказать Лаомедону, что накажетъ его послѣ, а самъ поплылъ въ Тиринтъ и отдалъ поясъ Эврисею. Это былъ девятый подвигъ.

Недалеко отъ Испаніи есть островъ, на которомъ построень теперь большой городъ Кадиксъ, тогда звали этотъ островъ Эриѳіа, и тамъ не было города, а были прекрасные луга, съ превосходной травою; тамъ паслись быки, короля Ирїона. Эти быки необыкновенно были красивы, и всѣ до одного красные; ихъ стерегла двуголовая собака, которую звали Орфа; она была такъ сильна, что могла сразиться въ одно время съ двумя волками и побѣдить ихъ. Король Ирїонъ самъ какъ будто сросся изъ трехъ великановъ; у него было три головы, шесть рукъ и шесть ногъ. Не

легко-же было отнять у него быковъ , даже и тому , кому удалось-бы убить собаку: Эврисеей подумалъ, что если пошлетъ туда Геркулеса , то онъ непременно погибнетъ. Геркулесъ пошелъ одинъ, взялъ только съ собою лукъ свой и палицу. Онъ пошелъ черезъ Ливійскую степь; солнце тамъ жжетъ не-сносно. Геркулесъ разсердился на солнце , что оно съ колесницей своей такъ близко отъ земли ѣдетъ, и сказалъ ему, чтобъ оно подальше поѣхало и не жгло такъ сильно. Богъ солнца, котораго по-Гречески звали Геліосъ , засмѣялся и отвѣчалъ, что ѣдетъ обыкновенной своей дорогой. Геркулесъ еще больше разсердился и натянулъ лукъ свой, чтобы выстрѣлить въ Иліоса. Онъ былъ тогда простой еще человѣкъ, и не могъ-бы побѣдить Иліоса. Иліосъ порадовался, видя какъ Геркулесъ храбръ, и сказалъ ему, чтобъ онъ не сердился , что онъ даетъ ему свой собственный золо-

той корабль, и перевезетъ его черезъ море въ Эриѳію. Между степями Ливіи и Европою течетъ большое море, и двѣ большія горы по двумъ противоположнымъ берегамъ называются еще до сихъ поръ Геркулесовы столпы. Когда Геркулесъ переѣзжалъ Океанъ, то богъ Океана хотѣлъ узнать испугается-ли онъ его, и поднялъ жестокою бурю; Геркулесъ опять натянулъ лукъ, Океанъ струсилъ самъ и успокоилъ волны.

Геркулесъ вышелъ на островъ Эриѳію, убилъ собаку Орфу и пастуха Эвритіона, который заслужилъ это, потому что приучилъ быковъ Иріона ѣсть людей, какъ то дѣлали конди короля Діоміда. Потомъ повелъ быковъ съ собою. Король Иріонъ услышалъ, что быковъ уводятъ и пріѣхалъ драться съ Геркулесомъ, но Геркулесъ застрѣлилъ его.

Геркулесъ погналъ быковъ черезъ Испанію и черезъ Лигурію. Лигурійцы сош-

лись вмѣстѣ всѣ , нѣсколько тысячъ , чтобы отнять у него быковъ , стали стрѣлять въ него стрѣлами и бросать каменьями. Геркулесь убивалъ всѣхъ , кто къ нему приближался , но они близко не подходили , а бросали въ него издали стрѣлы и каменья , и потому онъ самъ могъ не иначе попадать въ нихъ , какъ стрѣлая изъ лука. Ихъ было очень много , у него стрѣлъ не достало , и они конечно-бы его убили , если-бы отецъ его Юпитеръ не пришелъ къ нему на помощь. Юпитеръ пустилъ на Лигурійцевъ каменный дождь и перебилъ этимъ многихъ ; Геркулесь-же собиралъ между тѣмъ каменья въ кучу и бросалъ ими въ непріятелей , такимъ образомъ побѣдилъ ихъ. Во Франціи , въ Провансѣ , видно до сихъ поръ поле , покрытое каменьями , это поле называется Крао.

Потомъ Геркулесь погналъ быковъ черезъ Альпы , и пролагалъ имъ дорогу по снѣгамъ и по льдамъ ; пришелъ

съ ними къ Тибру, гдѣ теперѣ Римъ стоитъ. Тогда тутъ города не было; подъ горою Авентиномъ была пещера, въ этой пещерѣ жилъ злой великанъ, по имени Какій; онъ выпускалъ пламя ртомъ и носомъ, и много вредилъ живущимъ около него людямъ. Этотъ великанъ пришелъ ночью, укралъ самыхъ лучшихъ быковъ и спряталъ ихъ въ свою пещеру; а для того, чтобы Геркулесъ не узналъ, что онъ ихъ туда спряталъ, притащилъ ихъ въ пещеру за хвостъ, и по слѣдамъ казалось, будто быки шли изъ пещеры, а не въ пещеру.

Геркулесъ искалъ всюду украденныхъ быковъ, но не нашедши, пошелъ съ остальными въ назначенный путь. Когда онъ проходилъ мимо Авентина, одинъ изъ быковъ замычалъ, украденные, услышавъ голосъ товарища, отвѣчали ему также мычаньемъ. Какій загородилъ входъ въ пещеру огромнымъ утесомъ, Герку-

лесь отодвинулъ его. Какій зачалъ дуть на него огнемъ и поломемъ, но Геркулесь не испугался и убилъ его до смерти.

Когда онъ былъ на Перешейкѣ, не далеко отъ Тиринта, и шелъ узкой дорогой между моремъ и высокими скалами, то вдругъ напалъ на него злой великанъ, по имени Алкиней, и бросилъ такимъ тяжелымъ камнемъ, какого двадцать четыре буйвола не могли-бы свезти съ мѣста, если-бъ онъ лежалъ на повозкѣ; Геркулесь, по счастью, посторонился, и поставилъ подъ камень свою палицу; камень лежитъ еще и теперь тамъ, гдѣ упалъ тогда. На другой день пришелъ онъ въ Тиринтъ, и отдалъ гадкому Эврисею прекрасныхъ быковъ. Это былъ десятый Геркулесовъ подвигъ, и стоилъ ему большаго труда.

Послѣ того Эврисею приказалъ ему принести золотыхъ яблокъ Гесперидскихъ. Когда Юнона праздновала свою

сватьбу съ Юпитеромъ, то подарила ему золотыхъ яблокъ. Юпитеръ посадилъ ихъ въ землю въ саду нимфъ, называемыхъ *Гесперидами*; изъ нихъ выросли большія деревья, а на этихъ деревьяхъ плоды были золотые. Многимъ хотѣлось унести эти золотые яблоки; Геспериды должны были стеречь ихъ сами, и держали для того дракона, у котораго было сто головъ. Геркулесъ совсѣмъ не зналъ, гдѣ найти ему этотъ садъ, и долго у всѣхъ спрашивалъ, куда наконецъ указали къ нему дорогу.

На пути встрѣтился ему Антей, сынъ Земли; онъ былъ чрезвычайно силенъ, боролся со всѣми, кого встрѣчалъ, и убивалъ всѣхъ. Причина силы его была вотъ какая: если кто въ борьбѣ съ нимъ ронялъ его на землю, то земля была мать ему; дотронувшись до нее, вставалъ онъ въ четверо сильнѣе, нежели былъ; а если самъ кого поборалъ, то вставать не давалъ, а убивалъ тотчасъ.

Геркулесь примѣтилъ , что Антей поднимался съ земли гораздо сильнѣе , нежели на нее падалъ , поднялъ его на воздухъ такъ , чтобъ и ноги не касались земли , сжалъ въ рукахъ и задушилъ совсѣмъ.

Потомъ пришелъ онъ въ Египеть. Царь Египетскій Бусиридъ приносилъ въ жертву всѣхъ иностранцевъ , въ его царство прѣзжающихъ , вмѣсто быковъ и ягнятъ. Геркулесу связали руки , онъ далъ себѣ завязать глаза , посыпать , какъ жертвенному волу , соли и муки на голову , и позволилъ повести къ жертвеннику ; но какъ скоро жрецъ взялъ ножъ и хотѣлъ его зарѣзать , то онъ разорвалъ веревки , которыми былъ связанъ , убилъ жрецовъ и жестокаго царя Бусирида до смерти.

Геркулесь былъ великъ и силенъ , и потому не мудрено , что много ѣлъ : однажды , когда онъ былъ очень голоденъ , повстрѣчался ему мужикъ , который

везъ плугъ, запряженный двумя волами. Геркулесь попросилъ у него чего-нибудь поѣсть, мужикъ отказалъ ему и не захотѣлъ ничего дать. Геркулесь тотчасъ разсердился, прогналъ мужика, выпрягъ воловъ, одного зарѣзалъ, разломалъ въ кусочки плугъ, развелъ изъ него огонь, зажарилъ на немъ вола и скушалъ его до чиста!

Потомъ пришелъ онъ на Кавказъ; тамъ, на востокъ, есть очень высокая гора; на одной сторонѣ самага крутаго утеса, куда ни одинъ человекъ не могъ никогда взобраться, Юпитеръ приковалъ цѣпями Проміея, и каждый день прилеталъ орелъ и клевалъ ему бокъ. Геркулесь напругъ лукъ, застрѣлилъ орла, и упросилъ Юпитера освободить Проміея; Юпитеръ исполнилъ его просьбу, и взялъ Проміея на Олимпъ къ прочимъ богамъ.

Наконецъ пришелъ онъ къ Атланту, который стоялъ на самомъ концѣ земли,

и поддерживалъ плечами небесный сводъ, для того, чтобы онъ не упалъ на землю и не раздавилъ ее. Атлантъ былъ братъ отца Гесперидъ, потому Геркулесъ сталъ просить его, чтобы онъ уговорилъ своихъ племянницъ подарить ему нѣсколько яблокъ. Геркулесъ не боялся стоглаваго дракона и убилъ-бы его охотно; но ему не хотѣлось обидѣть нимфъ, и силою отнять у нихъ яблоки. Атлантъ пошелъ уговаривать племянницъ, а Геркулесъ взялъ между тѣмъ небесный сводъ на свои плеча. Геспериды дали дядѣ три яблока, и велѣли отдать Геркулесу съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ имъ, черезъ нѣсколько времени, яблоки назадъ. Геркулесъ обѣщалъ возвратить имъ яблоки, а онѣ знали, что обѣщанью его вѣрить можно. Когда Атлантъ пришелъ къ Геркулесу, то ему хотѣлось заставить его всегда держать на плечахъ небесный сводъ; самому надоело; но Геркулесъ

погрозилъ, что онъ его съ себя сбросить, Атлантъ взялъ тогда на плеча небо, а ему отдалъ яблоки. Геркулесъ отнесъ ихъ Эврисѣю, и сказалъ, что обѣщаль возвратить опять Гесперидамъ. Эврисѣей охотно удержалъ-бы у себя яблоки, но зналъ, что Юпитеръ позволить тогда Геркулесу наказать его, и потому отдалъ ихъ назадъ, Геркулесъ отнесъ Минервѣ, а та переслала Гесперидамъ. — Вотъ это одиннадцатый Геркулесовъ подвигъ.

Оставался еще одинъ, и когда его совершить Геркулесъ, то будетъ совершенно свободенъ, и Эврисѣей не властенъ уже будетъ повелѣвать имъ. Вотъ онъ и выдумалъ, чтобы Геркулесъ привелъ ему Цербера изъ подземнаго царства.

Геркулесъ пошелъ къ Тенару. Такъ называется въ Греціи высокая мысъ, въ утесахъ котораго есть глубокія разсѣлины

и пещеры; этими пещерами можно сойти въ подземное царство. Геркулесь сходилъ все ниже и ниже, покуда пришелъ къ Стиксу рѣкѣ, обтекающей вкругъ всего подземнаго міра, надъ которымъ царствуетъ Плутонъ. На этой рѣкѣ нѣтъ моста, а черезъ нее перевозить всѣхъ на лодкѣ Харонъ, одинъ разъѣзжая туда и сюда. Харонъ сказалъ Геркулесу, что онъ слишкомъ великъ и тяжелъ, и лодка его не подниметъ, но принужденъ былъ его послушаться. Меркурій провожалъ его и указывалъ ему дорогу. Только что онъ переправился черезъ Стиксъ, явилась передъ нимъ голова Медузы, одной изъ Горгонъ; она превращала въ камень всѣхъ, кто ее пугался; но Геркулесь, безъ всякаго страха, вынулъ мечъ и замахнулся на нее; она тотчасъ убѣжала. Церберъ разорвалъ-бы всякаго живаго человека, который-бы передъ нимъ явился; но какъ скоро увидѣлъ Геркулеса,

принялся выть, и ползкомъ спрятался подъ тронъ Плутона.

Геркулесъ, пришедши въ подземное царство, захотѣлъ принести богамъ жертву. У Плутона были большія стада, Геркулесъ взялъ быка, чтобы заколоть его; Пастухъ Менетій прибѣжалъ, и сталъ бить Геркулеса и отнимать быка. Геркулесъ схватилъ Менетія и давилъ такъ сильно, что переломалъ-бы всѣ кости, если-бы за него не заступилась Прозерпина, и не попросила пустить его. Плутонъ и Прозерпина ласково приняли Геркулеса, и сказали, что отдаютъ ему охотно Цербера, съ тѣмъ, чтобъ онъ назадъ его прислалъ; если впрочемъ удастся ему сладить съ Церберомъ. Церберъ былъ ростомъ съ слона; на огромномъ его туловищѣ торчали три головы; на головахъ были гривы изъ змѣй, а вмѣсто хвоста вилась большая змѣя. Геркулесъ надѣлъ латы, подаренныя ему Вулканомъ, обернулъ около се-

бя львиную кожу, схватилъ Цербера за шею и потащилъ вонъ; змѣя захвостная ужалила его, и продолжала жалить во все время; но Геркулесь не выпустилъ Цербера изъ рукъ и вытащилъ изъ пещеры опять тѣмъ-же слѣдомъ, какимъ пришелъ. Когда Церберъ увидѣлъ свѣтъ дневной, то совсѣмъ взбѣсился; пѣна пошла у него изо рту, и вездѣ, куда падала, выростали ядовитыя растенія, отъ которыхъ умеръ-бы всякой, кто-бы ихъ отвѣдалъ. Всѣ, кому ни попадался Церберъ, бѣжали отъ него съ ужасомъ. Эвриссеей уползъ въ свою чугунную комнатку. Геркулесь, показавши, ему, повелъ назадъ адскую собаку и отдалъ Харону, который посадилъ въ лодку и отвезъ черезъ Стиксъ.

Это былъ послѣдній, двѣнадцатый подвигъ Геркулеса, послѣ котораго сталъ онъ свободенъ. Отецъ его не хотѣлъ однако, чтобъ онъ жилъ спокойно, но, — употребляя силы, данныя ему для наказа-

нія злыхъ и на помощь притѣсненнымъ, — онъ хотѣлъ, чтобы Геркулесъ трудился всю жизнь, и побѣждалъ гнѣвъ свой, и принималъ наказаніе всякой разъ, когда что дѣлаетъ дурно, какъ принялъ онъ служеніе Эврисоею. Если-же онъ до конца выдержитъ жизнь добрую и благодѣтельную, то, взявши его на небо, Юпитеръ наградитъ его за все претерпѣнное на землѣ.

Геркулесъ могъ-бы наказать мерзавца Эврисоея за всѣ мученія, которыя онъ для него придумывалъ; но онъ зналъ, что рабство было ему дано въ наказаніе, и пошелъ изъ Тиринта, не сдѣлавши Эврисоею никакого неудовольствія.

На островѣ Эвбеи былъ городъ Охалія; король въ этомъ городѣ назывался Эвритій; онъ стрѣлялъ превосходно изъ лука, и сыновья его также превосходно стрѣляли. Онъ велѣлъ сказать по всей Греціи, что дочь свою Іолу отдаетъ только за того, кто дальше его, и даль-

ше сыновей его, попадетъ въ цѣль. Іола была чудесная красавица, и многіе прѣзжали въ Охалію и пробовали стрѣлять изъ лука; но ни одинъ не умѣлъ стрѣлять лучше Эвритія и Эвритидовъ. Пришелъ Геркулесъ, и стрѣлялъ гораздо лучше всѣхъ ихъ; но Эвритій не сдержалъ слова, и не отдалъ Іолу за него замужъ. Геркулесъ очень разсердился; онъ самъ всегда держалъ свои общанія и требовалъ, чтобы другіе съ такою-же честностью исполняли оныя. Однако-же онъ побѣдилъ гнѣвъ и ушелъ оттуда въ Θεσσαλίю.

Король Адметъ, въ городъ Феръ, въ Θεσσαλίи, былъ другъ Геркулеса. Геркулесъ пошелъ къ нему, чтобы у него пообѣдать и провести ночь. Когда пришелъ къ нему въ домъ, нашелъ всѣхъ въ слезахъ и въ горѣ. Король Адметъ былъ отчаянно болѣнъ, и умеръ-бы непременно, если-бъ жена его Алкеста, которая была здорова, не упросила бо-

говъ , чтобы они сдѣлали милость — послали смерть ей, вмѣсто ея мужа: такъ много любила она его. Она умерла, а Адметъ выздоровѣлъ. Когда сталъ онъ совсѣмъ здоровъ, и услышалъ, что жена умерла за него, то чрезвычайно огорчился и умеръ-бы самъ охотно для того, чтобы возвратить жизнь Алкестъ. Въ это-то время пришелъ Геркулесъ, по счастію тѣло не было еще сожжено; онъ побѣждалъ бѣгомъ въ подземное царство, и такъ усердно просилъ Плутона, что тотъ, въ угожденіе ему, отпустилъ душу Алкестъ. Она возвратилась опять въ тѣло, тѣло ожило, и Алкеста долго еще жила съ мужемъ своимъ Адметомъ, оба благодарили Геркулеса, и во всю жизнь свою почитали его своимъ благодѣтелемъ. Если-бъ Плутонъ не согласился на просьбу Геркулеса, то онъ силою отнялъ-бы у него душу Алкесты, а Плутона боялись даже всѣ боги.

Послѣ того Ифитъ, одинъ изъ сыновей Эвритія, пришелъ къ Геркулесу и сталъ просить, чтобы онъ помогъ ему отыскать быковъ отца, которыхъ укралъ хитрый воръ Антиликъ. Этотъ воръ умѣлъ всему, что утащить, дать другой видъ и другой образъ, такъ что хозяинъ украденной вещи, глядя на нее, самъ ее не узнаетъ. Геркулесъ подумалъ, что это была просто хитрость Эвритія, черезъ которую онъ вздумалъ заманить его въ Эвбею, разсердился и за то, какъ человѣкъ, который поступилъ съ нимъ такъ дурно, требуетъ безъ стыда отъ него услуги; и въ первую минуту вспыльчивости схватилъ Ифита за руки и перекинулъ черезъ городскую стѣну. Ифитъ упалъ на голову и умеръ. Юпитеръ въ свою очередь разсердился, что Геркулесъ опять забылъ необходимость укрощать гнѣвъ свой, и обязанность употреблять силу только на помощь людямъ, и наказалъ

его сильной горячкой. Во время болѣзни своей, пришелъ онъ въ бѣшенство и побѣжалъ въ Дельфы, спросить у Аполлонова оракула, какъ ему выздоровѣть. — Аполлонъ не хотѣлъ отвѣчать ему; тогда Геркулесъ выбросилъ треножникъ, на которомъ сидѣла Пифія, когда говорила оракулы, и собрался разорять храмъ. Аполлонъ выскочилъ изъ Адитума, и направилъ лукъ свой на Геркулеса, а Геркулесъ свой лукъ на него. Юпитеръ бросилъ между ними громъ свой, и приказалъ Аполлону изречь оракулъ. Аполлонъ сказалъ, что если Геркулесъ дастъ продать себя на три года въ рабство, то исцѣлится отъ болѣзни и отъ бѣшенства. Наказаніе жестокое! но Геркулесъ сдѣлся опять покоренъ и далъ себя продать. Его купила королева Лидійская, Омфала. Она смѣялась надъ Геркулесомъ, одѣла его въ женское платье, заставила прясть и сидѣть съ ея женщинами, а сама по-

крывалась его львиной кожей. Но она не такъ была зла, какъ Эвриссеей, и не заставляла его дѣлать опасные подвиги.

Три года прошли, Геркулесъ опять сталъ свободенъ, и возвратился въ Грецію. Тамъ собралъ онъ героевъ и другихъ воиновъ, чтобы, вмѣстѣ съ ними, идти наказывать царя Троянскаго Лаомедона. Онъ не могъ разорить стѣнъ города, потому что ихъ построили Нептунъ и Аполлонъ, но приставилъ къ нимъ лѣстницы и по лѣстницамъ вошли на стѣны, и сошли въ городъ. Короля Лаомедона убили, а дочь его Исіону отдалъ Геркулесъ замужъ за друга своего Теламона, который первый, вмѣстѣ съ нимъ, вошелъ на стѣну. Геркулесъ не разорилъ Трои, но сдѣлалъ въ ней царемъ Пріама, сына Лаомедонова. Пріамъ былъ отецъ того Париды, который увезъ прекрасную Елену, и отецъ Гектора, защищавшаго

Трою въ то время, какъ Агамемнонъ и Менелай, съ прочими Греками, осаждали Трою. — Приама убили послѣ взятія Трои.

Потомъ Минерва позвала Геркулеса во Флегру; такъ называлась прекрасная земля около Неаполя, по сию сторону Везувія лежащая; тамъ жили тогда дерзкіе и неугомонные великаны, которые вели войну съ богами. Геркулесь сталъ на сторону боговъ и сражался съ великанами. Наконецъ боги побѣдили, и Юпитерь набросилъ островъ Сицилію, на короля ихъ Тифея, чтобы онъ лежалъ подъ нимъ и не могъ никогда выдти на верхъ земли. Греки говорили, будто отъ того здѣсь въ Италіи бываютъ землетрясенія, что онъ хочетъ выкарабкаться и сбросить съ себя тяжелую ношу. Когда эта битва кончилась, Геркулесь пошелъ опять въ Грецію и пришелъ къ Оэнею, королю Ка-

лидоніи; у него была красавица дочь; ее звали Деіанира. Геркулесь хотѣлъ на ней жениться, и Оэней охотно выдавалъ ее за Геркулеса; но въ тоже время сватался за нее богъ рѣки Ахелай, и Геркулесь долженъ былъ съ нимъ сразиться. Онъ побѣдилъ Ахелая; но тотъ обернулся тотчасъ въ ужаснаго дракона. Геркулесь схватилъ дракона руками за шею. Тогда обернулся онъ въ огромнаго быка и сталъ бодать Геркулеса рогами; но Геркулесь рога его схватилъ также руками и сломалъ ему одинъ рогъ. Тогда Ахелай сознался побѣжденнымъ и просилъ у Геркулеса помилованія; Геркулесь женился на Деіанирѣ и увезъ ее къ себѣ въ домъ. Въ то время не употреблялъ онъ больше своей палицы, которую, побѣдивши льва, срубалъ въ лѣсу съ дикой маслины; онъ посадилъ ее въ землю и посвятилъ богамъ.—Она пустила корни, вѣтви и листы, и выросла прекраснымъ дере-

вомъ, которое было еще живо во времена Марка-Аврелія.

Геркулесъ повелъ Деіаниру въ городъ Трахинъ; на дорогъ должны они были переправиться черезъ рѣку Эвону, которая отъ дождей разлилась широко и глубоко; лодки не было: Геркулесъ пошелъ въ бродъ, а Деіаниру взялся перевести одинъ кентавръ Нессій, который жилъ у берега и за деньги перевозилъ черезъ рѣку путешественниковъ. Но этотъ кентавръ былъ мошенникъ, онъ хотѣлъ украсть Деіаниру и убѣжать съ ней въ горы. Геркулесъ пустилъ въ него стрѣлу, омоченную въ крови гидры, и злодѣй умеръ; но, умирая, сказалъ Деіаниръ, чтобы она собрала кровь, текущую изъ его раны, и когда подумаетъ, что Геркулесъ ее больше не любитъ, то омочила-бы этой кровью платье, которое Геркулесъ надѣнетъ; тогда онъ полюбитъ ее опять. Злодѣй хотѣлъ этимъ отмстить Герку-

лесу. По несчастію Деіанира ему повѣрила, собрала кровь и ничего не сказала объ этомъ Геркулесу.

Высокія горы Парнасъ и Эта состоятъ изъ многихъ горъ, раздѣленныхъ прекрасными долинами; онѣ похожи на тотъ рядъ горъ, которой ты видѣлъ за Тиволи. Въ этихъ горахъ жилъ храбрый, малочисленный народъ, называемый Дорійцы; они вели войну съ другимъ многочисленнымъ народомъ, котораго звали Дріопы. Король Дорійскій назывался Эгимій; онѣ слыхалъ, что Геркулесъ охотно помогалъ слабымъ и защищалъ ихъ отъ несправедливости сильныхъ, и сталъ просить его, чтобъ онѣ взялъ подъ свою защиту народъ его. Геркулесъ тотчасъ пришелъ къ нему на помощь, разбилъ Дріопцевъ, и такъ ихъ ослабилъ, что Дорійцы жили съ тѣхъ поръ въ мирѣ и тишинѣ въ своихъ долинахъ. Эгимій былъ старъ и бездѣтенъ, и потому завѣщалъ, чтобы, послѣ

его смерти, Геркулесъ и потомки его царствовали надъ Дорійцами. Дорійцы были этому очень рады, и, въ правленіе Гераклидовъ, изъ маленькаго и слабаго народа сдѣлались большимъ и сильнымъ.

Послѣ этой войны Геркулесъ пошелъ въ Трахинъ и жилъ съ Деіанирой и дѣтьми своими у добраго, стараго короля Кеира, и отдыхалъ нѣсколько времени отъ тяжелыхъ трудовъ своихъ. Потомъ повѣстилъ онъ по всей Греціи, что хочетъ идти на войну; услыша такое извѣщеніе, всѣ храбрые изъ всѣхъ городовъ и странъ сходились подъ его начальство. Когда войско его собралось, онъ отправился за море, которое, между Трахиномъ и Евбеею очень узко, и воевалъ на островѣ Евбен противъ Евритія. Евритій, съ своими сыновьями, погибъ въ битвѣ. Охалія была завоевана и Геркулесъ привелъ въ Трахинъ плѣнную Іолу и другихъ. Онъ хотѣлъ

выдать ее замужъ за Илла, своего старшаго сына.

Геркулесъ пошелъ не прямо въ Трахинъ, но хотѣлъ прежде, изъ благодарности за побѣду, принести Юпитеру жертву у подошвы горы Эты. Для жертвоприношенія надобно одѣться въ чистыя и новыя платья: а какъ его одежда на войнѣ замаралась кровью и запачкалась, то онъ и послалъ къ себѣ домой въ Трахинъ, чтобы принесли ему новую, чистую одежду. Тогда Деіанира вспомнила о коварномъ совѣтѣ злаго Нессія, окропила его кровью рубашку и послала съ слугою Геркулесу. Геркулесъ надѣлъ ее; но какъ скоро она согрѣлась, то крѣпко прилипла къ тѣлу, и ядъ съ жестокою болью сталъ жечь Геркулеса. Онъ хотѣлъ рубашку снять, но ужъ это было невозможно; она, вмѣстѣ съ ядомъ, проникла внутрь, и Геркулесъ увидѣлъ, что долженъ умереть. Тогда парубилъ онъ деревьевъ, сло-

жилъ одно на другое, сдѣлалъ самъ для себя костеръ, и просилъ друзей своихъ зажечь его. Тогда былъ съ нимъ юноша, по имени Филоктенъ, сынъ одного изъ друзей его; Геркулесъ очень любилъ этого юношу, и тотъ во всемъ былъ ему покоренъ: ему подарилъ Геркулесъ лукъ свой и стрѣлы и приказалъ зажечь костеръ. Юноша очень огорчился, однако не смѣлъ не послушаться. Это послѣднее страданье окончило всѣ Геркулесовы несчастія. Какъ скоро костеръ загорѣлся, поднялась буря и посреди молнii и грома опустилось на костеръ облако, взяло душу Геркулеса и унесло на Олимпъ: тѣло его сгорѣло. Когда Геркулесова душа явилась на Олимпъ, Юпитеръ обратилъ его въ бога, и всѣ другіе боги, которые всегда его любили, привѣтствовали его и обнимали, и сама Юнона, которая прежде его ненавидѣла, стала съ нимъ добра и ласкова, и отдала за него замужъ дочь

свою прекрасную Гебу.—Во всѣхъ земляхъ, гдѣ Геркулесъ такъ много сдѣлалъ добра, истребилъ лютыхъ звѣрей и злыхъ тирановъ, говорили объ немъ всегда съ благодарностью и съ великимъ почтеніемъ. Съ тѣхъ поръ прошло много вѣковъ; но имя его все еще упоминаютъ съ любовью и уваженіемъ, а дурнаго, злаго Эврисея всѣ презираютъ и ненавидятъ.

ИРАКЛИДЫ (*) И ОРЕСТЬ.

Эвриссеей былъ такой злой, что, послѣ смерти Геркулеса, преслѣдовалъ дѣтей его и хотѣлъ ихъ убить: онъ зналъ, что они когда-нибудь накажутъ его за все зло, которое дѣлалъ отцу ихъ; старый король Эгимій не могъ защитить ихъ, и они бѣжали въ Аѣины. Тогда Эвриссеей, съ сильнымъ войскомъ, пошелъ на Аѣины, и требовалъ, чтобы ему выдали Ираклидовъ. Аѣиняне и царь ихъ Тезей были столько-же добры, сколько

(*) Геркулеса звали также Ираклѡмъ.

благородны, и захотѣли лучше отважиться на все, нежели поступить дурно. Иолай, другъ Геркулеса, тогда уже умеръ; въ подземномъ царствѣ слышалъ онъ, что дѣти его друга находятся въ опасности; онъ выпросилъ у Плутона позволеніе придти на одинъ день на землю, чтобы помочь имъ. Плутонъ позволилъ. Аѳиняне въ жестокой битвѣ одержали побѣду, а Иолай своею рукою убилъ Эврисею и возвратился въ подземной міръ. Ираклиды возвратились къ королю Эгимію, и послѣ смерти его, Иллъ сдѣлался на его мѣстѣ королемъ Дорійскимъ.

Предки Алкмены царствовали въ Аргосѣ; слѣдовательно Геркулесъ, а послѣ него его дѣти и потомки имѣли право быть въ Аргосѣ королями. Послѣ смерти Эврисею, Иллъ, съ своими Дорійцами, старался завоевать Пелопонесъ, но это ему не удалось. Король Аркадіи Эхемій убилъ его на поединкѣ,

а сынъ его Клеодій возвратился, съ своими Дорійцами, опять на Парнассъ. Пелопонесъ есть полуостровъ, то есть, кругомъ его течетъ море, какъ кругомъ острова, выключая одного мѣста, гдѣ узкая частица земли соединяетъ Пелопонесъ съ остальной Греціею. Эта узкая часть земли называется перешеекъ (isthmus), и вся покрыта высокою горою, на которой нѣтъ дороги; а дорога идетъ у подошвы горы, по берегу моря, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ узка, что не много людей нужно, чтобы защитить ее; а если нѣкоторые будутъ на горѣ стоять и бросать оттуда камнями, то рѣшительно можно по дорогѣ никого не пропустить. Пелопонесъ большая земля, наполненная высокими горами; на вершинѣ многихъ горъ лежатъ снѣгъ и ледъ, даже лѣтомъ; онѣ почти также высоки, какъ Альпы; другія покрыты лѣсами и паствами; долины всѣ плодоносны, тамъ растетъ

много всякаго хлѣба , оливокъ и винограду. Въ Пелопонесѣ было много прекрасныхъ городовъ : Спарта , Аргосъ , Микина , Тиринтъ , Коринѣъ , Пилосъ и многіе другіе.

По смерти Илла , сынъ его Клеодій пошелъ еще разъ на Пелопонесъ , но не могъ перейти перешеекъ ; послѣ его смерти , также точно случилось и съ сыномъ его Аристомахомъ. У Аристомаха было три сына : Кимень , Кресфонтъ и Аристодимъ. Они не унывали , видя , что ни отцу , ни дѣду , ни прадѣду не было удачи , и помнили , что праотцу ихъ Геркулесу много нужно было перенести напастей и бѣдъ , чтобы получить такую славу. Они собрали опять войско ; Дорійцы охотно вооружились ; земли у нихъ было мало и та не такъ плодотворна ; слѣдовательно надѣялись , покоривши Пелопонесъ , получить много прекрасной земли. Но прежде всего Ираклиды спросили Оракула въ Дельфахъ , что имъ

надобно сдѣлать для удачнаго похода? Аполлонъ отвѣчалъ, что имъ надобно взять въ предводители трехглазаго человѣка. Они этому совѣту очень удивились, и съ боязнью подумали, что никогда не найдутъ такого человѣка; но, выезжая изъ Дельфъ, повстрѣчали они одного Оксила Этолійца; онъ уѣзжалъ изъ своего отечества Этолїи, потому что нечаянно убилъ человѣка, играя въ дискъ. Оксилъ былъ кривой; одинъ глазъ былъ у него выколотъ стрѣлою, и ѣхалъ на мулъ, который глядѣлъ въ оба глаза. Тутъ Ираклиды отгадали, что имъ должно взять Оксила въ предводители, и это было точно такъ. Оксилъ сказалъ имъ, что предки ихъ напрасно старались перейти въ Пелопонесъ черезъ перешеекъ, что благоразумнѣе было-бы построить корабли, и идти на Пелопонесъ моремъ: тогда короли Пелопонеса не могли-бы узнать, куда корабли ихъ пристадутъ; слѣдовательно не могли-бы

приготовить противъ нихъ войска. Тогда Ираклиды со всѣмъ своимъ войскомъ пошли на берегъ, лежащій противъ сѣвернаго берега Целопонеса; тамъ море очень не широко. На горахъ растетъ тамъ много деревьевъ. Они нарубилъ лѣсу, напилили его и построили себѣ суда, а очень большія деревья выдалбливали просто внутри, и дѣлали изъ нихъ лодки. Мѣсто, гдѣ они переправлялись, называли послѣ Навпакто, а теперь зовутъ Лепантъ. За 250 лѣтъ, Христіане разбили и истребили подъ Лепантомъ большой Турецкой флотъ, который Турки послали для завоеванія Италіи. Короли и народы Целопонеса были не всѣ между собою въ согласіи: Іонійцы, жившіе на берегу противъ Навпакты, и Аркадяне, во внутренности полуострова, заключили миръ съ Ираклидами и Дорійцами, и пропустили ихъ перейти черезъ ихъ земли. Это было очень глупо, какъ ты самъ увидишь.

Менелай умеръ, не оставя наслѣдника своему престолу: у Елены была одна только дочь Герміона, а Меганпентъ былъ сынъ невольницы. У Агамемнона, короля Микинскаго, предводителя всѣхъ Греческихъ царей, во время осады Трои, былъ сынъ Орестъ. Онъ былъ еще очень малъ, когда отецъ его, возвратясь отъ Трои, былъ убитъ Эгистомъ и въроломною женою своею Клитемнестрой. Эгистъ хотѣлъ убить и младенца-сына, но Электра, сестра его, которая гораздо была старѣе, спрятала его, и отослала съ вѣрнымъ слугою въ Фокиду, къ пріятелю отца ихъ, котораго звали Строфій. Строфій не сказалъ никому, что мальчикъ, у него живущій, Орестъ: онъ боялся, чтобы Эгистъ не прислалъ убійцъ, и чтобы они мальчика не умертвили. У Строфія былъ сынъ, по имени Пиладъ, очень добрый и хорошій; съ нимъ вмѣстѣ воспитывался Орестъ и учился всему, чему тотъ учился. Мальчики лю-

били очень другъ друга, и ничему не радовались, какъ скоро не были вмѣстѣ; выростая, все больше и больше дружились. А если два человѣка любятъ другъ друга крѣпко, если каждый изъ нихъ думаетъ только о томъ, что другому пріятно и добро, если все для него дѣлаетъ и жизни своей не щадитъ, то говорятъ объ такихъ друзьяхъ, что они похожи на Ореста и Пилада. Это говорятъ и до сихъ поръ. Оба они были сильны, велики и храбры.

Когда Орестъ выросъ и сталъ крѣпкимъ юношей, то пошелъ въ Дельфы и спросилъ Оракула что ему дѣлать, чтобы получить царство отца своего? Оракуль велѣлъ отмстить за смерть отца и убить Клитемнестру и Эгиста; но одному, безъ войска, а употребя хитрость. Орестъ пошелъ въ Микину; вѣрный другъ его Пиладъ съ нимъ, также и старый слуга, приведшій его къ Строфию. Орестъ и Пиладъ спрятались при

входъ въ городъ на кладбищъ у памятника, а слуга, котораго никто уже въ городъ узнать не могъ, пошелъ во дворецъ, сказалъ, что онъ чужестранный путешественникъ, и рассказалъ Клитемнестръ и Эгисту, будто Орестъ на скачкѣ, въ Дельфахъ, опрокинутъ былъ изъ колесницы и убитъ до смерти. Они этому повѣрили, и Клитемнестра была такая злая, и такъ не похожа на мать, что этому порадовалась. Ей совѣсть говорила, что она заслужила, чтобы сынъ отмстилъ на ней смерть отца своего и убилъ ее. Эгистъ и она учредили праздникъ отъ радости, что нѣчего уже имъ бояться мщенія. На праздникъ пришли Орестъ и Пиладъ въ городъ, и требовали, чтобы король и королева допустили ихъ къ себѣ рассказать имъ подробности о смерти Ореста. Ихъ впустили, и они обоихъ закололи. Хотя Орестъ убилъ мать свою, по повѣленію Оракула, но ни Аполлонъ, ни Минерва

не могли защитить его отъ Эвменидъ. Эвмениды были ужасныя богини, ходили всегда съ змѣями, съ зажженными факелами, и мучили тѣхъ преступниковъ, которые убивали родителей, или братьевъ, или родныхъ, или гостей своихъ. Когда Орестъ увидѣлъ Эвменидъ, то впалъ въ отчаяніе и убѣжалъ, Эвмениды преслѣдовали его всюду, но Пиладъ и сестра его Электра не покидали его, и дѣлили съ нимъ его тоску и отчаяніе. Наконецъ Орестъ убѣжалъ въ Аѣины, во храмъ Минервы, и Минерва не допустила Эвменидъ въ храмъ къ себѣ, а вмѣстѣ съ Аполлономъ уговорили ихъ спросить у судей Ареопага, имѣлъ-ли Орестъ право убить мать свою, когда Аполлонъ ему именно это велѣлъ, и онъ не могъ иначе отмстить за смерть отца своего? Судей въ Ареопагѣ было двѣнадцать; передъ ними стояла урна, и каждый судья держалъ въ рукѣ два камышка, одинъ бѣлый, дру-

гой черный. Кто обвиненнаго почиталъ виновнымъ, тотъ клалъ въ урну черный камень, кто считалъ его невиннымъ, тотъ бѣлый. Шестеро судей объявили Ореста невиннымъ, потому что онъ повиновался богамъ, и отмстилъ за смерть отца; шесть другихъ судей обвинили его, потому что Клитемнестра была ему мать. Когда опрокинули урну и стали считать камышки, то Минерва и Аполлонъ сдѣлали чудо и превратили одинъ черный камышекъ въ бѣлый, такъ что бѣлыхъ нашлось семь. Орестъ былъ оправданъ, и страшныя Эвмениды перестали къ нему являться. Послѣ этого Орестъ и Пиладъ пошли странствовать по разнымъ землямъ, для того, чтобы Орестъ искупилъ чѣмъ-нибудь свое преступленіе. Пиладъ не покидалъ его нигдѣ, а Электра возвратилась въ Аргось.

Орестъ и Пиладъ пришли въ Тавриду, это полуостровъ на Черномъ морѣ.

Греки называли это море Понтъ Эвксинской. Съ одной стороны этого большаго моря лежитъ Европа, а съ другой Азія; изъ этого большаго моря идетъ къ Константинополю широкій рукавъ, какъ будто огромная рѣка, и называется Пропонтида, а отъ Пропонтиды море опять большимъ рукавомъ соединяется съ Средиземнымъ, около, котораго лежатъ въ Европѣ Греція, Италія, Франція и Испанія, а въ Азіи Анаполія и Сирія, въ Африкѣ-же Египетъ и Ливія. Полуостровъ Таврида назывался Таврической Херсонисъ; онъ былъ прекрасный, плодоносной и свѣтлый край, но Тавры былъ народъ дикой и свирѣпый; они приносили въ жертву Діанѣ всѣхъ иностранцевъ, къ нимъ пріѣзжавшихъ. Немногіе пріѣзжали добровольно, но кораблекрушенія бросали многихъ на берега ихъ. Плаваніе по Эвксинскому Понту очень опасно отъ сильныхъ и частыхъ бурь.

Ореста и Пилада привели къ Діанной жрицѣ, чтобы она принесла ихъ въ жертву. Когда она узнала Грековъ, то очень огорчилась, потому что сама была Гречанка; она спросила: чьи они дѣти? Орестъ сказалъ, что онъ сынъ несчастнаго короля Агамемнона. Тогда жрица обняла его и сказала, что она сестра его Ифигеніи, о которой Орестъ думалъ, что она умерла.

А съ нею вотъ что случилось: Когда Греки осаждали Трою, то корабли собрались въ гавань Авлиды, въ Віотіи, и когда всѣ вмѣстѣ съѣхались и хотѣли плыть къ Троѣ, то невозможно было выдти изъ гавани отъ противнаго вѣтра. Тогда жрецъ Калхасъ возвѣстилъ, что Діана обижена Агамемнономъ при какомъ-то жертвоприношеніи, и что вѣтеръ не перемѣнится, и флотъ не придетъ никогда къ Троѣ, если Агамемнонъ не принесетъ въ жертву старшей дочери своей Ифигеніи. Агамемнонъ на

это не согласился, и хотѣлъ возвра-
титься безъ войны, и распустить по до-
мамъ всѣхъ Греческихъ королей, съ ихъ
воинами, но Греки этого незахотѣли,
потому что было противно ихъ чести, и
принудили Агамемнона дать свое согла-
сіе. Ифигенія сама рѣшилась отдать
себя добровольно на жертву, чтобы спа-
сти честь своего народа, и наказать Па-
рида и Троянъ. Когда подвели Ифигенію
связанную и вѣнчанную цвѣтами къ жерт-
веннику, то Діана накрыла жертвенникъ
и ее темнымъ облакомъ; а когда облако
изчезло, то Греки, вмѣсто Ифигеніи, уви-
дѣли бѣлую лань, ее-то и принесли въ
жертву Діанѣ. Вѣтеръ сдѣлался тот-
часъ благопріятенъ. Греки сѣли на ко-
рабли и счастливо приплыли къ Троѣ.
Діана между тѣмъ перенесла Ифигенію
по воздуху въ землю Тавровъ, и сдѣ-
лала ее жрицей своего храма.

Когда Ифигенія и Орестъ узнали, что
они братъ и сестра другъ другу, то

стали думать какъ-бы имъ уйти вмѣстѣ; Ифигенія попросила усердно Діану, и Діана приказала королю Тавровъ отпустить ее; такимъ образомъ Ифигенія возвратилась въ Микину съ Орестомъ, который сталъ жить спокойно въ своемъ отечествѣ. Пиладъ женился на Электрѣ и жилъ всегда вмѣстѣ съ своимъ другомъ: Орестъ женился на Герміонѣ, дочери дяди своего Менелая; и когда Менелай отправился въ Елисейскія поля, то наследовалъ его королевствомъ—Лакедемономъ, такъ что былъ въ одно время королемъ Микины и Лакедемона. Послѣ его смерти царствовалъ сынъ его Тисамень; онъ былъ королемъ въ то время, когда Ираклиды съ Дорійцами вошли въ Пелопонесъ. Тисамень, съ своими Ахеянами, пошелъ противъ Ираклидовъ, но былъ разбитъ, и Ираклиды покорили все его царство. Тогда Тисамень собралъ тѣхъ Ахейанъ, которые не захотѣли быть подданными

Дорійцевъ, и пошелъ съ ними противъ Іонійцевъ, за то, что они пропустили черезъ свою землю Дорійцевъ и Ираклидовъ, и выгналъ ихъ совсѣмъ изъ земли ихъ, и поселился тамъ съ своими Ахеянами. Эта земля и называлась Ахаіей до самыхъ тѣхъ поръ, пока Турки покорили Грецію подъ свое иго. Такимъ образомъ Іонійцы были наказаны за то, что впустили въ Пелопонесъ чужой народъ, не защищаясь противъ него.

У Дорійцевъ было три короля въ то время, когда они въ Навпактѣ готовились переправиться въ Пелопонесъ: Тимень, Кресфонтъ и Аристодимъ. Они всѣ трое были братья, Ираклиды, сыновья праправнука Геркулесова, то есть, Геркулесъ былъ дѣдушка ихъ дѣдушкѣ. Аристодимъ умеръ убитый молніей, и оставилъ двухъ сыновей: Эврисфена и Прокла. Они были еще маленькіе дѣти, и опекуномъ ихъ былъ

брать ихъ матери. Когда Дорійцы завоевали землю Тисафена и землю короля Пилая, то не захотѣли жить подъ правленіемъ одного короля, а хотѣли имѣть трехъ королей, и землю раздѣлили на три государства: Аргось, Лакедемонъ и Мессенію. — Мессенія была лучше прочихъ земель, и каждый изъ нихъ желалъ взять ее себѣ, и никакъ не могли между собой согласиться кому въ ней царствовать, потому и рѣшили предоставить жребію. Вотъ какъ они положили: тотъ, чье имя прежде вынется изъ урны, будетъ царствовать въ Аргось, другой, чье имя вынется послѣ этого, въ Лакедемонъ, а кто останется въ урнѣ, тотъ получитъ Мессенію. Тогда бумаги было мало, они писали имена свои на горшечныхъ обломкахъ; Тименъ написалъ свое имя на такомъ обломкѣ, и Тирась, дядя Эврисѣена и Прокла, ихъ имена на такомъ-же обломкѣ, и Кресфонтъ написалъ также свое

имя; всѣ три обломка положили въ сосудъ съ водою, и отдали жрецу, чтобы доставалъ ихъ изъ воды. Но Кресфонтъ написалъ свое имя не на обломкѣ обожженной глины, которая въ водѣ не расходуется, а на кусочкѣ высушенной земли, которая въ водѣ распускается; и потому тотъ, кто доставалъ имена ихъ изъ сосуда, не могъ найти этого обломка, а вынулъ прежде обломокъ съ именемъ Тимена. Тимену достался Аргось, потомъ, съ именами дѣтей Аристодима, имъ достался Лакедемонъ, а Кресфонту послѣднему осталась Миссенія. За этотъ обманъ потомки королей Лакедемонскихъ и потомки Кресфонта были въ непрестанной враждѣ между собою.

У Кресфонта былъ очень злой братъ, котораго звали Полифонтомъ; ему захотѣлось быть королемъ, онъ убилъ брата своего и всѣхъ его дѣтей, исключая одного мальчика, по имени Эпидія. Его спрятала мать его Метропа и ото-

слала къ другу убитаго своего мужа въ Этолію; Этолія большое государство на берегу рѣки Ахелая. Эпидъ жилъ тамъ и учился хорошо, а мать часто посылала въ Этолію стараго служителя, которой отвозилъ Эпида къ другу отца его, чтобы провѣдать здоровъ-ли онъ и какъ живетъ. Эпидъ слыхалъ часто отъ своего хозяина и отъ стараго слуги, что дядя его убилъ Кресфонта, отца его, и рѣшился отмстить за смерть отца. Когда выросъ большой и собрался съ силами, то пошелъ въ Этолію, не сказавши никому, что замышлялъ сдѣлать; это было очень благоразумно, потому что не слѣдуетъ разглашать напередъ не сдѣланнаго, опаснаго предпріятія. Онъ пошелъ черезъ Ахаію и Элиду въ Мессенію, велѣлъ доложить о себѣ королю Полифонту, рассказалъ ему будто онъ Этоліецъ, будто убилъ молодаго Эпида, котораго Полифонтъ столько-же боял-

ся, сколько Эгистъ боялся Ореста, и пришелъ къ нему просить за то награды. Полифонтъ очень обрадовался, обѣщаль ему богатую награду и велѣлъ жить во дворцѣ во все время, покуда будетъ въ Мессеніи. Потомъ обнародоваль, что на завтра будетъ праздновать большой праздникъ, потому что получилъ очень радостное извѣстіе. Мeroпa услышала, что убійца сына ея живетъ во дворцѣ; въ тотъ-же день воротился къ ней посланный ею старый слуга изъ Этолій и сказалъ, что Эпида тамъ не нашель, и что никто не знаетъ куда онъ дѣвался. Мeroпa и повѣрила, что сынъ ея убитъ, и что убійца его близко; стала плакать горько, рвать на себѣ волосы, и бѣгать въ отчаяніи по всему дворцу. Въ одной изъ дворцовыхъ галлерей, Эпидъ, усталый отъ дальней дороги, спалъ крѣпкимъ сномъ, она посмотрѣла на него и не узнала. Сына своего отослала она маленькимъ

мальчиномъ, а тутъ спалъ высокій, крѣпкій юноша; вотъ она схватила кинжалъ и хотѣла заколотъ его. По счастью, старый слуга ея шелъ за нею, онъ узналъ Эпида и сказалъ матери, что этотъ чужестранецъ сынъ ея. Метропа бросилась обнимать его и цѣловать, онъ проснулся и, услышавши отъ стараго слуги, что это мать его, съ великой любовью ее обнялъ, и все плакали отъ радости и сговорились вмѣстѣ, какъ отмстить Полифонту. На другое утро тиранъ приготовилъ все для праздника и для жертвоприношенія и велѣлъ позвать чужестранца, чтобы онъ шелъ съ нимъ во храмъ; онъ такъ былъ золъ и безбоженъ, что не постыдился приказать Метропѣ идти также на праздникъ. Эпидъ шелъ подлѣ Полифонта, и просилъ позволенія принести также одного быка въ жертву. Полифонтъ принесъ въ жертву цѣлую гекатомбу. Онъ стоялъ рядомъ съ Эпидомъ, и Эпидъ

ударилъ его топоромъ въ голову, вмѣсто быка. Въ то-же время Метропа закричала стражѣ и народу: « это сынъ мой, Эпидъ, Государь вашъ! сынъ Кресфонта, вашего добраго короля! онъ отмстилъ за смерть отца своего! » Народъ любилъ Кресфонта и не навидѣлъ его убійцу; ту-же минуту провозгласилъ онъ Эпида Государемъ своимъ, и потомки его царствовали послѣ него въ Мессеніи, и по его имени назывались Эпидами.

Сыновья Аристодема Эвриссеей и Проклъ были маленькіе дѣти въ то время, когда Ираклиды завоевали Пелопонесъ. Дядя ихъ Тирасъ управлялъ государствомъ, оба въ одно время были королями Спарты, у обоихъ были сыновья, слѣдовательно въ Спартѣ были, въ одно время, всегда два короля. Кресфонтъ, со всѣми своими подданными, былъ очень добръ, но сыновья Аристодема обходились очень дурно и строго

съ Лаконцами, и подчинили ихъ Дорійцамъ съ ними пришедшимъ; Дорійцы одни повелѣвали въ государствѣ, и отняли у старожилонъ много земли хлѣбопашной и другой. Жители большого города Илоса возмутились противъ этой несправедливости, къ нимъ пристали многіе другіе Лаконцы: но король Агисъ, сынъ Эврисеена побѣдилъ ихъ, разбилъ, и разорилъ совершенно городъ Илосъ. Всѣ Лаконцы, взявшіе оружіе противъ Спартанъ, сдѣланы были ихъ рабами. Они обрабатывали землю и обязаны были отдавать каждый годъ Спартанцамъ половину всей жатвы и всѣхъ плодовъ, трудами ихъ пріобрѣтенныхъ. Если Спартанецъ убивалъ Илота, то не былъ за то наказанъ; когда Спартанецъ бралъ Илота на войну, то Илотъ не смѣлъ носить другаго оружія, кромѣ пращи и дротика.

Конецъ перваго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
СКАЗКА ВЪ ВИДѢ АЛЬМАНАХА	1
Караванъ	14
Повѣсть о Калифѣ Анетѣ	22
Повѣсть о мертвецахъ мореплавателяхъ .	31
Повѣсть объ отрубленной рукѣ	30
Повѣсть о спасеніи фатимы	124
Похожденія маленькаго Мука	170
Повѣсть о ложномъ принцѣ	216
Разсказъ Орбасана	239

ИСТОРИЯ ГРЕЧЕСКИХЪ ГЕРОЕВЪ

Предисловіе	5
Путешествіе Аргонавтовъ	3
Исторія Геркулеса	23
Ираклиды и Орестъ	79

OTJABJENIE

1	KAKO JE BIL A. K. KAZAN
11	.....
21	.....
31	.....
41	.....
51	.....
61	.....
71	.....
81	.....
91	.....
101	.....
111	.....
121	.....
131	.....
141	.....
151	.....
161	.....
171	.....
181	.....
191	.....
201	.....
211	.....
221	.....
231	.....
241	.....
251	.....
261	.....
271	.....
281	.....
291	.....
301	.....
311	.....
321	.....
331	.....
341	.....
351	.....
361	.....
371	.....
381	.....
391	.....
401	.....
411	.....
421	.....
431	.....
441	.....
451	.....
461	.....
471	.....
481	.....
491	.....
501	.....
511	.....
521	.....
531	.....
541	.....
551	.....
561	.....
571	.....
581	.....
591	.....
601	.....
611	.....
621	.....
631	.....
641	.....
651	.....
661	.....
671	.....
681	.....
691	.....
701	.....
711	.....
721	.....
731	.....
741	.....
751	.....
761	.....
771	.....
781	.....
791	.....
801	.....
811	.....
821	.....
831	.....
841	.....
851	.....
861	.....
871	.....
881	.....
891	.....
901	.....
911	.....
921	.....
931	.....
941	.....
951	.....
961	.....
971	.....
981	.....
991	.....
1001	.....

